

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ОБЩЕМУ
И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

”НАУКА”
МОСКВА—1993

Заместители главного редактора:

Ю.С. СТЕПАНОВ, Н.И. ТОЛСТОЙ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АБАЕВ В.И.
БАНЕР В. (ФРГ)
БЕРНШТЕЙН С.Б.
БИРНБАУМ Х. (США)
БОГОЛЮБОВ М.Н.
БУДАГОВ Р.А.
ВАРДУЛЬ И.Ф.
ВАХЕК Й. (Чехия)
ВИНТЕР В. (ФРГ)
ГРИНБЕРГ Дж. (США)
ДЖАУКЯН Г.Б. (Армения)
ДОМАШНЕВ А.И.
ДРЕССЛЕР В. (Австрия)
ДУРИДАНОВ И. (Болгария)
ЗИНДЕР Л.Р.
ИВИЧ П. (Югославия)
КЁРНЕР К. (Канада)
КОМРИ Б. (США)
КОСЕРИУ Э. (ФРГ)
ЛЕМАН У. (США)
МАЖЮЛИС В.П. (Литва)

МАЙРХОФЕР М. (Австрия)
МАРТИНЕ А. (Франция)
МЕЛЬНИЧУК А.С. (Украина)
НЕРОЗНАК В.П.
ПИЛЬХ Г. (ФРГ)
ПОЛОМЕ Э. (США)
РАСТОРГУЕВА В.С.
РОБИНС Р. (Великобритания)
СЕМЕРЕНЬИ О. (ФРГ)
СЛЮСАРЕВА Н.А.
ТЕНИШЕВ Э.Р.
ТРУБАЧЕВ О.Н.
УОТКИНС К. (США)
ФИШЬЯК Я. (Польша)
ХАТТОРИ СИРО (Япония)
ХЕМП Э. (США)
ШВЕДОВА Н.Ю.
ШМАЛЬСТИГ В. (США)
ШМЕЛЕВ Д.Н.
ШМИДТ К.Х. (ФРГ)
ШМИТТ Р. (ФРГ)
ЯРЦЕВА В.Н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АЛПАТОВ В.М.
АПРЕСЯН Ю.Д.
БАСКАКОВ А.Н.
БОНДАРКО А.В.
ВАРБОТ Ж.Ж.
ВИНОГРАДОВ В.А.
ГЕРЦЕНБЕРГ Л.Г.
ГАК В.Г.
ДЫБО В.А.
ЖУРАВЛЕВ В.К.
ЗАЛИЗНЯК А.А.
ЗЕМСКАЯ Е.А.
ИВАНОВ ВЯЧ.В.С.
КАРАУЛОВ Ю.Н.
КИБРИК А.Е.
КЛИМОВ Г.А. (отв. секретарь)
КОДЗАСОВ С.В.

ЛЕОНТЬЕВ А.А.
МАКОВСКИЙ М.М.
НЕДЯЛКОВ В.П.
НИКОЛАЕВА Т.М.
ОТКУПЩИКОВ Ю.В.
СОБОЛЕВА И.В.
СОЛНЦЕВ В.М.
СТАРОСТИН С.А.
ТОПОРОВ В.Н.
УСПЕНСКИЙ Б.А.
ХЕЛИМСКИЙ Е.А.
ХРАКОВСКИЙ В.С.
ШАРБАТОВ Г.Ш.
ШВЕЙЦЕР А.Д.
ШИРОКОВ О.С.
ЩЕРБАК А.М.

СОДЕРЖАНИЕ

Падучева Е.В., Розина Р.И. (Москва). Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства	5
Рузин И.Г. (Москва). Природные звуки в семантике языка (Когнитивные стратегии именования)	17
Белова А.Г. (Москва). К вопросу о реконструкции семитского корневого вокализма	28
Оглоблин А.К. (С.-Петербург). Система яванских гласных: гармония по подъему	57
Беляев Д.Д. (Тула). Славянские заднебные после падения редуцированных	64
Крысько В.Б. (Москва). Новые материалы к истории древненовгородского номинатива на <i>-e</i>	78
Концкая В.П. (Москва). Семантические типы слов (на материале английского языка)	89

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Кабакова Г.И. (Москва). Французская этнолингвистика: проблематика и методология	100
Хант Д. (Хай Уайкомб, Великобритания). Вычислительная лингвистика в Летнем Институте лингвистики	114

Рецензии

Климов Г.А. (Москва). The Non-Slavic languages of the USSR. Linguistic studies; The Non-Slavic languages of the USSR. New series	126
Маковский М.М. (Москва). <i>Karulis K. Latviešu etimologijas vārdnīca. I—II</i> ...	130
Чернов В.И. (Киров). Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис	141
Подлесская В.И. (Москва). Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке)	147

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки	150
Указатель статей, опубликованных в 1993 г.	157

CONTENTS

Pađučeva EV, Rozina RI (Moscow) The semantic class of full-engagement verbs: interpretation and lexico-semantic properties, Ruzin IG (Moscow) Natural sounds in the semantics of language (the cognitive strategies of naming), Belova AG (Moscow) On the reconstruction of the Semitic root-vocalism, Ogloblin AK (St. Petersburg) The system of Javan vowels: harmony of phonetic level patterns, Beljaev DD (Tula) Slavonic back-palatals after the fall of the reduced vowels, Krysko VB (Moscow) New materials on the history of the Old Novgorod nominative in *-e*, Koneckaja VP (Moscow) Semantic types of words (founded on the data of the English language), **Reviews:** Kabakova GI (Moscow) French ethnolinguistics: problems and methods of research, Hunt G (High Wycombe, England) Computational linguistics in the Summer Institute of Linguistics, Klimov GA (Moscow) The Non-Slavic languages of the USSR: Linguistic studies, The Non-Slavic languages of the USSR: New series, Makovskij MM (Moscow) *Karulis K* Latviesu etimoloģijas vārdnīca I—II, Černov VI (Kirov) Grammatical investigations: Functional-stylistic aspect: Morphology: Word-formation: Syntax, Podlesskaja VI (Moscow) *Raxilina EV* Semantics or syntax? (Answering *wh*-questions in Russian), **Scientific life; Index of articles and reviews published in the journal "Voprosy Jazykoznanija" in 1993**

© 1993 г. ПАДУЧЕВА Е.В., РОЗИНА Р.И.

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ КЛАСС ГЛАГОЛОВ ПОЛНОГО ОХВАТА:
ТОЛКОВАНИЕ И ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА**

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Предметом рассмотрения в настоящей работе являются глаголы типа *заваливать, застилат, затягивать, наполнять, усыпать*, которые мы называем, вслед за Ю.Д. Апресяном и Ч. Филлмором, глаголами полного охвата объекта действием [1, с. 279—280; 2, с. 528]. Мы попытаемся показать, что многие особенности языкового поведения этих глаголов — такие, как синтаксическая сочетаемость, регулярная многозначность, синонимические трансформации, семантика видовых форм, — могут быть выведены из их лексической семантики.

Замысел данной статьи возник в ходе работы авторов над экспертной системой "Лексикограф"¹ — семантическим словарем, представленным в виде базы данных (БД). В настоящее время завершен один из фрагментов системы — БД "Предметные имена", см. [3]. В данной статье речь идет о БД "Глагол", которая находится в стадии разработки.

В словарной статье глагола, точнее, каждой его лексемы (т.е. отдельного значения), принципиальную роль играют следующие зоны: Семантические актанты; Толкование; Таксономическая категория.

Семантический актант (о семантических актантах предиката см., например [1, с. 119—155]) имеет двойную характеристику — ролевую и таксономическую. Различаются такие роли, как Субъект, Объект, Инструмент, Средство, Место и под., приблизительно соответствующие падежам по Филлмору [4]. Названия ролей фигурируют в качестве переменных в толкованиях. Таксономические категории, к которым могут относиться актанты глагола, — это, например, "человек", "вместилище", "физический предмет", "множество физических предметов", "масса (однородных предметов)" и т.п. Полные списки существительных заданной таксономической категории в принципе могут быть получены из БД "Предметные имена".

Толкования по своему синтаксису ближе всего к тем, которыми пользуется А. Вежбица [5]: толкование состоит из отдельных семантически независимых компонентов с указанием их коммуникативного статуса: используются такие коммуникативные пометы, как презумпция; ассерция; импликация (по Картту-нену [6]); неустойчивый компонент (по [7]); вводится коммуникативная помета "фон" для выражения противопоставления компонентов по их коммуникативной значимости.

Толкование включает только те компоненты значения данного слова, которые относят его к достаточно крупным семантическим классам, так что толкования, например, *у наполнить и заполнить* вполне могут быть тождественны, хотя эти слова, конечно, не тождественны по

¹ В настоящее время в разработке проекта принимают участие Г.И. Кустова, Е.В. Падучева, Е.В. Ракилина, Р.И. Розина, М.В. Филипенко, Н.М. Якубова и Т.Е. Янко. Авторы выражают благодарность Г.И. Кустовой и Н.М. Якубовой за замечания, существенные соображения, возражения и поправки.

смыслу. Строго говоря, это не толкование, а с х е м а т о л к о в а н и я. Каждый компонент толкования — это семантический признак глагола.

И, наконец, таксономическая категория (Т-категория), т.е. родовое понятие. При толковании имен необходимость указания родового понятия очевидна, см. обсуждение этой проблемы в статье А. Вежбицкой “Why apples are not a kind of fruit”, перепечатанной впоследствии в [8]. Идея таксономической классификации предметных имен последовательно проведена в БД “Предметные имена”. Таксономические категории глагола — это приблизительно семантические классы глаголов по Вендлеру [9]. Но классификация Вендлера неполна, и для целей, которые ставит перед собой система “Лексикограф”, была существенно доработана.

Т-категория может быть семантическим примитивом, так что для ее отражения в толковании достаточно одного компонента (он называется категориальным компонентом), а может быть семантически разложимой. В дальнейшем изложении нам понадобятся следующие пять Т-категорий: деятельность, действие, происшествие, процесс (инактивный) и состояние.

Деятельность (activity по Вендлеру) — семантический примитив; семантический компонент толкования, выражающий принадлежность глагола к этой категории (он называется категориальным) — ‘Субъект действует’. В ситуации деятельности обязательно присутствует контролирующий Субъект, который инициирует и осуществляет деятельность. Деятельность может иметь лексикографически фиксируемую цель (ср. получение удовольствия для *гулять*), но эта цель не задает предела деятельности, т.е. того состояния Объекта, при достижении которого деятельность сама собой прекращается (назовем такую цель недискретной),

Действие (обычное) — это уже не примитив (ср., впрочем, работу [10], где приводятся аргументы в пользу неразложимости понятия действия). Действие может быть определено как деятельность, имеющая дискретную цель. Упрощенный пример схемы толкования глагола действия в несовершенном виде (НСВ):

Я варю картошку =

Категориальный компонент: Субъект действует <определенным образом> с определенной Целью;

Цель: картошка находится в функциональном состоянии: ‘готова к употреблению’.

В толковании глагола СВ Цель переходит в Результат:

Я сварил картошку =

Категориальный компонент: Субъект действовал <определенным образом> с определенной Целью, и это привело к Результату, совпадающему с Целью; Результат: ‘картошка готова к употреблению’.

У действия может быть, помимо обычной цели, д а л ь н я я ц е л ь, которая не достигается в СВ; ср. глагол *прятаться*, проанализированный в [11]: цель Субъекта, который прячется, — переместиться в определенное место, которое он выбрал или выбирает в данный момент; а дальняя цель Субъекта — сделать так, чтобы его не нашел Контрагент. При этом фраза *Я спрятался, но он меня нашел*, с глаголом СВ, не содержит противоречия: глагол СВ обозначает достижение цели действия, но не дальней его цели. Нечто близкое к понятию дальней цели обсуждается в работе [5, с. 365] в связи с анализом глагола *throw* “бросать” и *send* ‘посылать’. Подклассом действий являются действия с акцентом на результате (achievements по Вендлеру) — *выиграть*, *найти* (в результате поисков), *понять*. Из числа рассматриваемых глаголов действиями с акцентом на результате являются, например, *удлинить (платье оборкой)*; *оживить (его воротничком)*; *украсить (волосы розой)*.

У действия с акцентом на результате компонент 'Субъект действует с целью' гетерогенный: как справедливо отмечает Вендлер, деятельность, соответствующая ситуации "найти", "прийти", "понять", описывается другим глаголом: для *найти* — *искать*, для *прийти* — *идти*, для *понять* — *размышлять* и т.п., а данный глагол не может обозначать деятельности, в отличие, скажем, от глагола *открыть* (*дверь*), который обозначает в НСВ деятельность, а в СВ — ее результат. Поэтому у действий с акцентом на результате парный НСВ, если он есть, не имеет актуально-длительного значения.

Происшествие (*happening* по [8, с. 177], ср. *Обвал загородил выход из ущелья*) — это семантический примитив. Для происшествий категориальный компонент толкования — 'произошло нечто'².

Подклассом происшествий являются происшествия с действием у субъектом, ср. *уронить*, *споткнуться*, *проиграть*; из числа рассматриваемых глаголов — *переполнить* (*себе желудок*), *засорить* (*мусоропровод*), *залить* (*скатерть чернилами*). Происшествие с действующим Субъектом — это производная Т-категория. Толкование глаголов этой категории может включать компонент 'Субъект несет ответственность за непроизвольно причиненный ущерб', например, за залитую чернилами скатерть. У происшествий НСВ тоже не имеет актуально-длительного значения.

Последние две Т-категории — процесс (инактивный, т.е. без целеполагающего субъекта) ср. *Вода постепенно заливают лѣстовую*, и состояние, ср. *Дети плотной толпой окружают елку*). Их категориальные компоненты — семантические примитивы: 'идет процесс', 'имеет место состояние'.

Процессы, в отличие от состояний, динамичны и, следовательно, подразумевают источник энергии, который логически необходим для их осуществления. Источник энергии может быть выражен сирконстантом, ср. *Белье сохнет на ветру* — т.е. сохнет под воздействием ветра; а может совпадать с пациенсом, если, например, он является природной силой (*Вешние воды заливают луга; Ряска затягивает пруд*)³. Фактически здесь должны быть различены две сущности — "активная вода", каузатор процесса, источник энергии, и "пассивная вода" — пациенс процесса, подвергающийся перемещению, т.е. объект, проходящий через все стадии процесса. В некоторых случаях язык дает возможность назвать эти сущности разными именами; так, *воды* (*вешние, весенние*), *наводок* — и *вода*; *ветер, ураган* — и *воздух* обозначают, соответственно, активную и пассивную воду (воздух). Но, как правило, обе сущности обозначаются одним и тем же словом.

С другой стороны, источником энергии, необходимой для осуществления процесса, может быть — явно выраженный или подразумеваемый — внешний каузатор, действующий Субъект. При этом если деятельность Субъекта не-синхронна процессу (т.е. Субъект лишь инициирует процесс и далее устраняется из ситуации), процесс легко представляется языком как автономный, ср. *Стрела летит*. Если же деятельность Субъекта — синхронна процессу, то Субъект, будучи наиболее заметным ("салиентным", от англ. *salient*) участником ситуации, может быть оставлен "за кадром" лишь в очень мощном контексте. Так, в примерах типа *Я следил, как лак покрывает пол* (игнорируя одушевленного каузатора процесса, который явно присутствует в ситуации) имеет место метонимический перенос. В русском языке такие употребления обычно носят

² Здесь и далее мы позволяем себе для краткости называть глаголы происшествия, состояния, процесса, действия и т.п., соответственно, происшествиями, состояниями, процессами, действиями, — аналогично тому, как глаголы эмоции называются эмоциями (см. [12]) или глаголы пропозициональной установки — пропозициональными установками.

³ Ср. понятие "стихийной силы" и "стихий" в [13, с. 350—353, 358] и "силы" в [2, с. 516].

окказиональный характер, в отличие от английского, где употребление глагола действия в значении процесса вполне нормативно — таковы глаголы *break* (*I broke the cup — The cup broke*), *boil*, *change*, *turn*, *wake* и много десятков других, ср [2, с. 508].

Каждый признак (семантический актант, компонент толкования, Т-категория и под), равно как и любой набор признаков, со всеми булевскими операциями над ними, порождает семантический класс глаголов. Естественно, представляют интерес такие семантические классы, которые характеризуются общностью сочетаемостных характеристик или каких-то других аспектов языкового поведения. Мы покажем, что глаголы полного охвата образуют один из таких классов, характеризуясь определенным набором семантических признаков, с одной стороны, и общими особенностями языкового поведения — с другой.

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ТОЛКОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ПОЛНОГО ОХВАТА

Достаточно представительный список глаголов полного охвата, общим числом около 200, приводится в работе В.И. Гавриловой [14]. Отдельные глаголы этой группы рассматривались другими авторами — ([15, с. 111, 179; 1, с. 210, 279—280, 282, 314; 16; 13, с. 358; 2, с. 513, 519—529; 4, с. 439—440; 17] и др.).

Глаголы полного охвата характеризуются целым рядом общих особенностей поверхностного поведения (большая их часть отмечена в [14]):

1) Регулярная многозначность типа "действие—процесс—состояние", ср.:

- (1) *Сторож наполняет бассейн водой* (действие);
- (2) *Вода постепенно наполняет бассейн* (процесс);
- (3) *Вода наполняет бассейн до краев* (состояние).

2) Квазисинонимические трансформации:

I. *Сторож наполнил бассейн водой — Вода наполняет бассейн;*

II. *Сторож наполнил бассейн водой — Вода — в бассейне;*

III. *Залить бак бензином — залить бензин в бак* (см. [15, с. 132; 1, с. 279—280; 4, с. 440; 2, с. 513, 528]).

Трансформация I отражает тот же самый семантический феномен, что и регулярная многозначность, ср. примеры (1) и (3). Трансформация II выражает некое отношение семантического следования. Трансформация III допустима лишь для очень небольшого числа глаголов, но именно она имеет, как мы увидим, принципиальное значение для семантической идентификации данной группы глаголов.

Наша задача — представить глаголы полного охвата как семантический класс в рамках системы "Лексикограф", т.е. выявить в толкованиях глаголов этой группы общие семантические компоненты, которые дадут возможность сделать получение их списка формальной процедурой. Кроме того, мы претендуем на то, что предлагаемый нами анализ семантики этих глаголов объяснит указанные особенности их языкового поведения — регулярную многозначность и трансформации.

Глаголы полного охвата имеют следующий набор общих семантических компонентов:

- 1) Субъект воздействует на Средство⁴, а именно:
- 2) Субъект перемещает Средство в направлении Объекта;
- 3) Субъект приводит Средство в контакт с Объектом или определенной

⁴ Средство, согласно [1, с.128], — это такой участник ситуации, который расходуется или по крайней мере связывается в ходе деятельности Субъекта. В самом деле, в ситуациях, описываемых глаголами полного охвата, Средство должно пребывать в определенном месте, см. компоненты 2 и 5.

его частью (поверхностью, периметром, поперечником, близлежащим пространством);

4) контакт Средства с Объектом или с указанной частью Объекта — полный — или по крайней мере мыслится как полный [ср. *усыпать (цену цветами)* — ‘полностью’; и *посыпать (голову пеплом)* — возможно, ‘частично’; *усыпать* — глагол полного охвата, *посыпать* — не глагол полного охвата].

5) Средство не устраняется из Объекта после достижения контакта; более того, этот контакт и составляет цель Субъекта [ср. ситуацию, описываемую глаголом *стрелять (из лука)*: стрела — тоже Средство, и стрельба тоже подразумевает контакт Средства с Объектом — мишенью; но цель стреляющего — поразить мишень, а не оставить в ней стрелу].

В толкованиях отдельных слов к компонентам 1—5 добавляются другие, у каждого глагола свои; но эти компоненты есть у всех глаголов полного охвата.

Глаголы полного охвата, как явствуют из нашего описания, входят в число глаголов физического действия — в том смысле, что предполагают физическое воздействие Субъекта на что-то, см. компонент 1, ср. об этом [8, с. 174]. При этом у глаголов полного охвата имеются следующие особенности, выделяющие их среди других глаголов физического действия.

Первая особенность — в том, что Субъект воздействует не на Объект (см. компонент 1) — хотя нормой для семантики переходного глагола является воздействие Субъекта на Объект, т.е. на актанта, который входит в перспективу⁵. В самом деле, Объект — это объект воздействия — непосредственного, как, например, в семантике глаголов *взять*, *погладить (рукой)*, или через посредство Инструмента, как, например, в ситуации, описываемой глаголами *разрезать*, *разрубить*. Между тем в случае глагола полного охвата Субъект воздействует на Средство, т.е. на актанта, не входящий в перспективу, периферийный.

Вторая особенность — в том, что воздействие Субъекта (на Средство) сводится к перемещению Средства (см. компоненты 2, 3) — хотя, заметим, идея перемещения в большинстве глаголов рассматриваемого класса выражена неэксплицитно, ср. весьма типичный для этой группы глагол *наполнять*.

Третья особенность, отраженная в компонентах 2, 3, 5, состоит в том, что Объект у этих глаголов — это по существу конечный пункт, в который Субъект перемещает Средство, т.е. Место — актанта, который по своей роли в ситуации является периферийным и не должен был бы входить в перспективу.

Замечание. Возможно, для уточнения состава класса глаголов полного охвата нужно указать такие компоненты, которые не должны входить в толкование. Так, воздействие Средства на Объект, если оно имеет место, не должно менять сущностных свойств Объекта, т.е. размеров, цвета, формы и под.; поэтому, например, *стягивать* принадлежит к глаголам полного охвата, поскольку структура Объекта полностью восстанавливается после удаления Средства, а глагол *сгибать* — не принадлежит, поскольку обозначает необратимую деформацию объекта (о необратимых состояниях см. [19]); *покрасить*, *побелить* не относятся к глаголам полного охвата, поскольку краска и известка вступают в связь с поверхностью Объекта, а *покрыть* (в том числе слоем краски) — глагол полного охвата, так как он представляет краску просто находящейся на поверхности Объекта (и, следовательно, она может быть легко удалена). Средство лишь связывается с Объектом, но не вступает с ним в плотный контакт.

⁵ По Филлмору, входят в перспективу, т.е. находятся на переднем плане, Субъект и Объект — те актанта глагола, которые выражены, соответственно, подлежащим и дополнением. Остальные актанта являются периферийными [2, с. 522]. Ср. в учении о падеже Р. Якобсона противопоставление периферийных падежей, в частности творительного и дательного, центральным (полным) — именительному и винительному [18, с. 152] и понятие синтаксической перспективы, [18, с. 143].

Итак, оказывается, что глаголы полного охвата по своей семантике, в частности по набору актантов, являются глаголами перемещения, но отличаются от них перспективой по Филлмору: имеют сдвинутую перспективу — периферийный актант Место возвышается у них до роли Объекта, т.е. актанта, входящего в перспективу, а Объект воздействия трактуется как Средство и оформлен грамматически не как прямое дополнение, а периферийным падежом.

Этот факт дает объяснение сразу нескольким интересным особенностям языкового поведения глаголов данной группы.

1) Начнем со свойственной этим глаголам трансформации вида *залить бак бензином* — *залить бензин в бак* (ср. также *забить расщелину камнями* — *забить камни в расщелину*; *набить карманы орехами* — *набить орехи в карманы* и т.д.). Суть этой трансформации в том, что она "нормализует" перспективу, превращая глагол полного охвата в обычный глагол перемещения: актант, выражающий Место (конечный пункт движения), превращается из центрального (объектного) в обычный периферийный. Поскольку в русском языке перспектива имеет тенденцию "запаиваться" в семантику глагола, трансформация этого вида возможна далеко не для всех глаголов полного охвата; так, допустимо *заполнить бассейн водой*, но не **заполнить воду в бассейн*. В некоторых случаях такая перестройка актантов сопровождается изменением приставки, ср. *надеть комбинезон на ребенка* — *одеть ребенка в комбинезон*; *постелить скатерть на стол* — *застелить стол скатертью* и под.⁶

2) Получает объяснение тот семантический вклад, который вносит в семантику глагола полного охвата его падежная рамка: актант Место, делаясь центральным, приобретает специфическую роль Объекта, полностью охваченного действием, что отмечено Филлмором, ср. пример из [2, с. 513, 528].

I loaded the truck with hay

"Я нагрузил грузовик сеном" — грузовик полон

I loaded hay onto the truck

"Я нагрузил сено на грузовик" — нет такой импликатуры.

В таком случае не удивительно, что семантический класс глаголов полного охвата можно задать не только через набор семантических компонентов, как это было сделано выше, но и на уровне набора семантических ролей: глаголы полного охвата — это действия, имеющие, кроме, естественно, Субъекта-агенса, актант-Средство, а также такой актант, который с точки зрения его роли в ситуации является Местом, а с точки зрения роли в перспективе — Объектом.

В число актантов глагола полного охвата может входить также Инструмент — как посредник при воздействии Субъекта на Средство (*Чем ты наполнял ванну?* — *Ведром*; или — *Шлангом*), хотя обычно Инструмент является посредником при воздействии Субъекта на Объект. Средство может в принципе не только располагаться в контакте с Объектом, но и оказывать на него воздействие, не превращаясь при этом в Инструмент. При этом характер воздействия ограничен — это может быть воздействие типа давления, ср. *стягивать (талию поясом)*, или типа деформации упругости, ср. *набивать подушку соломой*.

Отличить Средство от Инструмента позволяет наша Трансформация I — в примере (а), где она возможна, творительный падеж выражает Средство, а в (б), где невозможна, — Инструмент:

(а) *скрепил документы булавкой* — *булавка скрепляет документы*;

(б) *скрепил документы шивателем* — **шиватель скрепляет документы*.

Ниже приводится список глаголов, толкование которых включает семанти-

⁶ Примеры этого рода рассматриваются в связи с анализом конверсивов в [1, с. 279—280].

ческие компоненты 1—5 и которые, следовательно, должны быть причислены к глаголам полного охвата (поиск по актантам в принципе должен дать тот же список):

Глаголы полного охвата

*забить*¹ (щель *наклея*) (*листья — решетку тротуара*); *забить*² (*окно досками*); *завалить* (*вход камнем*) (*камень — вход*); *завершить* (*стену зубцами*); *загородить*¹ (*подходы к зданию баррикадами*) (*обвал — вход в долину*); *загородить*² (*лицо газетой*); *загромоздить* (*комнату книжными шкафами*); *закамуфлировать* (*крышу дома зеленой тканью*); *закончить* (*шаль бахромой*); *закрепить* (*лист на стене булавками*); *закрыть*¹ (*кастрюлю крышкой*); *закрыть*² (*лицо вуалью*) (*тучи — небо*); *закрыть*³ (*Каренин закрыл Анну собой*); *закупорить* (*бутылку пробкой*); *залепить* (*дырку пластилином*) (*снег — стекла машины*); *залить*¹ (*рыбу вином*) (*вешние воды — луг*); *залить*² (*горлышко бутылки сургучом*); *замусорить* (*комнату бумагами*); *занять* (*всю комнату чемоданами*); *заполнить* (*траншею камнями*) (*камни — траншею*); *запрудить* (*толпа улицу [собой]*) (*река — долину*); *заслонить* (*лицо газетой*) (*тучи — солнце*); *засорить* (*раковину очистками*) (*листья — решетку тротуара*); *заставить* (*комнату кроватями*); *застелить* (*стол скатертью*) (*слезы — глаза*); *заткнуть* (*бутылку пробкой*) (*комоч травы, принесенный ручьем — норку*); *затянуть*¹ (*сцену кумачом*) (*ряска — пруд*); *затянуть*² (*талию поясом*); *захламить* (*всю комнату своими вещами*); *изолировать* (*провод пластмассовой трубкой*); *испещрить* (*весь лист рисунками*); *набить* (*портфель книгами*); *наводнить* (*рынок товарами*) (*река — долину*); *накрыть* (*стол скатертью*) (*тьма — землю*); *наполнить* (*бассейн водой*) (*вода — яму*); *начинить* (*бомбу порохом*); *обвить* (*древко копыа золотым шнуром*) (*плющ — здание*); *облепить* (*тумбу объективами*) (*снег — стекла автомобиля*); *обметать* (*платок шелком*) (*сыть — губы*); *обрамить* (*зеркало фотографиями*); *обтянуть* (*футляр тисненой кожей*) (*кожа — лицо*); *огородить* (*дачу высоким забором*); *оживить* (*платье воротничком*); *окаймить* (*вышивку орнаментом*); *окружить* (*войска крепость [собой]*) (*крепость ровом*); *окутать* (*плечи шалью*); *оплести* (*руль цветными проводками*) (*плющ — ствол дуба*); *опоясать* (*себя кушаком*); *опутать* (*столб колючей проволокой*) (*вьюнок — куст*); *отгородить* (*столовую от детской тонкой перегородкой*); *отграничить* (*свой участок от соседнего забором*); *отделить* (*часть комнаты перегородкой*); *перегородить* (*проезд машинами*) (*обвал — ущелье*); *перекрыть* (*улицу грузовиками*); *переполнить* (*ванну водой*) (*вода — ванну*); *перетянуть* (*талию поясом*); *перехватить* (*волосы лентой*) (*рыдания — горло*); *подпереть* (*изгородь жердью*); *покрыть* (*стол скатертью*) (*снег — землю*); *преградить* (*всадник нам дорогу [собой]*) (*обвал вход в ущелье*); *прикрыть* (*ребенка одеялом*) (*снег опавшие листья*); *присоединить* (*вагон к составу железной петлей*); *пронзить* (*сердце Амура стрелой*) (*стрела — сердце*); *пропитать* (*коржи сиропом*) (*влага — землю*); *прослоить* (*коржи кремом*); *проспиртовать* (*алкоголь — тело пьяницы насквозь*); *разделить* (*участок забором на две части*) (*река — берега*); *распереть* (*крышу балкой*) (*воздух — воздушный шар*); *расцветить* (*ткань яркими цветами*); *расширить* (*юбку клиньями*); *связать* (*Москву с Петербургом железной дорогой*); *сдобрить* (*баранину чесноком*); *скрепить* (*листы скрепкой*); *соединить* (*Строгино с Москвой мостами*); *сочленить* (*части конструкции железными стержнями*); *стянуть* (*талию поясом*); *венчать* (*голову монарха короной*); *увешать* (*стены картинами*); *увить* (*колонны дома цветами*) (*плющ — стены дома*); *удлинить* (*платье воланом на 10 см*); *украсить* (*елку игрушками*); *укрыть* (*ребенка одеялом до подбородка*) (*снег — землю*); *умастить* (*тело благовониями*); *унавозить* (*землю перегноем*); *унизать* (*елку игрушками*); *уравновесить* (*чашки весов гирями*); *усеять* (*тротуар окурками*) (*звезды — небо*); *уснастить* (*цеха современным оборудованием*); *установить* (*комнату шкафами*); *устелить* (*пол коврами*) (*листья — поляну*); *усыпать* (*сцену цветами*) (*болячки — тело*).

3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ И КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

Итак, мы показали, что предложенный нами набор семантических компонентов глаголов полного охвата позволяет дать естественное объяснение одному важному их поверхностному свойству — трансформации III, связанной с изменением перспективы. Теперь мы покажем, что те же толкования позволяют объяснить свойственную этим глаголам регулярную многозначность, а также трансформацию I, которая непосредственно связана именно с этой многозначностью. Трансформация II не требует специального комментария, поскольку объясняется непосредственно компонентами 2 и 3 толкования.

Регулярную многозначность мы представим как наличие у глагола категориальной парадигмы (как оказалось, для глаголов полного охвата признак принадлежности к T-категории является не ингерентным, как для большинства других глаголов, которые в норме принадлежат к какой-то одной T-категории, а флективным в смысле Т.В. Булыгиной [20]). Имеется четыре варианта категориальной парадигмы и, соответственно, четыре типа глаголов.

I. Тип *наполнить*.

	НСВ	СВ	
Действие	+	+	<i>Сторож медленно наполняет/наполнил бассейн.</i>
Процесс	+	+	<i>Вода постепенно наполняет/наполнила бассейн.</i>
Состояние	+	0	<i>Вода наполняет бассейн до краев.</i>

В типе I глагол НСВ, обозначающий действие или процесс, входит в предельную видовую пару с соответствующим глаголом СВ. Глагол состояния, естественно, не входит в предельную пару. Такую же категориальную парадигму, как *наполнить*, имеют глаголы:

*забить*¹, *завалить*, *загородить*, *закрыть*², *залепить*, *залить*¹, *заполнить*, *застелить*, *затянуть*¹, *накрыть*, *облепить*, *окутать*, *покрыть*, *прикрыть*, *пропитать*, *распереть*, *стянуть*, *укрыть*, *усеять*, *устелить*, *усыпать*.

Это единственный тип с полной парадигмой — у всех остальных глаголов полного охвата категориальная парадигма в том или ином отношении дефектна.

II. Тип *обвить*.

	НСВ	СВ	
Действие	+	+	<i>Она обвила голову лентой.</i>
*Процесс	-	+	<i>Плющ обвил колонны старого дома.</i>
Состояние	+	0	<i>И мирный плющ их [копья] обвивает (Пушкин).</i>

Глаголы типа *обвить* не имеют парного НСВ со значением процесса — они могут обозначать (в СВ) только происшествия, как в примере выше, причем в ряде случаев имеет место окказиональное метонимическое употребление глаголов (см. об этом в разд. I) — *Пробка плотно заткнула бутылку* и под. К тому же типу, что *обвить*, относятся глаголы:

закрепить, *закрыть*¹, *закупорить*, *залить*², *заткнуть*, *затянуть*², *изолировать*, *испещрить*, *набить*, *начинить*, *обметать*, *обрамить*, *обтянуть*, *огородить*, *оградить/окаймить*, *окружить*, *оплести*, *опоясать*, *опутать*, *отгородить*, *отграничить*, *отделить*, *перегородить*, *перекрывать*, *перетянуть*, *перехватить*, *присоединить*, *пронзить*, *прослоить*, *расцветить*, *расширить*, *скрепить*, *соединить*,

сочленишь, увенчать, увешать, увить, украсить (елку игрушками), умастить, унавозить, унизать, уснастить, уставить.

III. Тип засорить.

	НСВ	СВ	
*Действие	-	+	<i>Сосед *постепенно засоряет / засорил мусоропровод газетами.</i>
Процесс	+	+	<i>Нерастворимые осадки постепенно засоряют / засорили фильтры.</i>
Состояние	+	0	<i>Нерастворимые осадки засоряют все фильтры.</i>

Глаголы типа *засорить* не обозначают действие, а употребляются только в значении происшествия с действующим Субъектом или действия с акцентом на результате: парный НСВ не имеет у них актуально-длительного значения. К типу *засорить* принадлежат также глаголы *загородить*², *загромоздить*, *заслонить*.

IV. Тип оживить.

	НСВ	СВ	
Действие	-	+	<i>Она оживляет / оживила платье белым воротничком.</i>
Процесс	-	+	<i>Белый воротничок постепенно оживляет / оживил платье.</i>
Состояние	+	0	<i>Белый воротничок оживляет платье.</i>

Этот тип сочетает дефекты типов II и III. Он представлен глаголами:

*забить*², *завершить*, *закамуфлировать*, *закрыть*³, *замусорить*, *занять*, *запрудить*, *заставить*, *захламить*, *испещрить*, *наводнить*, *переполнить*, *преградить*, *разделить*, *связать*, *сдобрить*, *удлинить*, *украсить (бантом)*, *уравновесить*.

Поскольку набор компонентов, по которым отбирались глаголы, был ориентирован на глаголы действия, в наш список вошли только акциональные глаголы полного охвата. Между тем существуют процессы полного охвата, не имеющие соответствующих действий:

заволакивать, *заплетать (плющ — изгородь)*, *затуманивать*, *застилать — застлать (слезы застилают глаза; пар застлал горячим облаком баню)*, *изъязвлять*, *налипать*, *обагрять*, *обволакивать*, *убелять (седины — голову)*.

Процессы полного охвата могли бы быть представлены парадигмой:

	НСВ	СВ
Действие	-	-
Процесс	+	+
Состояние	+	0

У глаголов процесса роль Субъекта действия замещена Источником энергии (природной силой), а роль Средства — пациенсом процесса, референциально тождественным Источнику энергии (см. наш анализ источников энергии у глаголов процессов в разделе 1).

Вернемся теперь к истолкованию регулярной многозначности "действие—процесс—состояние". Одноименные действие и процесс никогда не описывают одну и ту же ситуацию, ср.:

- (1) а. *Я завалил вход в пещеру камнями* (в первичном понимании — потому что мне так было надо, например, чтобы никто не мог туда проникнуть);
 б. *Камни завалили вход в пещеру* (сами по себе; возможно, для меня это плохо; например, я не могу туда проникнуть).

Поэтому неверно было бы представить смысл (1а) как 'я каузировал (1б)', см. об этом [8, с. 171].

Глаголы процесса не могут иметь актанта Средство: Средство (равно как и Инструмент, о чем упоминает Филлмор [4, с. 402]) требует наличия Субъекта-агенса. Глаголы процесса предполагают не Средство, а источник энергии, природную Силу. Эта роль выполняется именами совершенно иной таксономической категории. Природные Силы — это *снег, лед, ряска, вода*; а Средства — ткани, краски, украшения и т.п. Не удивительно поэтому, что у одноименных действий и процессов сходственные актанты, как правило, не могут быть лексически тождественны, ср. *Лед затягивает лужи*, процесс, и *Рабочие затягивают потолок шелком* (но не *лужи льдом*), действие. Субъект процесса — слепая, часто разрушительная сила; результат процесса, в отличие от результата действия, в лучшем случае, безразличен, а часто вреден для человека. В этом смысле глагол *наполнить*, у которого при акциональном и процессуальном значении сходственные актанты — Средство и Сила — могут быть лексически — а следовательно и референциально — тождественны, ср. (а) *Я наполняю бассейн водой* и (б) *Вода наполняет бассейн*, является, скорее, исключением. По-видимому, *наполнить* в (б) — это ситуативно оправданный метонимический перенос.

Между тем процесс и состояние связаны друг с другом семантически, по существу; в частности, они могут иметь лексически и (референциально) тождественные актанты и описывать одну и ту же ситуацию в разных ее аспектах:

- (2) а. *Камень завалил вход в пещеру.*
 б. *Камень заваливает вход в пещеру.*

Тот факт, что глаголы полного охвата, как правило, не имеют однозначной категориальной принадлежности, а входят в один из четырех указанных типов категориальных парадигм, т.е. имеют, наряду со значением действия, значение процесса и состояния, имеет семантическое объяснение. Иными словами, определенные предпосылки неоднозначности этих глаголов заключены в их лексической семантике. Попытаемся ответить по отдельности на два вопроса:

1. Почему у глагола полного охвата, кроме значения действия, часто имеется также значение процесса?

2. Почему у глагола полного охвата, кроме значения процесса, часто имеется также значение состояния?⁷

1. Действие Субъекта, обозначаемое глаголом полного охвата, часто сводится к перемещению Средства. Но то же перемещение может происходить и без участия Субъекта — если Средство способно перемещать себя само; поэтому тот же глагол может обозначать соответствующий процесс, ср.:

- (1) *Он заливает площадку водой* —
Вода заливает площадку (постепенно).
 (2) *Он заваливает вход в пещеру камнями* —
Камни заваливают вход в пещеру (постепенно).

⁷ Состояния могут в принципе соотноситься непосредственно с действием, но этот семантический переход не является специфическим для данной семантической группы — ср. регулярную многозначность этого типа, свойственную "семиотическим" глаголам: *Художник изобразил на картине пейзаж* — *Картина изображает пейзаж*; *Писатель высмеял в своем романе мещанский быт* — *Роман высмеивает мещанский быт*.

Если же действие Субъекта имеет более сложный характер, так что не может осуществляться Средством автономно, то соответствующего процесса нет. Так, нет процесса, который соответствовал бы действиям *выложить (пол изразцами), забить, застелить, заткнуть* и др.

Что касается окказиональных метонимических квазипроцессных употреблений акциональных глаголов, типа *Пробка плотно закрыла бутылку*, суждения информантов об их допустимости сильно расходятся. Но ясно, что допустимость употреблений такого рода зависит от того, в какой мере реальный деятель, осуществляющий перемещение не самодвижущейся субстанции, может представляться как отсутствующий в ситуации, т.е. от того, насколько естествен контекст, устраняющий реального деятеля — инициатора процесса и источника энергии — из наблюдаемого фрагмента ситуации. Поэтому существенна степень наблюдаемости процесса перемещения инактивной субстанции, ср. в принципе допустимое *Лак покрывает пол* и недопустимое — вследствие недоступности для наблюдения — **Вата затыкает его уши* (постепенно).

2. Теперь о регулярной многозначности "процесс (происшествие) — состояние".

Толкование процесса полного охвата, например, *наполнять* в контексте *Вода наполняет бассейн* (постепенно) задается двумя компонентами: собственно процессным — 'идет процесс: Средство перемещается в Объект' и, поскольку процесс предельный, его итоговому состоянию — 'Средство находится в Объекте'. При этом процессный компонент имеет ассертивный статус, а статус итогового состояния можно назвать условным: 'Средство находится в Объекте, если процесс дошел до конца'.

Толкование глагола состояния, например, *наполнять* в *Вода наполняет бассейн до краев*, включает те же самые компоненты, только с другими коммуникативными статусами: ассерцией является итоговое состояние — 'Средство находится в Объекте', а процессный компонент — 'процесс шел' — имеет статус фона. В таком случае семантические предпосылки возникновения у процессов полного охвата стативного значения очевидны: во-первых, это определенность итогового состояния — как у всех глаголов приобретения контакта, в том числе и у глаголов полного охвата [отсутствует определенность итогового состояния, например, у глаголов, описывающих процессы с устранением контакта — *вытекать, отделяться, выделяться* (о газе), *удаляться* и под.]. Во-вторых, существенно то, что процессный компонент у глаголов полного охвата — это просто перемещение, не осложненное никакими спецификациями; тем самым такой процесс легко переходит в статус фона. Не развивают стативного значения такие глаголы, как *заносить* (*Его лишь песок раскаленный заносит* — Лермонтов), *заметать* (*Снег заметает следы*), *засыпать, запорашивать*. Очевидно, что это глаголы с сильной спецификацией процесса (например, *заметать* включает метафорическую отсылку к инструменту — метле), и именно это препятствует подавлению процессного компонента — его переходу в статус фона.

Сравним глаголы *обмотать* и *замотать*. Первый глагол допускает стативное употребление, поскольку приставка *об-* характеризует конечное соотношение Средства и Места, результат процесса (*Шарф обматывает шею* = 'лежит вокруг шеи'), а второй — нет, поскольку приставка *за-* в данном контексте уточняет характер процесса (способ перемещения шарфа), а не результат.

Разумеется, это всего лишь предпосылки наличия у глагола процесса значения состояния. Полной предсказуемости лексического результата из семантики нет; так, процессы *заливает* и *засыпает* однотипны, однако у *заливает* есть стативное значение, а у *засыпает* — нет.

Итак мы показали, что лексическая семантика может предсказать набор семантических актантов; объяснить синтаксические трансформации и обосновать регулярную многозначность достаточно большой группы глаголов. За пределами рассмотрения осталась собственно синтаксическая сочетаемость, также в существенной степени предопределяющаяся лексическим значением глагола, ср. [21], и аспектуальная проблематика, которой мы надеемся коснуться в отдельной работе.

В заключение отметим, что если нам удалось убедить читателя, то он может рассматривать все сказанное как один из дополнительных аргументов в пользу семантической теории грамматики, развиваемой в книге А. Вежбицкой "Семантика грамматики" [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в лингвистике. Вып. X. М., 1981.
3. Красильщик И.С., Рахилина Е.В. Предметные имена в системе "Лексикограф" // НТИ. Сер. 2. М., 1992. № 9.
4. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в лингвистике. Вып. X. М., 1981.
5. Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.
6. Karttunen A. Implicative verbs // Langage. 1971. N° 47.
7. Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
8. Wierzbicka A. Lingua mentalis. Sydney, 1980.
9. Vendler Z. Linguistics and philosophy. Ithaca. New York, 1967.
10. Boguslawski A. Semantic primes for agentive relations // Lingua posnaniensis, 1991. T. 32—33. S. 44.
11. Кустова Г.И. Семанто-синтаксический анализ рефлексивных предикатов (на материале слов со значением несоответствия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
12. Апресян Ю. Systemic lexicography // Eurolex-92. Helsinki, 1992. P. 4.
13. Мельчук И.А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Л., 1974.
14. Гаврилова В.И. Особенности активных и пассивных конструкций в абстрактно-логических научных контекстах // НТИ. Сер. 2. 1973. № 12.
15. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
16. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. С. 94.
17. Падучева Е.В. К поискам инварианта в значении глагольных видов: вид и лексическое значение глагола // НТИ. Сер. 2. 1989. № 12.
18. Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985.
19. Недялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций. Гл. 1. // Типология результативных конструкций. Л., 1983. С. 62.
20. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 324.
21. Падучева Е.В. Таксономические категории глаголов imperfectiva tantum в русском языке // НТИ. Сер. 2. 1993. № 2.

© 1993 г. РУЗИН И.Г.

ПРИРОДНЫЕ ЗВУКИ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКА

(Когнитивные стратегии именовании)

1

Спектр окружающих человека звуков чрезвычайно широк и разнообразен. Исходя из типов источника звука, можно предложить следующую классификацию:

1) звуки неживой природы и артефактов: *скрипит дверь, воет ветер, гремит гром;*

2) звуки живой природы:

а) млекопитающие: *лает собака, рычит лев;*

б) птицы: *каркает ворон, чирикает воробей;*

в) прочие: *квакает лягушка, жужжит пчела;*

3) звуки, издаваемые человеком: *человек говорит, поет, смеется, стонет, кашляет, мямлит, лепечет, ахает и т.д.*

В данной статье мы рассмотрим лишь фрагмент этой обширной системы, ограничившись описанием того, как обозначаются в языке голоса птиц (группа 2б). Тем не менее анализ этого, казалось бы, частного аспекта позволит выявить ряд закономерностей, имеющих отношение к когнитивным стратегиям именовании звучаний в целом. Таким образом, основная задача настоящей работы — показать, как именно человек воспринимает и отображает все многообразие окружающих его звучаний, какие звучания и по какому принципу получают специальное обозначение в языке, какими факторами определяется категоризация и функционирование подобных единиц.

Современная лингвистика располагает несколькими концепциями, могущими служить отправными точками исследования: это — концепция картины мира, и в частности языковой картины мира [1], концепция лексического значения слова в его соотношении с понятием [2], основные постулаты современных теорий категоризации [3, 4], а также научный аппарат, разработанный в русле фоносемантики — интегративной дисциплины, имеющей своим предметом звукообразовательную систему языка [5].

В традиционной терминологии лексемы, обозначающие различные звуки, называются *о н о м а т о п а м и*, например: *скрипеть, мяукать, жужжать, квакать* и т.д. Однако этот термин является достаточно многозначным, поэтому имеет смысл уточнить, что именно понимается под онома topom в данной работе. Мы придаем этому термину достаточно узкое значение и употребляем его для обозначения (названия) определенного голоса птицы в языке. Таким образом, на первый план нами выдвигается номинативная, а не имитационная функция онома topom.

Отправной точкой исследования послужили полученные методом сплошной выборки из словарей [10] и [11] английские и литовские лексемы, обозначающие голоса птиц. Основной параметр семантической характеристики *о н о м а т о п а* — возможность его соотнесения с определенным "источником звука" (птицей). Для более полной характеристики *о н о м а т о п а* рас-

считается также возможность его соотнесения с определенным звукоподражательным сигнификатом. Под последним мы понимаем признак звучания, избранный в данном языке за основу номинации.

Исходя из чисто абстрактной классификации, можно описать класс звуков (в нашем случае — голосов птиц) как одно звукообозначение, различающееся носителем-субъектом, т.е. как функцию субъекта, например: "каркать" = "звук" + "ворона". С другой стороны, возможно представление субъекта как функции звука: "ворона" = "птица" + "каркать"¹. Таким образом, либо класс описывается через его свойство (в нашем случае — представление онома톱ов как функций определенных птиц), либо отдельное свойство задает класс (в нашем случае — установление классов птиц как источников определенных звуков) см. [6, с. 252]).

Это идеальное взаимоотношение (источник звука — ономатоп) в языке представлено в высшей степени непоследовательно: во-первых, далеко не все голоса птиц имеют лексемы для их обозначения (ср. в русском языке: "голос вороны" = "каркать", "голос грача" = ?), во-вторых, для обозначения голосов некоторых птиц существует более одной лексемы [литов. (о курице) — *kadėti, klapnoti, kargėti, kvėkščioti*], в-третьих, различные ономатопы задают классы неравных объемов: англ. *cuckoo* "крик кукушки", *scream* "кричать" (о птицах вообще).

Перед началом анализа нам бы хотелось сказать о степени достоверности его результатов. Следует отметить, что подобные лексические системы представляют собой периферию языка и языковой картины мира. Мы имеем дело с нечеткими множествами, принципы структуризации которых довольно неопределенны. Что известно среднему носителю языка? Более или менее широкий круг узуальных соотнесений, например: "ворона каркает", "петух кукарекает" и т.д. (причем и этот круг соответствий, вероятно, несколько различается у разных носителей). В принципе в пропозициональных функциях "X каркает", "утка издает звук Y" переменные должны замещаться достаточно легко. По мере удаления от центра этой системы соотнесенность становится все более и более расплывчатой и нечеткой. Возможность соотнесения определенных онома톱ов с именами определенных птиц зависит, с одной стороны, от знаний говорящего о мире (какие крики издают те или иные птицы), а с другой — от особенностей его индивидуального звукопредставления. Крайними точками здесь будут ситуации, когда, с одной стороны, говорящий не знает, можно ли вообще употребить этот ономатоп по отношению к голосу птицы (например, *ворчать, бречать*), а с другой — какого рода в принципе звуки может издавать данная птица (например, *козодой, кроншнеп* и т.д.). Между этими крайними точками (узусом и полной неопределенностью) лежит особым образом структурированное поле соответствий: ономатоп—источник—сигнификат.

2

Особенностью данной системы является примарная (внеязыковая) мотивированность ее единиц, т.е. наличие необходимой, существенной, повторяющейся связи между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта-денотата (мотивом). Поэтому целесообразно обозначить хотя бы вкратце основные принципы формального строения ономатопов, чтобы потом посмотреть, каким образом это влияет на их когнитивные характеристики.

Формальное строение онома톱ов мы рассматриваем в двух аспектах: статическом и динамическом. К первому относится установление частотности тех или иных фонем в анализируемом фрагменте звукоподражательной системы, зако-

¹ Слова, заключенные в кавычки, следует рассматривать как единицы метаязыка.

номерностей их сочетаемости и их звукоподражательной функции (определение тех семантических групп ономатопов, в состав которых входят данные фонемы). Второй аспект состоит в описании особенностей формального варьирования ономатопов, пределов тождества слова самому себе, закономерностей нейтрализации фоносемантических оппозиций.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд общих выводов, касающихся основных принципов формального строения ономатопов.

1. Взаимоотношения между акустическими параметрами голосов птиц и их отражением посредством фонологической системы при всей своей сложности сводятся к следующему: звуковая действительность осуществляет отбор единиц фонологической системы, чтобы быть максимально отраженной, фонологическая система языка отражает то, что может быть наилучшим образом отражено. Из всего многообразия фонем и фонемных сочетаний звукоподражательная система отбирает те, которые обладают оптимальными характеристиками для отражения данной группы звучаний:

а) из сонорных максимально используются /r/, /l/, /w/, /ŋ/; англ. *cackle* (о курице), *howl* (о сове), *croak* (о вороне); литов. *čiuldėti* (о жаворонке), *burkuoti* (о голубе);

б) из модальных групп согласных (по способу образования) абсолютно преобладают смычные: англ. /f/, /z/ — только *whoof* (о сове), *wheeze* (о зуйке, кроншнепе), литов. /s/, /ʒ/ — только *suokti* (о соловье, сове), *čižti* (о воробье);

в) из системы гласных фонем также отбираются определенные типы.

2. В свою очередь специфика конкретной фонологической системы накладывает определенный отпечаток на принципы обозначения звучаний. Например, в силу особенностей своей фонологической системы литовский язык отображает звучащую действительность как более высокую и сонорную, чем английский (ср. литов. *čirpti*, *čurlenti*, *švirti*; англ. *chirp*, *chirk*, *chirm*); английский единообразно оформляет звукообозначение крика совы, выделяя его в специфическую модель **h(w) = u:ɜ/li-(cons)**: *whoop*, *whoop*, тогда как литовский передает тот же крик ономатопами, принадлежащими разным звукоподражательным моделям: *ūbauti*, *suokti*, *kvėkščioti*.

3. Являясь элементами трех систем: фонетической, фонологической и звукоизобразительной, — конstituенты ономатопов имеют достаточно сложную природу. Одна и та же материальная единица презентрует соответственно звук, фонему, и фонемотип. Например, в английском ономатопе *saw* "крик ворона, грача" /k/ представляет собой звук, обладающий определенными акустико-артикуляторными характеристиками, фонему, занимающую определенное место в фонологической системе языка, и фонемотип, выполняющий определенную звукоизобразительную функцию.

Специального рассмотрения заслуживает понятие фонемотипа. В отличие от корневых морфем фонетически немотивированных слов корень ономатопа не является минимальной единицей плана содержания. Отражая сложные звучания, корневые морфемы ономатопов включают в себя фонемы, каждая из которых воспроизводит отдельный компонент акустического сигнала. Общий для группы фонем различительный признак, используемый для передачи того или иного параметра природных звучаний и характеризующий элементом значения, определяется как фонемотип. Фонемотип, таким образом, это своеобразный инвариант, в пределах которого допустимо варьирование фонем без изменения их звукоизобразительной функции. Одному фонемотипу в конкретном языке и конкретной лексеме могут соответствовать несколько различных реализаций: например, фонемотипу "взрывной" могут соответствовать /b/, /d/, /g/, /k/ и т.д.

Как уже отмечалось выше, конstituенты ономатопа имеют сложную

природу: они выступают в качестве звука, фонемы и фонемотипа. При этом единицы, тождественные в одном отношении, могут быть противопоставлены в других. Так, фонетически литовские и английские /b/, /d/, /g/ представляют собой сходные единицы, но их фонологическая природа различна: литовские /b/, /d/, /g/ — звонкие (маркированные), английские — ненапряженные (немаркированные). Это обуславливает разницу их звукоподражательных функций. Например, губной (диффузный низкий) /b/ в английском языке представлен только в пяти ономатопах: *bump, boom* [(о выпи) "греметь"], *gabble, gobble* [(о гусе, индюке) "болтать"], *warble* [(о птицах) "петь"]. В литовском он встречается гораздо чаще и его звукоподражательные функции иные: *baubti* [(о выпи) "реветь"], *bliurbėti, bukruoti, ūlbėti* [(о голубе, тетереве) "жужжать"], *ūbauti* [(о сове) "выть"], *ciulbėti, cirbėti* [(о жаворонке, воробье) "чирикать"].

В то же время /w/—/v/ занимают сходные места в фонологических системах сопоставляемых языков², но их фонетическая природа различна, что в свою очередь определяет разницу их звукоподражательных функций. В английских ономатопах /w/ представлен значительно шире, чем /v/ в литовских, и встречается в лексемах, относящихся к нескольким семантическим группам: *quack, quink* (о гусе, утке, вороне), *whoo, whoop, whoot, tu-whoo, tu-whit* (о сове), *wheep(le)* (о кроншнепе). Литовский /v/ входит в состав двух групп ономотопов: *kvagėti, kvėkščioti, kvarkti* (о вороне, утке, курице, гусе, сове), *čvirti, žirvėti, čilvėti* (о воробье, жаворонке). Возможна и ситуация, когда и фонетически, и фонологически различные единицы выполняют близкую звукоподражательную функцию, например: литовский смешанный дифтонг /ir/ и английский /ə:/ (*čirpti—chirp* "щебетать"). Однако и здесь различие двух других параметров обуславливает определенное различие поведения.

4. Большое количество фонем в составе ономотопа обладают более чем одной звукоподражательной функцией. Являясь полифункциональными единицами, фонемы вступают в различные фоносемантические оппозиции и могут презентировать разные фонемотипы. Например, в литовском языке /æ/ может выступать как презентант фонемотипа "высокий": *čežėu, žemėti, čekti* (о воробье, жаворонке) (ср. *čižti, čimti*) или "компактный": *kerkti, kvegėti* (о вороне, курице, утке) (ср. *karkti, kvagėti*).

5. Степень генерализации фонемотипа может быть самой различной: от "консонант" /p/, /t/, /s/ в ономатопах *whoop, whoot, whosh* (о сове), до "шумный смычный компактный нерезкий звонкий" /g/ в ономатопах *gaggle, gagėti* (о гусе). Таким образом, оппозиция, значимая в одном случае, в другом оказывается нейтрализованной. Обычно четким показателем значимости той или иной оппозиции оказывается паронимическое поле: чем выше степень индивидуальности фонемотипа, тем меньше у него паронимов³ [ср. литов. *gag(ė)ti* vs **kak-* и в то же время *gargėti, kargėti, karkti*]. Следует иметь в виду, что в отличие от нейтрализации фонологических оппозиций нейтрализация фоносемантических гораздо более расплывчата и индивидуальна.

6. Исследование пределов формального варьирования ономотопов показывает, что ономотопы представляют собой целые интегрированные комплексы, в которых элементы звукоподражательного значения представлены несколько раз (*čižti, gagėti, pypčioti, cackle, peep, twit*). При этом роль окружения настолько

² /v/ литовский фонологической традицией трактуется как сонорный [7]

³ Паронимия — частичное совпадение двух фонетических слов, не сводимое к омонимии и совпадению самостоятельных частей этих слов, при таком совпадении значений, которое не может быть определено квалифицировано либо как синонимия, либо как вариативность [8, с. 35].

велика, что даже те изменения формальных элементов, которые предположительно должны значительно изменять семантику, никак не отражаются на ней [ср. англ. *tu-whoop* vs. *tu-whit* (о сове)]. В то же время однофункциональные элементы тяготеют к сочетанию друг с другом, и, например, в английских ономатопах /i:/ и /u:/ будут встречаться в различных окружениях: *peep, cheet, cheep* (о птенцах) vs. *cuckoo* (о кукушке), *whoop* (о сове). Возможно, этим объясняется относительно малое влияние варьирования фонемного облика слова на его семантику.

Таким образом, проведенный анализ заставляет предположить, что различные звучания соотносятся с их конкретными обозначениями в языке не непосредственно, а через систему звукоподражательных моделей⁴. Под моделью как инструментом исследования понимается определенный конструкт, в котором отражаются все общие для определенной группы ономатопов звукоизобразительно значимые компоненты [5, с. 47]. К основным звукоподражательным моделям относятся: 1) **K/G(Sol)-ǂ-(Son)K/G(Son)** — низкотональные диссонансы; 2) **t|j(w)-ǂ-cons.** — высокотональные диссонансы. Кроме этого, в каждом слове представлен ряд специфических звукоподражательных моделей.

Онтологические сущности, представляемые с помощью моделей, являются собой психофизиологическое восприятие того или иного звучания, опосредованное фонологической системой конкретного языка. Следовательно, их строение определяется, с одной стороны, общими закономерностями психофизиологического восприятия и отражения звучаний, а с другой — специфическими особенностями того или иного языка.

3

Описав основные принципы формального строения ономатопов, попытаемся теперь посмотреть, какими когнитивными характеристиками могут обладать столь специфические единицы языка.

Исследование голосов птиц как определенного фрагмента звукоподражательной системы показывает, что эти голоса представлены в языке неодинаково: крики одних птиц передаются значительным количеством ономатопов (англ. "крик гуся" — *cackle, creak, gaggle, gabble, gobble* и др.), других — одним-двумя (литов. "крик журавля" — *krikauti*), а голоса третьих вообще не находят отражения [англ. "петь" (о жаворонке); литов. "кричать" (о чайке)]. Языковые соответствия между именем источника звука (птицы) и ономатопом, обозначающим этот звук, представляются достаточно сложными, но тем не менее подчиненными определенным закономерностям.

1. Изучая соотношение между элементами звукоподражательной системы — ономатопом и источником звука, — мы вводим понятие в а л е н т н о с т и, под которой понимаем способность элемента одного плана соотноситься с элементами другого плана. По этому параметру все единицы делятся на две большие группы: поливалентные и моновалентные.

Проведенное исследование, как кажется, дает возможность объяснить, почему одни источники соотносятся с большим количеством ономатопов, а другие со значительно меньшим: обозначаются преимущественно голоса птиц, значимых для данного языкового коллектива; обладающие специфическими акустическими характеристиками (четко выделяющиеся из остальных звучаний); способные быть аппроксимированными фонологической системой данного языка. Близость

⁴ Вводя здесь термин "звукоподражательные модели", мы несколько опережаем события, так как полное его определение можно дать лишь после семантического анализа. Однако поскольку все дальнейшее изложение требует использования этого концепта, будет целесообразно предварительно определить его именно сейчас.

и различие этих параметров обуславливает близость и различие в строении соответствующих лексических систем в языке.

Большинство поливалентных источников (ворон, курица, гусь, голубь и др.) отвечают всем этим условиям: они достаточно значимы для носителей языка, их голоса достаточно специфичны и передаются ономотопами, относящимися к основным моделям, или по крайней мере могут быть хорошо аппроксимированы средствами фонологической системы языка.

Моновалентные источники могут включать два типа: те, которые имеют собственные звукоподражательные модели (их, кстати, большинство): англ. *rew* "крик коршуна", *jug* "пенье соловья"; и те, которые примыкают к базисным моделям: англ. *crake* "крик коростыля", *sawk* "крик гагары" и т.д. Во втором случае причина их моновалентности заключается в достаточной экзотичности данных птиц и минимальных знаниях об их голосах.

Возможно, именно это объясняет разную представленность голосов птиц в языках. Например, специфика фонологической системы английского языка способствует лучшей, чем в литовском, отраженности крика совы. В то же время, вероятно, значимость воробья в английской когнитивной системе выделяет его из всех недифференцированных высокотональных источников: *sparrow*, *twitters*.

2. Рассмотрев особенности валентности источников, обратимся теперь к проблеме определения валентности ономотопов. В данной работе мы позволим себе ограничиться лишь анализом поливалентных ономотопов, так как ограниченный объем не дает возможности описать весь материал в целом. Здесь нас интересует комбинаторика голосов: как именно в пределах одного ономотопа сочетаются голоса различных источников.

Учитывая всю условность подобного описания, тем не менее можно прийти к выводу, что все разнообразие возможных объединений сводится к трем типам:

— ономотопы, соотносимые с голосами птиц, издающих низкото-нальные звуки: англ. *cank* (о гусе, сороке, скворце), *saw* (о вороне, граче); литов. *karkti* (о курице, вороне), *krenkti* (о вороне, сороке);

— ономотопы, соотносимые с голосами птиц, издающих высокото-нальные звуки: англ. *cheep*, *peep*, *cheet*, *tweet*; литов. *čirikšti* (о воробье, куропатке), *čežėti* (о воробье, дрозде, жаворонке);

— прочие: англ. *wheep(le)* (о кроншнепе, зуйке), *pewit* (о чайке, чибисе); литов. *tītuoti* (о лебеде, удуе), *suokti* (о соловье, сове).

Ономатопы первой модели достаточно хорошо представлены в обоих языках и объединяют голоса врановых, гуся, утки, курицы. Таким образом, с известной долей условности этих птиц в обоих языках можно считать основными источниками низкотоональных звучаний: большинство низкотоональных звучаний ассоциируется именно с их криками, и в то же время именно их крики наиболее четко соотносятся с низкотоональными диссонансами. Интересно, что максимальные цепи, включающие шесть голосов в пределах одного ономотопа (литов. *kvėkščioti*, англ. *cackle*), относятся именно к этой модели. При этом данная комбинаторика достаточно ярко иллюстрирует известное положение Дж. Лакоффа о принципах объединения единиц в известные классы: мы можем объяснить, почему единицы группируются именно так, но не можем точно предсказать, как именно они будут объединены [3, с. 16]. Эта максимальная цепь в обоих языках включает следующие элементы: ворон, сорока, гусь, курица. К этому "ядру" в английском добавляются два врановых (галка, скворец), что в принципе ожидаемо, в литовском — утка, что также ожидаемо, более неожиданным представляется добавление совы.

Далее мы вступаем в сферу предположений и гипотез. Формальные аналоги высокотоональной модели представлены и в английском, но, в отличие от литов-

ского, они соотносятся не с конкретными источниками, а с птицами вообще. Конечно, они могут быть употреблены и по отношению к конкретным птицам (например, к тем же, что и в литовском: жаворонку, дрозду, воробью и т.д.), но то, что словарная традиция [10], дифференцируя низкотональные звучания, высокие дает недифференцированно, представляется значимым. Литовский язык, вероятно, обладает лучшими возможностями для отражения высоких сонорных звучаний: в его фонологической системе больше собственно высоких элементов, правила его фонотактики допускают большую встречаемость сонорных, фонологическая оппозиция "глухой—звонкий" делает литовские согласные собственно "звонкими", артикуляционный базис литовского языка более передний [7]. Вполне возможно поэтому, что литовский язык более дифференцированно воспринимает и отражает высокие звучания по сравнению с английским.

Формальное объяснение валентности онома톱ов представляет значительную трудность. Чаще всего большая валентность одних паронимов и меньшая других кажется чистой случайностью. Если безоговорочно верить словарным дефинициям, то формально очень близкие онома톱ы попадают в разные разряды по валентности: литов. *kurkti* vs. *kiurkti* (об индюке) vs. (о курице, утке); англ. *cank* vs. *conk* (крик гуся) vs. (крик гуся, сороки, скворца), не говоря уже о случае *cronk* vs. *crank* (о вороне) vs. (о птицах вообще). Но в то же время в некоторых случаях моновалентность отражает его большую по сравнению с паронимами спецификацию.

Рассмотрим для примера противопоставление моно- и поливалентных онома톱ов в составе двух поливалентных источников: курица, гусь.

	Моновалентные онома톱ы	Поливалентные онома톱ы
	К у р и ц а	
англ.	<i>clack, clock, cluck</i>	<i>keak, keckle, cackle, crow</i>
литов.	<i>kadėti, katėti, klapnoti</i>	<i>kai geti, kaikti, kvėkščioti</i>
	Г у с ь	
англ.	<i>gabble, gaggle</i>	<i>cackle, creak, conk, cank</i>
литов.	<i>gagėti, kn gagoni</i>	<i>gargėti, kergėti, kirkti</i>

Проведенное сопоставление демонстрирует, что моновалентные онома톱ы обладают общей, им одним присущей характеристикой. Так, например, у онома톱ов, обозначающих крик курицы, в английском языке таким маркером выступает кластер /kl/, в литовском — некомпактные смычные /p/, /t/, /d/.

3. Из возможности онома톱ов соотноситься с несколькими источниками вытекает и возможность соотнесения источников между собой через онома톱ы. Группировки онома톱ов в пределах источников представляю. собой не классы (множества с четко очерченными границами), а поля, характеризующиеся достаточной степенью размытости. Голоса одних птиц классифицируются языком как более близкие, других — как более дальние. Это позволяет создать картины "интерференции голосов".

Рассмотрим более подробно несколько интерференционных картин и попытаемся закономерно установить основные закономерности интерференции:

1) Лебедь:

англ.: угод, чибис, снегирь¹ (*hoop*); литов. угод¹ (*tūtuoti*).

Примечания: а) во всех случаях под названиями птиц имеется в виду обозначение их голосов; б) цифры обозначают количество общих онома톱ов, соотносимых с голосами данных птиц и птицы, вынесенной в заголовок.

2) Коростель:

англ.: ворон, перепел¹ (*crake*); литов.: воробей, сорока¹ (*čerkšti*),

3) С о р о к а:

англ.:	скворец ⁵	гусь ⁴	курица ³ галка ворон	воробей ¹ ласточка
--------	----------------------	-------------------	---------------------------------------	----------------------------------

скворец: *cackle, keak, keckle, conk, chatter*

гусь: *cackle, keak, keckle, conk*

ворон: *cackle, keak, keckle*

галка: *cackle, keak, keckle*

курица: *cackle, keak, keckle*

воробей, ласточка: *chatter*

литов.:	ворон ² <i>kren'ti</i> <i>kvėkščioti</i>	курица ¹ утка сова	} <i>kvėkščioti</i>
		коростель воробей	

4) В о р о н:

англ.	гусь ⁵	курица ⁴	скворец ³ сорока галка утка	грач ²	коростель ¹ перепел голубь
литов.:	курица ⁶	утка ³	сорока ² гусь	сова ¹	

Примечание: в) из-за ограниченности объема работы перечисление онома톱ов опускается.

Рассмотрев основные возможности интерференции, можно сделать определенные выводы: во-первых, при соотнесении голосов птиц биологическая близость последних не играет никакой роли (кстати, это не настолько очевидно, как могло бы показаться на первый взгляд); во-вторых, картины интерференции голосов различаются по языкам. Различие может быть двойное: по набору соотносимых источников и по степени их близости. В случае малой интерференции возможно полное несовпадение набора соотносимых источников (см. 2), в случае широкой интерференции — взаимодействие обоих параметров (см. 4).

Ономатопы периферийных моделей образуют интерференционные картины за счет поливалентности ономатопа (см. 1). Для онома톱ов основных моделей к этому добавляется паронимическая интерференция. Например, голос ворона в английском языке воспринимается как более близкий голосу гуся, чем крикам утки или курицы. Достаточно сравнить их модели, чтобы понять, почему это именно так:

ворон	K(R/W)-ǃ-(ŋ)K(L)
гусь	K/G(R/W)-ǃ-(ɔ)K/G(L)
утка	KW-ǃ-K
курица	K(L/R)-ǃ-K(L).

В обоих языках отнесенность онома톱ов, обозначающих крик коростеля, к разным моделям обуславливает их различную интерференцию; обозначение голоса сороки ономатолами двух основных моделей является причиной двойственного характера интерференции: при общем тяготении к интерференции с голосами низкотоновых источников (ворон, курица, гусь) голос сороки имеет соотнесенность и с высокотоновыми.

Разумеется, говоря об обусловленности интерференционных картин строением

соответствующих моделей, мы исходим из чисто методологических соображений (удобства описания). На самом деле картина представляется обратной: различное членение звучащей действительности (различие интерференционных картин) обуславливает различие моделей.

4. Значительная часть ономатопоов не ограничивается только номинацией голосов птиц, но входит в широкие поля обозначения звучания вообще. Ономатопо соотносится с акустическим сигналом через общий для них элемент звучания — сигнификат, т.е. признак звучания, избранный за основу номинации.

Здесь возможны два случая: сигнификативное значение целиком ограничивается обозначением голосов птиц (ср. в русском языке *кукарекать*, *крякать* и т.д.); сигнификативное значение ономатопоа соотносится с широким спектром звукопредставлений (ср. в русском *птенец пищит* — *мышь пищит*, *сорока трещит* — *доска трещит* и т.д.).

В настоящей работе мы ограничимся лишь рассмотрением базисных структур, т.е. отношением сигнификатов к исследуемому фрагменту звукоподражательной системы в целом.

Различные сигнификаты представлены в системе неравномерно: есть сигнификаты, объединяющие значительное количество ономатопоов ("гудеть": англ. *hoot*, *honk*, *pipe*, литов. *dudenti*, *tūtuoti* "квакать": англ. *croack*, *quack*, литов. *kvarkti*, *kurkti*), а есть представленные в системе весьма незначительно ("журчать": англ. *chatter*, литов. *čiurlenti*). Кроме того, представленность сигнификатов различается по языкам: в английском отсутствуют сигнификаты "чавкать", "плакать", в литовском — "дрожать", "скрипеть" и т.д.

Таким образом, исследуемый фрагмент (участок) занимает определенное место в звукоподражательной системе в целом, и оно несколько различно в сравниваемых языках. Английские птицы "трещат", "дрожат", "скрипят", тогда как литовские больше "шелестят"; и те и другие много "пищат" и "квакают"; английские птицы больше "визжат", в то время как литовские предпочитают "жужжать"; и те и другие немного "журчат", "воют", "ревут" и "кашляют".

Кроме этого, интересно отметить и следующее: степень принадлежности ономатопоа описываемому участку звукоподражательной системы может быть весьма различной. От полного вхождения только в данную подсистему (англ. *cuckoo*, *saw*, *coo*, *pew*; литов. *čilbėti*, *čirkšti*, *katėti*) до весьма окказионального соотношения с ней. Так, англ. *clack*, *wheep*; литов. *bimbtū*, *birbtū*, *čirpti* только при большом желании могут быть отнесены к птичьим голосам. В остальных случаях: литов. *čiepti*, *čiekti*, *čypauti*; англ. *pipe*, *croack*, *gaggle* и т.д., — сфера соотношения колеблется в зависимости от очень многих причин: знания носителя языка о голосах птиц, индивидуальные звукопредставления и т.д.

4

Как следует из проведенного анализа, между звучащей действительностью и ее отражением в языке лежит система звукоподражательных моделей, которая опосредует восприятие и отображение звучаний. С нашей точки зрения, данные модели представляют собой те общие когнитивные понятия (представления) о звучании и его характеристике, с которыми непосредственно соотносятся значения звукоподражательных слов. Формальный облик слова служит своеобразным сигналом о принадлежности единицы той или иной модели, не реализуя всей суммы знаний, представлений и ассоциаций, связанных с данным когнитивным понятием. Эта связь, обычно не актуализированная, может при необходимости актуализироваться. Примером этого служит произнесение в эмфатической речи в английских ономатопоах *chirm*, *chirp*, *chirk* /ə:/ вместо /ə:/ [9].

Сама система ономатопоов представляет собой нечеткое множество, характеризующееся высокой степенью расплывчатости соотношения ономатопоов с источниками и сигнификатами. Существует, с одной стороны, система формальных моделей, с другой — набор птиц, о чьих голосах вообще имеется представление. В обоих языках в этой системе центральное место занимают две модели: $K/G(\text{Son})-\check{v}-(\text{Son})K/G(\text{Son})$ (низкотоональные диссонансы) и $t(w)-\check{v}-\text{cons}$. (высокотоональные диссонансы). Представляющие эти модели ономатопопы формально неоднородны и обладают различной семантической соотношенностью. Источники (птицы), чьи голоса обозначаются этими ономатопоами, иерархизуются в зависимости от значимости птицы. Возможна какая-то предпочтительная соотношенность между формальными показателями и определенными источниками, например: $/kl/$ в английских ономатопоах, обозначающих крик курицы, или $/t/$, $/d/$ в той же группе ономатопоов в литовском. Однако во многом эта соотношенность определяется еще и другими факторами. Поскольку модели допускают различную фонемную презентацию, всегда имеется некоторый избыток формальных средств для обозначения голосов более или менее значимых источников. Но соотношенность между ономатопоами и источником в достаточной степени нежесткая, что обуславливает различную встречаемость паронимов в пределах одной модели. В свою очередь это является причиной соотношения паронимичных ономатопоов с несколькими различными источниками, а также разницы в валентности ономатопоов (за исключением тех случаев, когда это различие формально обусловлено).

Система представляет собой динамичное, но достаточно устойчивое образование, в котором постоянно поддерживается баланс между формой единиц и их семантикой. Очень ярко это можно наблюдать на примере диахронического развития некоторых английских ономатопоов. Так, из системы устраняется ономатопо *creak* (крик ворона, грача) с изменением его формального облика ($/\epsilon/ \rightarrow /i:/$) и заменяется ономатопоом *croak*. Двойственность ономатопоа *crook* (крик ворона, голубя): пересечение двух моделей $K/G(\text{Son})-\check{v}-(\text{Son})K/G(\text{Son})$ и $K(R)-u:- (K/D)(L)$ обуславливает его неустойчивость в системе и в конечном счете приводит к его исчезновению и экспликации обоих формально-семантических различий: *croak* "крик ворона", *crood* "воркование голубя".

Кроме ономатопоов, соотносимых с конкретными источниками, существуют ономатопопы, соотносимые с птицами вообще. В принципе значение любого ономатопоа исследуемого фрагмента системы представляет собой обозначение нечеткого множества соотносимых с ним голосов источников (птиц), где, с одной стороны, пределом является обозначение голоса какой-то одной птицы, а с другой — голоса птицы вообще. Поливалентные ономатопопы можно рассматривать как промежуточные члены этого множества. Вероятно, в значении общевалентных ономатопоов конкретная соотношенность стремится к нулю и ономатопо начинает соотноситься со звучанием голоса птицы вообще, игнорируя конкретный источник. Возможно, что несмотря на это, у ономатопоов такого рода иногда есть "персонификатор" — птица (группа птиц), с которой данный ономатопо может быть соотношен скорее всего.

Все общевалентные ономатопопы обобщенно сводятся к трем источникам: птенцы, мелкие птицы, "низкотоональные" птицы. Таким образом, для данной группы ономатопоов не существует гиперонима в собственном смысле слова, соотносимого недифференцированно с голосом птицы вообще. "Квазигиперонимы" (например, англ. *scream*, литов. *lalėti*) все же преимущественно сочетаются с определенной группой голосов птиц (ср. в русском языке некоторую аномальность сочетаний типа *крик жаворонка* или *песня ворона*).

Данная система функционирует в рамках более широкой системы звукообозначений в целом. При этом ее место в этой системе различно для разных

языков и разных групп ономастов. Взаимоотношение этих систем во времени также не остается неизменным. Предполагается, что в более ранние периоды существования языка доля обозначений собственно естественных звучаний живой и неживой природы (в том числе и голосов птиц) была значительно выше, чем теперь. Литовский язык, имея большее количество ономастов, соотносимых непосредственно со звучаниями птиц, возможно, отражает эту более архаичную стадию развития звукоподражательной системы. Динамика развития английских ономастов показывает, что многие из них утрачивают свое первоначальное звукоподражательное значение (*creak*), изменяют его под влиянием новых значений (исключение высокотональных источников из значения ономаста *chatter* под влиянием значения "болтать") или приобретают новую структуру значения [*bump* (о выпи) + "звук насоса"]. Это свидетельствует о том, что звукоподражательная система в целом динамична и, развиваясь, перестраивается и переструктурируется. Звучащий мир вокруг человека изменяется, и вместе с ним изменяется строение звукоподражательной системы, сдвигаясь в сторону обозначения звучаний человека и артефактов. Естественно, звукономинация других источников смещается на периферию.

Лексикографическая традиция так или иначе отражает особенности данного фрагмента звукоподражательной системы. В свете всего вышесказанного можно объяснить достаточную непоследовательность словарных статей в определении значения звукоподражательного слова: иногда определяется акустическая характеристика звучания, иногда — соотнесение с определенным источником. Таким образом, словарная традиция представляет значение ономаста именно в том диффузном, неопределенном виде, в каком оно и существует в языке.

Как мы уже отмечали выше, носитель языка знает лишь незначительную часть этой системы в целом, ограниченную звукообозначением ее центральных членов. Поскольку общее название для обозначения голоса птиц вообще в языке отсутствует и все ономасты обладают большей или меньшей степенью дифференцированности, то процесс обозначения неизвестного крика птицы строится на основе поиска в системе моделей ближайшего ономаста, обладающего сходными характеристиками.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что анализ подобных систем позволяет сформулировать ряд интересных особенностей, касающихся общих законов взаимоотношения языка, мышления и действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серебренников Б А и др Роль человеческого фактора в языке // Язык и картина мира. М., 1988.
2. Гудавичюс А Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985.
3. Лакофф Дж Мышление в зеркале классификаторов / Новое в лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
4. Филлмор Ч Фреймы и семантика понимания // Новое в лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
5. Воронин С В Основы фоносемантики. Л., 1982.
6. Степанов Ю С. Имена, предикаты, предложения. М., 1981.
7. Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
8. Степанов Ю С Основы общего языкознания. М., 1975.
9. Воронин С В Некоторые замечания о звуке /t/ в английских ономастах // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 1. Л., 1967.
10. The Oxford English dictionary. V. 1—12. Oxford, 1961.
11. Lietuvos kalbos žodinas. Vilnius, 1968.

© 1993 г. БЕЛОВА А.Г.

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМИТСКОГО КОРНЕВОГО ВОКАЛИЗМА

0. ВВЕДЕНИЕ

Результаты сравнительно-исторического изучения афразийских (семито-хамитских) языков, начатого И.М. Дьяконовым и продолжаемого группой его учеников в различных направлениях [1—4], реконструкция афразийского корнеслова [5—9] и афразийской фонологической системы [10], гипотеза слоговой структуры общеафразийского корня [2; 4, с. 82—83] — позволяют обратиться к более конкретным направлениям и задачам — реконструкции отдельных элементов фонологической и морфологической систем языковых семей афразийской макросемьи¹. Одной из задач дальнейших реконструкций является реконструкция семитского корневого вокализма.

Сопоставление группы первичных именных корней в семитских и некоторых афразийских языках свидетельствует о возможности реконструировать корневой вокализм в простейших, первичных, семитских и глубже — в общеафразийских именах².

Последние работы в этой области позволяют поставить следующий конкретный вопрос — вопрос о возможности установить общесемитский корневой вокализм не только в первичных именах, но и в первичных общесемитских глаголах.

Если установление общесемитского вокализма в группе общесемитских глаголов возможно, то вторым существенным вопросом, связанным с первым, становится вопрос о том, в каких условиях сохраняется этот корневой вокализм, каковы его рефлексy в родственных, однокорневых глаголах и именах семитских языков.

На всем известном нам протяжении сравнительно-исторической семитологии вопрос о семитском корне решался только в пределах определения его консонантного состава (см., например [14, I, с. 285—287]). Чередование гласных не только в производных, но и в простейших глагольных и именных основах исключает устойчивый вокализм корневых основ. На базе регулярного чередования гласных в семитских языках наиболее четко и последовательно развиваются специфические способы слово- и формообразования, основанные на апофонии гласных³. Как за краткими, так и за долгими гласными закрепляется морфологическая функция (ср. [14, с. 44 и сл.; 16, 17; 18, с. 134]. "Морфологическая" функция гласных противопоставляется "лексической" функции корневых согласных. В целом такая типологическая характеристика семитских языков является достаточно обоснованной и парализует всякую попытку поставить вопрос о корневом гласном в семитских языках в синхронном плане.

¹ Так, по структуре афразийского корня автор статьи готовит исследование комплементов — древних некорневых формантов афразийской основы. В области реконструкции корневого вокализма в афразийском см. [11—13].

² См., например [1, с. 192—195; 3 с. 45—46].

³ Наиболее обстоятельно процесс перерастания чередования гласных в апофонию гласных прослежен в [15, с. 51 и сл.].

Вместе с тем, в "морфологической твердыне" семитской грамматической системы имеются некоторые слабые места и бреши. Прежде всего к ним можно отнести необусловленный вокализм первичных именных основ, например, в терминах родства, в названиях частей тела, основных явлений природы и животного мира. За исключением производных форм от них (форм множественного, уменьшительного и т.п.) первичные именные основы имеют постоянный вокализм в пределах корневых согласных. Сопоставление этих именных основ различных семитских языков также свидетельствует об их устойчивом обще-семитском вокализме (см. примеч. 2). С другой стороны, колебания вокализма в ряде первичных основ (например, в арабском), обусловленные фонетическими или историческими причинами (междиалектные или межъязыковые заимствования и влияния), не влекут за собой изменения лексико-грамматического характера, что позволило бы считать эти колебания чередованием или апофонией гласных, ср., например, в арабском: 'aṭar-/'iṭr-/'uṭr- "след" (ед.ч. м.р.); ṣadr-/'-ṣidr- "грудь" (ед.ч. м.р.); ṭafl-/'tiṭf- "ребенок" (ед.ч. м.р.); 'add-/'idd-/'aḏid-/'aḏud-/'uḏud- "предплечье (руки, ноги)"; wark-/'wirk-/'warik- "бедро"; ṣadd-/'ṣudd- "русло реки, долина" и т.п.

Сложнее обстоит дело с вокализмом глагольных основ, каждая из которых занимает свое определенное место в регулярной парадигме, основанной на чередовании гласных основы. Парадигмы классического арабского, аккадского и, частично, древнееврейского языков представляют картину регулярного переменного вокализма. Системы арамейских, эфиосемитских языков и современных арабских диалектов, напротив, представляют картину вокализма, редуцированного во многих случаях до степени только слоговой (фонетической), но не морфологической (и тем более не лексической) функции гласных.

Однако и в регулярной апофонии глагольной системы имеются свои нарушения. Наиболее очевидны они в глагольных системах классического и аккадского языков.

Как и в именной системе, эти нарушения затрагивают первичные глагольные основы. Здесь и далее мы принимаем за исходную основу нашего анализа наиболее краткую (одноголосную) основу префиксального спряжения I-й (непроизводной) породы (сокр. п.)⁴. Далее эту основу мы условно называем имперфектной (в аккадском — претерит)⁵ со структурой $-C_1C_2VC_3-$ или $-C_1\bar{V}C_2-+C_1VC_2C_2-$ (от двухсложной основы). В сравнительно-историческом аспекте именно эта основа представляется наиболее древней и общеафразийской [3, с. 85—87 и сл.].

В классическом арабском таковые нарушения представлены необусловленным вокализмом имперфектной основы I п.: $-u-/-i-/-a-$ (о некоторых фонетических условиях a -вокализма см. ниже, в разделах анализа конкретного материала). В стечественной семитологии эти гласные называются "типовыми" [18, с. 123], в западной семитологии — "vocalisme fondamental" [15, с. 14—15]. Несмотря на постоянные усилия семитологов и арабистов закрепить за этими гласными только грамматические значения: переходности—непереходности, действия, состояния, качества и т.п. (см. [15, с. 51—52 и сл.]), их распределение в первичных глагольных основах не поддается стройной грамматической классификации

⁴ С исторической точки зрения основа перфекта (основа суффиксального спряжения) рассматривается как более поздняя и вторичная в системе семитской глагольной парадигмы. Вокализм этой основы является уже более обусловленным и морфологическим. Традиционная подача глагола с исходной формы 3 л. ед.ч. м.р. перфекта является лишь устоявшимся рабочим приемом семитской и семитологической лексикографии.

⁵ В дальнейшем вокализм первичной арабской имперфектной основы обозначается гласным в скобках после консонантного корня; в ряде случаев обозначается гласный перфекта — в скобках перед консонантным корнем. Аккадский глагольный вокализм также обозначается в скобках после консонантного корня. По традиции обозначается вокализм двух основ: первый гласный — для основы презенса; второй, интересующий нас в данной работе, — для основы претерита.

(см., например [19, с. 51]). Арабская лексикография включает "типовой гласный" в словарь в качестве обязательного элемента глагольного корня.

В аккадской грамматике таковые нарушения также представлены необусловленным вокализмом первичных глагольных основ и называются "корневыми гласными" (Wurzelvokal) [20, с. 51—52, 96; 21, с. 28—29] или же характеризуются как огласовки, сопровождающие глагольные корни в словарях [22, с. 94].

Как и в арабской грамматике, вокализм первичных глагольных основ аккадского языка семитологи связывают с определенной лексико-грамматической семантикой: *-i-* глаголы действия; *-i-*, *-a-* производные глаголы состояния и признака [20, с. 96, 112—113], с признаками переходности—непереходности [15, с. 56—57].

Несмотря на то, что для таких заключений имеются некоторые примеры как в арабском, так и в аккадском языках, "грамматикализация" гласных в первичных глагольных основах этих языков не является последовательной, имеет достаточное количество семантических нарушений (см. ниже сравнительный материал) и не может считаться окончательной в той мере, в какой эта грамматическая функция гласных представляется в производных формах (см. также [20, с. 113—114]).

Косвенным образом об отсутствии грамматической оппозиции гласных первичных основ могут свидетельствовать колебания гласных имперфектных основ как в классическом арабском, арабских диалектах [14, с. 545—546], так и в аккадском и его диалектах (см. ниже в сопоставительном арабском и аккадском материале). Эти колебания (как и в упомянутых выше первичных именных основах) могут быть обусловлены фонетическим окружением или не обусловлены, но они, как правило, не отражаются на изменении грамматического значения основы⁶.

Вместе с тем, несмотря на бреши и слабые места, существующие в твердой семитской грамматической системе, нельзя не признать сложность задачи, связанной с установлением корневого вокализма. Помимо указанных выше трудностей, обусловленных прямой грамматикализацией гласных, существует, на наш взгляд, и другая трудность, вытекающая именно из "лексического" вокализма первичных глагольных основ (как и многих первичных именных основ) в семитских языках: она заключается в подозрительной уникальности связи между данным консонантным составом корня и гласным имперфектной основы. Иными словами — для большинства глагольных корней отсутствует семантическая оппозиция, основывающаяся только на различии гласного основы. Такова ситуация для семитского глагола. С другой стороны, реконструкция афразийского корнеслова [5—7] свидетельствует о большом количестве омонимичных консонантных корней, лексические различия которых, несомненно, должны были определяться различным вокалическим составом, см. например, **dab I* "разговор, спор", **dab II* "зерно, хлеб, пища", **dab III* "спина, зад", **dab IV* "топтать, толочь, стучать" [6, №№ 109, 110, 111, 112] и **dVb I* "медведь", **dVb II* "песчаный холм", **dVb III* "водоем", **dVb IV* "кольцо, петля" [6, №№ 113, 114, 115, 116] и т.п.

Точно так же колебания вокализма первичных основ одного значения в арабском, свидетельствуя о грамматической иррелевантности данного вокализма, свидетельствуют в то же время и об их лексической иррелевантности. В таких основах функция вокализма практически сводится к функции структурно-слоговой по отношению к согласным корня.

⁶ В данном случае мы считаем, что возникновение производных основ с определенной грамматической оппозицией, например, в арабском: *ya-ʔaql-* "взвешивать, весить": *ya-ʔaql-* "быть тяжелым"; *ya-kbur-* "быть старше, старшим, большим" и *ya-kbar-* "быть в возрасте, в преклонном возрасте" и т.п., представляют вторичное явление.

Из всего вышесказанного вытекает целый ряд осложнений на рискованном пути поиска и установления семитского корневого вокализма. Предваряя наше дальнейшее исследование, мы ограничиваем наши гипотетические реконструкции существенной оговоркой: возможно, что общий вокализм родственных глагольных основ арабского и аккадского языков (и, частично, древнееврейского), хотя и является общесемитским, но представляет уже ту стадию в развитии грамматического строя прасемитского, когда "исконный корневой вокализм начинает сдавать свои позиции" перед двумя различными условиями: а) перед фонетическим окружением (т.е. значение корневого гласного уже не так важно, значение "держится" на согласных); б) перед давлением регулярной системы апофонических оппозиций и действием аналогии (т.е. лексическое значение гласного уступает место грамматическому значению в самом широком смысле слова).

Вместе с тем наши предварительные и дальнейшие сравнительные исследования структуры двухсложных афразийских основ [11] показывают, что эта группа основ по каким-то (пока неясным еще причинам) более устойчиво сохраняет корневой вокализм; более того, исконный вокализм двухсложной основы может иметь соответствующий рефлекс в родственных однокорневых основах и формах: так, $*-\bar{u}- > -Vw-$ или $wV-$; $*\bar{i}- > -Vy-$; напротив, $*a$ может быть рефлексом ларингала ($H = C_2$ или C_3).

Наше дальнейшее исследование основывается на положениях, выработанных предварительными наблюдениями и сравнительным анализом афразийского материала.

1. В семитских языках выделяется группа первичных глагольных двухсложных корней⁷. Эти корни выделяются на базе сопоставления корней I—III infimae и mediae geminata с трехсложными корнями с соответствующими им двумя корневыми согласными и с третьим согласным (в позиции C_1 или C_3), представленным одним из консонантных комплементов. Последний является по происхождению морфологическим элементом или фонетическим расширителем двухсложного корня до трехсложного⁸.

2. Классический арабский и аккадский языки (частично и древнееврейский) сохраняют в имперфектных основах I п., не обусловленный грамматическим значением общий вокализм⁹.

Нашей задачей является установить — имеют ли первичный двухсложный глагольный корень и соответствующий ему трехсложный, расширенный за счет комплемента, один и тот же гласный в основе имперфекта I породы?

Имеют ли родственные основы аккадского и арабского единый, необусловленный вокализм?

Эта проверка может быть осуществлена на внутриарабском материале, сохранившем наиболее четкие вокалические оппозиции трех гласных $a:i:u//\bar{a}:\bar{i}:\bar{u}$,

⁷ См., например [23]; за последние годы выделение двухсложных корней в семитских и на афразийском уровне затрагивается также в [24, с. 293—304; 25—26].

⁸ См. [3, с. 42, с. 54]; систематизация и классификация комплементов на афразийском материале проведена в текущей работе автора статьи на базе результатов [5—7]. Свообразный опыт выделения и классификации дополнительного третьего согласного в семитских языках проделан в работе К. Эрета. Однако методика и результаты этого опыта являются спорными [27].

⁹ Мнение о том, что в классическом арабском вокализм перфекта I п. глагола обусловлен лексико-морфологическим значением переходности, состояния или качества (известные *qatal-iqatil-iqatul-*), восходит к периоду нормативной работы арабских филологов, но отражает лишь более поздний этап развития производных глагольных форм в арабском (аналогичны причастные формы в древнееврейском — *qatal/qatell/qatol*).

За исходную общесемитскую глагольную основу мы принимаем в работе краткую имперфектную основу I п. *yV-qtul-lyV-qtil-lyV-qtal-*. В классическом арабском вокализм имперфектной основы I п. частично имеет связь с основами перфекта *qatil-iqatul-*, однако с перфектной основой *qatal-* последовательной связи не наблюдается, ср., например, *qatal-* : *yaqtul-* "убивать", но: *darab-* : *yaḍrib-* "бить"; или: *ḥaraṭ-* : *yaḥriṭ-lyahruṭ-* "пахать, обрабатывать землю" и т.п.

и на аккадско-арабском сравнительном материале, сохраняющем идентичный вокализм.

Наряду с группой первичных двухсложных корней в семитских языках (для арабского языка — см. ниже) выделяется большая группа первичных семитских трехсложных корней. Наличие первичных семитских корней структуры C_1C_2 и структуры $C_1C_2C_3$ открывает нам два различных пути дальнейшего анализа.

1) Существование в арабском глагольных корней, восходящих к структуре $*C_1C_2$, позволяет провести внутриарабские сопоставления для проверки и установления вокализма однокорневых основ.

2) Общесемитские трехсложные корни могут быть проверены на предмет устойчивого корневого вокализма только на основе межъязыкового сопоставления, так как развитие (или расширение) трехсложного корня до четырехсложного (так же, как и редупликация двухсложного) в арабском языке (как и в других семитских) выводит четырехсложный корень за пределы непроемных первичных основ и включает его в систему морфологических моделей производных II—VI пород.

Сопоставление общих глагольных корней в аккадском и классическом арабском может быть показательным в том случае, если вокализм аккадской и арабской имперфектной основы идентичен и его можно рассматривать как общесемитский вокализм глагола. Частично к сопоставлению арабского и аккадского материала привлекается и материал древнееврейского языка, хотя глагольный вокализм в этом языке во многих случаях является обусловленным или редуцированным за счет фонетического окружения.

Два направления сравнительного анализа — внутриарабский и арабско-аккадский — должны показать следующее:

1) можно ли установить корневой глагольный вокализм в арабском на основе внутреннего сопоставления и реконструкции;

2) можно ли установить общесемитский (?) корневой вокализм на основе межсемитских сопоставлений.

Условие анализа: за исходный вокализм глагольного корня принимается вокализм имперфектной основы (в аккадском — краткой основы претерита), которая постулируется в семитских как древнейшая или общесемитская.

По всем следующим разделам сопоставлений проводится сплошная единая нумерация соответствий и примеров.

1. ВНУТРИАРАБСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КОРНЕВОГО ВОКАЛИЗМА

Внутриарабские сопоставления¹⁰ опираются на вокализм, не обусловленный фонетическим окружением¹¹.

Для анализа выбрана группа двухсложных корней, имеющих в арабском структуру $C_1VC_2C_2$ (корни *mediae geminatae*), структуры C_1VC_2 и C_1C_2V (корни *primaе, mediae, tertiae infirmae*). Двухсложные арабские корни сопоставляются с соответствующими им трехсложными, имеющими в качестве третьего согласного один из возможных комплементов $'/s/h/n/m/w$ в препозиции (изредка — в постпозиции).

¹⁰ Ниже, в исследовании материала, использованы основные словари по соответствующим языкам, а также работа А. Заборского о двухсложных глагольных корнях в семитских языках [23].

¹¹ При анализе арабского материала принимаются во внимание два явления фонетической обусловленности гласного в имперфектной основе I п.: 1) *-a-* может быть обусловлен наличием ларингальных или фарингальных согласных основы в позициях C_2 или C_3 ; 2) *-i-* может быть обусловлен наличием *primaе w-* в основе перфекта и его отсутствием в основе имперфекта: ср., например, однокорневые варианты глагола *'dl/wdl* "сбивать масло из молока в бурдюке или маслостойке": *'dl(a)*, но *wdl(i)*; 3) *w/y* в позициях C_2 или C_3 могут быть рефлексамы долгих корневых гласных и, в свою очередь, обуславливать вокализм имперфектной основы, ср. [3, с. 55].

Предварительные исследования семитских и афразийских двухсогласных корней, проведенные Н.В. Юшмановым, А. Заборским, Дж. Конти, выделение двухсогласных корней и комплементов в афразийских реконструкциях [5—7; 11] позволяют нам принять указанные двухсогласные корни за исходные. Далее вопрос ставится следующим образом: если в имперфектной основе исходного двухсогласного корня имеется определенный гласный, не обусловленный фонетическим окружением, то сохраняется ли такой гласный в соответствующих трехсогласных корнях, расширенных за счет комплемента?

Внутриарабская (внутренняя арабская) реконструкция корневого вокализма в группе глагольных корней (имперфектная основа):

*-u/ū-

- № 1. **kun/kūn* "быть, пребывать": *kwn* "быть", *s-kn(u)* "жить, пребывать"; *m-kn(u)* "иметь место"; *knn(u)* "хранить в себе, скрывать". Ср. также др.-акк. *kiān* "быть прочным", *škn(u)* "осесть на месте"; др.-евр. *kwn* (nif.) "быть прочным", (hi.) "поставить", *škn(o)* "жить"; саб. *kwn*; геэз *kōn* "быть". Ср. также внутриарабское соответствие **C₁u/ūC₂* : *wC₁C₂* в глаголе *wkn(i)* "сидеть"; а также — в именных основах: *waknat*/*lwuknat* "гнездо" (ср. '*aknat*' "гнездо").
- № 2. **lus* "есть, пробовать, лизать": *lss(u)* "есть, лизать"; *lws(u)*, *ls-m(u)* "пробовать"; *ls-n(u)* "схватить кого-л. за язык"; *lsw(u)* "есть, пожирать, поглощать с жадностью". Ср. также именную основу *lūs*- "пища, пропитание".
- № 3. **qur/qūr* "продырявить, просверлить, рыть": *qwr(u)*, *n-qr(u)*, *m-qr(u)* "продырявить; вырыть глубокий колодец"¹². Ср. также др.-евр. *qwr* "рыть колодец" и внутриарабское соответствие **C₁u/ūC₂* : *wC₁C₂* в именной основе *waqrat*- "яма, впадина", а также в глагольной основе геэза *qwr* "рыть".
- № 4. **ūl* "to go upward" "поднимать(ся); быть высоко": '*lw(u)* "возвышаться, подниматься", '*wl(u)* "поднимать(ся); одержать верх"; ср. акк. *alū/elū* "to go up". Ср. также внутриарабское соответствие **C₁ūC₂* : *wC₁C₂* в глаголе *w'li(i)* "поднимать(ся) выше, в гору".
- № 5. **u/ūq* "to restrain, check": '*wq(u)*, '*qw(u)* "препятствовать, быть трудным, труднодоступным"; '*qq(u)* "неповиноваться, мешать"; *m'q(u)* "быть труднодоступным"; ср. также внутриарабское соответствие **C₁ūC₂* : *wC₁C₂* в глаголе *w'q(u)* "быть трудным".
- № 6. **ūs* "быть в пути ночью": '*ws(u)*, '*ss(u)* "ходить, бродить ночью". Ср. также внутриарабское соответствие **C₁ūC₂* : *wC₁C₂* в глагольной основе *w's(i)* "продолжать путь ночью".
- № 7. **ūl* "лить; смочить": *!ll(u)*, *n-!l(u)* "лить, пролить, смочить".
- № 8. **ūf* "переливать(ся), капать; лить": *!ff(u)* "переливать(ся), переполнять"; *n-!f(u)* "лить, капать", *š-!f(u)* "сливать, обмывать", однако *h-!f(i)* "лить (о дожде)"; сир. диалект *!āf(u)* "переполнять (водоем)" (ср. именную основу *!ūf-ān*- "наводнение, потоп"); среднеакк. и раннеавил. *!pp(u)* "быть полным", др.-евр. *š-!p(o)* "сливать, смывать". Ср. также внутриарабское соответствие **C₁u/ūC₂* : *wC₁C₂* в глагольной основе *wdf(i)* "течь, сочиться, капать". Полную афразийскую реконструкцию с афразийскими соответствиями см. в [6, № 83].

¹² В использованных источниках отмечена только основа VIII п.

- № 9. **ḏur* "вредить, быть враждебным": *ḏrr(u)* "обижать, вредить", *ḏwr(u)* "вредить"; др.-евр. *ṣrr(o)* "преследовать, досаждать", *ṣwr* "быть враждебным".
- № 10. **ṣuf* "служить": *n-ṣf(u)*, *w-ṣf(u)* "работать домашним слугой, служить, быть хорошим слугой в доме".
- № 11. **ṣur* "связывать": *ṣrr(u)* "связывать"; др.-евр. *'ṣr(o)*, *ṣwr*, *ṣrr(o)* "связывать". Однако араб. *'-ṣr(i)* "связывать". Гласный *-i-* в данной основе можно объяснить тем, что основа *'ṣr* является фонетическим вариантом основы *w-ṣr*, т.е. основы, которая, как правило, имеет в имперфекте *-i-*; ср. внутриарабские именные основы *wiṣr-'iṣr-* "связь, договор", а также — *waṣarrat-/waṣīrat-* с тем же значением.
- № 12. **ṣubl/ṣūb* "лить, разливать": *ṣbb(u)*, *ṣwb(u)* тж.
- № 13. **ṣūk* "уколоть, пронзить": *ṣkk(u)*, *ṣwk(u)* "пронзить, проткнуть", др.-евр. *swk* акк. *ṣkk*. Ср. также именную основу *ṣawk-at-* "колючка". (Другие семитские соответствия см. [23, № 226].)
- № 14. **ṣur* "пилить": *n-ṣr(u)*, *'-ṣr(u)* "пилить". Ср. внутриарабское и эфиосемитское соответствие *w-ṣr* [араб. *w-ṣr(i)*].
- № 15. **ṣub/ṣūb* "смешивать": *ṣwb(ū)*, *'-ṣb(u)* тж. Ср. также именную основу с соответствием **C₁ūC₂*: **wC₁C₂*: *wiṣb-* "с метатезой *wabaṣ-* "смесь".
- № 16. **ḏur/ḏrū* "рассеивать, разбрасывать": *ḏrr(u)*, *ḏrw(u)* тж.; *h-ḏr(u)* "разбалтывать"; ср. также *m-ḏr* (II п.) и *ṣ-ḏr* (V п.) с тем же значением. Акк. *zarū*, геэз *zrw*, но др.-евр. *zry*-тж. (Другие семитские соответствия см. [23, № 44].)
- № 17. **dum/dūm* "быть спокойным, молчаливым"; араб. *dwm(u)*, др.-евр. *dwm*, *dmm(o)* тж.
- № 18. **dum* "затыкать, закрывать (отверстие)": *ḏmm(u)*, *s-am(u)* тж.; ср., однако, *sdd(u)* "затыкать, закрывать".
- № 19. **duq* "бить, колотить, давить": *dqq(u)*, др.-евр. *dqq(o)*, *dwq*; араб. (Таргум) *dwq* тж.; араб. *m-dq(u)* "дробить, разбивать камень", но *h-dq(i)* "разбивать, разрушать" (семитские соответствия см. [23, № 40]).
- № 20. **dur/dūr* "поворачивать(ся)": *drr(u)*, *dwr(u)* тж., однако *s-dr(a)* "страдать головокружением". Ср. также внутриарабское соответствие **C₁ūC₂*: *wC₁C₂* в глаголе *w-dr* "отворачиваться".
- № 21. **ḥus* "уменьшать": *ḥss(u)*, *n-ḥs(u)* тж.
- № 22. **ḥuz/ḥzū* "протыкать, рассекать": *ḥzz(u)*, *ḥzw(u)* тж. Фонетически обусловленное изменение корневого гласного в основах, расширенных за счет фарингального: *ḥz-ʿ(a)* "протыкать"; за счет увулярного, оказавшегося в позиции *C₂*: *n-ḥz(a)* "протыкать, колоть". Ср. внутриарабское соответствие **C₁uC₂*: *w-C₁C₂* в глаголе *w-ḥz(i)* "протыкать, пронзать ланцетом".
- № 23. **gum* "молчать, безмолствовать": *h-ḡm(u, i)* с внутриарабским соответствием **C₁uC₂*: *wC₁C₂*: *w-ḡm(i)* тж. (см. также обратную реконструкцию на **-i-* в № 39).
- № 24. **gull/gūl* "делать круг, кружить": араб. *ḡwl(u)*, др.-евр. *gll(o)*, ср. араб. *m-ḡl(u)* "покрыться пузырями". (Семитские соответствия см. в [23, № 55]).
- № 25. **guz* "резать, отрезать": араб. *ḡzz(u)*, др.-евр. *gzz(o)*. ср. корневые варианты в арабском с тем же гласным: *ḡdd(u)*, *ḡdd(u)* тж. Однако основы с комплементом в постпозиции дают вокализм *-i-*: *ḡz-m(i)*, *ḡd-m(i)* тж. Ср. также *n-ḡd(i)* "откусить".

- № 26 **gud* "быть щедрым, помогать" *ǵwd(u), ǵdw(u), m-ǵd(u), n-ǵd(u)* тж , *w-ǵd(u, i)* "быть богатым" Следует отметить нарушение единого корневого вокализма в геминированной основе *ǵdd(i)* "быть уважаемым из-за богатства" Нарушение может отражать вторичный вокализм, характерный для основ *wC₁C₂*, ср также *w-ǵd(u, i)* "быть богатым"
- № 27 **gub* "обдирать кору, листья (с дерева)" *ǵbb(u), n ǵb(u, i)* тж
- № 28 **tui* "(от)резать, отделить" *tri(u), m tri(u), n tr(u)* тж , однако *h-t(i)* тж Ср внутриарабское соответствие *w-tr(i)* "отделять"¹³
- № 29 **buq* "лить, течь" *hqq(u)* "лить", *n-bq(u)* "вытекать"
- № 30 **bgū* "следить, искать, выжидать" араб *bǵw(u)*, акк *bu'ū*, ассир *ba'ū* тж
- № 31 **buz* "грабить, отнимать, нападать на " араб *bzz(u), bzw(u), 'bz(u)*, др -евр *bzz(o)* тж Семитские соответствия см в [23, № 27]

*-i-(ī)

- № 32 **kil* "быть усталым, слабым" *kl(i)* "быть усталым, вялым, слабым", *n-kl(i)* "воздерживаться от чего л , отступать, быть бессильным перед чем- л ", *wkl(i)* "быть усталым, изможденным" (о выючном животном)"
- № 33 **tim* "скрыть, завесить что-либо" *tmm(i, u)* "завернуть, покрыть", *'tm(i), w'tm(i)* "скрыть, занавесить"
- № 34 **si* "отталкивать, тянуть к себе" *siy(i), h si(i)* гж
- № 35 **zif/zīf* "быстро идти, спешить" *zff(i), zyf(i), w-zf(i)* тж Однако основы, расширенные за счет ларингала дают обусловленный фонетически вокализм *z'f(a), 'zf(a)* "быстро идти, спешить"
- № 36 **dil/dīl* "быть презираемым, маловажным, незначительным" *dll(i), dyl(i)*, тж Семитские соответствия см [23, № 43]
- № 37 **dil* "свешивать, подвешивать" *ɿ-dl(i), h-dl(i)* См также корень *dl(w)* "висеть, подвешивать, раскачиваться (о ведре)" в [23, № 59]
- № 38 **hd/hdl* "быстро идти" *hdy(i), w-hd(i)* тж , однако в арабском отмечена также глагольная основа *hwd* во II п с тем же значением Афразийские соответствия см [23, № 104]
- № 39 **gim* "молчать, безмолствовать" *h-ǵm(i, u), w-ǵm(i)* тж , ср также именную основу 'a 'ǵam- "немой, бессловесный" Вариации гласного в основе *hǵm(i, u)* позволяют предположить и обратную реконструкцию вокализма основы на * *u* (см № 23)
- № 40 **gib* "убегать, отгонять" *n ǵb(i, u), h-ǵb(i), w-ǵb(i)* тж Ср также *ǵbb* (II п) "убегать"
- № 41 **ub* "сидеть, оседать" араб *tb(i)*, химьяр *w tb(i)*, акк *w'sb(i)* Ср также ег (Амарна) *'isb t* "сиденье трон" (Семитские соответствия см [23, № 269]), см также арабско-аккадский вокализм № 154
- № 42 **hiq* "убегать, спасаться" ' *bq(i)* тж , *s-bq(i)* "опережать кого л ", *w-bq(i)* "гибнуть" См семитские соответствия в [23, № 17]
- № 43 **hǵī* "просить, желать" араб *hǵy(i)*, др -евр *b'ū*, угар *hǵy* тж , где у рефлекс **ī* См другие семитские соответствия в [23, № 58]
- № 44 **bid* 'течь, сочиться" *bdd(i), n bd(i)* тж

¹³ Ср также корневой вокализм в гнезде струна тетива лука *tui* струна, шнур архитектора , *watai* тетива струна (с внутриарабским соответствием **C₁uC₂* и *C₁C₂*) *m tri(u) n tr(u)* натягивать струну тетиву лука и *u(i)* наложить тетиву на лук Ср также *tr* (II п) "натянуть тетиву лука где *n < wu*

- № 45. **biz* "оскорблять, презирать": араб. *n-bz(i)*, *'-bz(i)*, др.-евр. *bz(h)(e)* тж. (однако, ср. др.-евр. *bwz*, акк. *buzzū*). Семитские соответствия см. в [23, № 26].
- № 46. **bir* "поносить, бранить": *'-br(i)*, *n-br(i)* тж., однако ср. *h-br(u)* "нападать на..." См. также [23, № 22].
- № 47. **bid/bid* "губить, погибать": *byd(i)*, *'-bd(i, u)* тж. Ср. также именную основу *sibd-* "несчастье". Однако: *bdd(u)* "причинить ущерб, нанести урон", ср. также вариации в *'-bd(i, u)*. Семитские соответствия см. [23, № 10].
- *-a-
- № 48. **taḥ* "расстилать, быть простертым на плоскости": *ṭḥy(a)*, *s-ṭḥ(a)* "расстелить, распластаться", *m-ṭḥ(a)* "хлопнуть кого-л. ладонью руки".
- № 49. **dam* "раскаиваться": *s-dm(a)*, *n-dm(a)* "испытывать сожаление, раскаиваться".
- № 50. **ta'* "ударить": *m-t'(a)*, *h-t'(a)* тж.
- № 51. **bah* "знать, понимать, обращать внимание": *bh-'(a)* "понимать", *'-bh(a)* "помнить, обращать внимание", *n-bh(a)* "помнить, понимать, обращать внимание", *w-bh(a)* "знать, обращать внимание на...".
- № 52. **baṣ* "быть быстрым, ловким": *'-bṣ(a)*, *h-bṣ(a)*, *w-bṣ(a)* тж.
- № 53. **baś* "быть сухим, сохнуть": араб. *ybs(a)*, др.-евр. *ybs'(a)* тж.; ср. также араб. *(i)'bs(a)* "быть сухим, сохнуть" и *'bs(i)* "застыть в морщинах (о лице)".

2. ОБЩЕСЕМИТСКИЙ ВОКАЛИЗМ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Сопоставление арабского и аккадского материала производится на базе сопоставления общесемитского корнеслова, т.е. на базе родственных двух- и трехгласных основ, имеющих установленные фонетические соответствия корневых согласных. При анализе учитывается возможная общая двухгласная основа, расширенная за счет комплементов.

Сопоставление ориентировано на аккадский материал, так как инвентарь корневых основ в аккадском по сравнению с арабским инвентарем представляется более ограниченным.

Сопоставляемый материал расположен по трем корневым гласным **u/ū*, **i/ī*, **a*. Если в аккадском или арабском отмечены варианты гласные основы, они указываются наряду с той гласной, которая является общей для аккадского и арабского.

При выделении двухгласной основы из трехгласной возможно нарушение алфавитного порядка примеров.

В аккадском материале дается традиционное обозначение вокализма основ презенса (полногласной основы) и основы претерита, например, *a/u* или *u/u*. В арабских соответствиях приводится вокализм основы имперфекта как *-V-*, в случаях вариантов последние приводятся через запятую в скобках, после консонантного корня. Если в арабском имеет значение не только вокализм имперфектной основы, но и перфектной, последний приводится в скобках перед консонантным корнем (*u*)*kbr(u)* "быть большим, старшим", т.е. *kabur-a* : *ya-kbur-*.

Реконструкция ряда консонантных прасемитских фонем, естественно, не всегда совпадает с более глубокими афразийскими реконструкциями.

Если значение сравниваемых аккадской и арабской основ идентично, общее значение приводится непосредственно после реконструированной формы.

Если в сравниваемых реальных основах аккадского и арабского имеются расхождения в консонантизме или в значениях, реальные основы приводятся полностью.

*-и-

- № 54. 'kl "есть": акк. -*alu* — араб. -*u-u*.
- № 55. 'hd "брат": акк. -*alu* — араб. -*u*.
- № 56. 'mr : акк.: -*alu* - "смотреть, испытывать; читать" — араб. -*u* - "приказывать".
- № 57. *btq/btk* "разрезать": акк. -*alu* — араб. -*u, i*.
- № 58. *bš: акк. š-bš(*alu*), средне-, позднееав. (*u/u*) — араб. ' -*bš(u)*; также в араб. именные основы *wabaš-*, *hawš-/büš-* "сборище, скопление", но ср. вокализм *h-bš*(i)* "собирать".
- № 59. *bl "мочить": акк. *bll(alu)* "смачивать" — араб. *bll(u)* "мочить", *bwl(u)* "мочиться", ср. внутриарабское соответствие **C₁ūC₂* : *wC₁C₂* в глаголе *w-bl(i)* "проливать обильный дождь". Ср. также производную основу: *s-bl* (IV п.) "проливать, лить" и именную основу ' *abal-* "свежая и влажная трава".
- № 60. *tql "подвешивать, взвешивать; весить": акк. šaqāl- (*alu*) — араб. *tql(u)*.
- № 61. *tll "уводить, уносить": акк. šll(*alu*) — араб. *lll(u)*, *lwl(u)*, *n-ll(u, i)* "опустошать что-л.; очищать (колодец от земли)".
- № 62. *tūb: акк. šāb-(ū) "колебаться, начаться" — араб. *twb(u)* "возвращаться (в исходное состояние)".
- № 63. *gmr: акк. *gmr(alu)* — др.-евр. *gmr(o)* "доводить до конца", — араб. *gmr(u)* "собирать(ся), завершать(ся)". Ср. также производную основу в геэзе ' -*gmr* "завершать".
- № 64. *gn "скрывать, запирать, заточать": акк. *gnn/knn(alu)* — араб. *gnn(u)*, *s-gn(u)* (однако *gnn(i)* "быть скрытым, покрытым").
- № 65. *hbl "совершать насилие, обижать": акк. -*alu* — араб. *hbl(u)* "препятствовать чему-л. и кому-л." (см. также № 156).
- № 66. (?) *hrb "опустошать, грабить": акк. -*u/u*-, позднееавил. -*i/i*- — араб. -*u*-, -*i*-.
- № 67. *hrṭ "очищать, обдирать что-л.": акк. *hrs(alu)* — араб. *hrt(u, i)* (см. также № 157).
- № 68. (?) *hs: акк. *hss(alu)* "намереваться, думать" — араб. *hšš(u)* "злословить о ком-л.", *hws(u)* "обманывать, не сдерживать обещание"; *w-hšš(u)* "быть низким, презренным, незначимым". Ср. также [26, с. 145].
- № 69. *hsb "обрывать, обламывать": акк. -*alu* — др.-евр. *hsb(o)*.
- № 70. *ht: акк. *htt(alu)* "выкапывать, выкорчевывать" — араб. *htt(u)* "проводить полосы, борозды по песку; чертить" (ср. также *htt(u)* "класть").
- № 71. *gl: акк. *hll(alu)* "запирать кого-л., сажать в тюрьму" — араб. *gll(u)* "вводить, помещать внутрь чего-л.; надевать на кого-л. наручники". Семитские соответствия см. [23, № 69]. Ср. также внутриарабское соответствие **C₁uC₂* : *wC₁C₂* в глагольной основе *w-gll(i)* "проникать внутрь, прятаться внутри чего-л."
- № 72. *hls: акк. *hls(alu)* "выжимать" — араб. *hls(u)* "быть чистым, без примеси", II п. — "очищать, освобождать".
- № 73. *hmm: акк. -*alu* - "собирать, объединять" — араб. -*u, i* - "собирать в клетку, загон (о курах)".
- № 74. *hng "давить, душить": акк. -*alu* - араб. -*u* -.
- № 75. *dūl "бегать вокруг, кругами": акк. -ū- — араб. *dwl(u)*.
- № 76. *drū "веять, рассеивать": акк. *zrū*, асс. *zarā'* -(*u/u*) — араб. *drw(u, i)*.
- № 77. *dkr: акк. *zkr/sqr(alu)* "произносить, называть" — араб. *dkr(u)*; др.-евр. *zkr(o)* "напоминать, рассказывать".

- № 78. **zkū* "быть чистым, ясным": акк. *zakū-*, асс. *zakū-(u/u)* (в более ранних памятниках также *-ili-*) — араб. *zkw(u)*; в других семитских также с рефлексом *wū*.
- № 79. **zmr* "петь": акк. *-u/u-*, др.-вавил. *-a/u-* — араб. *zmr(u, i)*.
- № 80. **qūb* "таять, течь": акк. *zāb-*, др.-акк. *ziāb-*, уг., арам. *dūb*, др.-евр. *zūb* — араб. *ḡwb/zwb(u)*, *zbb(u)* "наполнять бурдюк". Ср. также араб. *h-zb(i)*, *w-zb(i)*, *'zb(i)* "течь", где *'zb/wzb*: кроме того, *wzb* — внутри-арабское соответствие основе *zūb* (см. также консонантную реконструкцию общесемитского корня в [23, № 41]).
- № 81. **rbk*: акк. *rbk(a/u)* "изготавливать отвар" — араб. *rbk(u)* "смешивать; готовить суп или другое блюдо".
- № 82. **rgm*: акк. *rgm(a/u, u/u)* "звать, жаловаться" — араб. *rġm(u)* "проклинать, оскорблять".
- № 83. **rd*: акк. *-a/u-* "преследовать, следить за кем-л." — араб. *rdd(u)* "избегать кого-л.; навещать кого-л."
- № 84. **rṣn*: акк. *rṣn(u/u)* "быть мощным, могущественным" — араб. *iṣn(u)* "быть твердым, крепким".
- № 85. **rks* "связывать, привязывать": акк. *-a/u-* — араб. *-u-*.
- № 86. (?) **rmk*: акк. *rmk(u/u)* "купаться" — араб. *rmk(u)* "остановиться у водоема".
- № 87. **ṣb* "гореть; жечь": акк. *-u/u-* араб. *-u-*.
- № 88. **šḥn* "быть горячим, согреваться": акк. *-u/u-* — араб. *šḥn(u)*.
- № 89. **šrt*: акк. *šrt(a/u)* "разрывать", др.-евр. *šrt(o)*, арам. *srṭ* — араб. *šrt(u, i)* "делать надрезы, врезать".
- № 90. **šrp*: акк. *šrp(a/u)* "жечь, палить, обжигать", др.-евр. *šrp(o)* — араб. *srf(u)* "пожирать листья, древесину (насекомые)", ср. также *srb(u, i)* "быть задушенным дымом от горящего тела".
- № 91. **str* "писать": акк. *-a/u-* — араб. *str(u)*.
- № 92. **štp*: акк. *štp(a/u)*, др.-акк. *štp* "сохранить, спасти жизнь" — араб. *štb/štf(u)* "избежать чего-л., отдалиться, уйти".
- № 93. **skn* "располагаться где-л., оседать, жить": акк. *śkn(a/u)*, др.-евр. *škn(o)* — араб. *skn(u)* (см. выше, разд. I, № 1).
- № 94. **slt* "господствовать, распоряжаться": акк. *šlt(a/u)*, ранневавил., новоакк. *-ili-* — араб. *slt(u)* "быть полновластным командующим". Однако ср. также: араб. *(i)slt(a)* и др.-евр. *šlt(a)*.
- № 95. **slp* "вытаскивать меч, обнажить меч": акк. *šlp(a/u)* — араб. *slb(u)*, др.-евр. *šlp(o)* геэз *slb*.
- № 96. **slū* "отбросить что-л.": акк. *šalū-/salū/šelū-(a/u)* — араб. *slw(u)* "потерять из виду что-л.; развеяться, отбросить заботы".
- № 97. (?) **tm*: акк. *šmm(a/u)* "хромать" — араб. *tmm(u)* "топтать ногами, ступать по верху".
- № 98. (?) **šp*: акк. *šbb/špp(u/u)* "развеваться, порхать (вокруг чего-л.)" — араб. *šff(u)* "распростирать крылья, порхать".
- № 99. **šbr*: акк. *šbr(a/u)* "сгибать, свертывать" — араб. *šbr(u, i)*, др.-евр. *šbr(o)* "складывать в кучу (зерно)".
- № 100. **drṭ* "выпускать газы"; акк. *šrt/šrd(u/u; ili)* — араб. *drṭ(u)* (сир. 'arret-тж.).
- № 101. **šrh*: акк. *šrh(u/u)* "освещать" — араб. *šrh(u)* "сделать ясным, очевидным", однако др.-евр. *zrh(a)* "освещать".
- № 102. **šrh* "кричать, звать": акк. *-a/u-* — араб. *-u-*.

- № 103. **tḥh*: акк. *tḥh(a/u)* "колоть, резать (скот, птицу)" — араб. *tḥh(u, a)*, др.-евр. *tḥh(o)* "резать, готовить".
- № 104. **ṭrd*: акк. *-a/u-* "посылать, отправлять; прогонять" — араб. *-u, a-* "отталкивать, отгонять (рукой)".
- № 105. **ṭp* "быть полным, наполнять": акк., среднеакк., раннеавил. *-u/u-* — араб. *ṭff(u, i)* (см. также внутриарабскую реконструкцию № 8).
- № 106. **pr*: акк. *prr(u/i)* "отвязываться, отрываюсь" — араб. *n-fr(u, i)* "убегать, рассеиваться", (но: *frr(i)* "убегать, *s-fr(i)* "рассеивать, отгонять", *'-fr(i)* "перебегать, переходить грань" (см. к № 106 и к нижеследующим номерам №№ 107—111 также афразийскую реконструкцию в [5, № 28; 26, с. 155]).
- № 107. **prc(prs)* "отделять; решать": акк. *-a/u-* — евр. постбибл. *prs(o)*.
- № 108. **prç* "пробивать; протыкать": акк. *prç(a/u)* — араб. *frç(u)*, др.-евр. *prç(o)*.
- № 109. **prt* "обрывать; сдирать": акк. *prt(a/u)* — араб. диал. *fṛt(u, i)* "сбивать орехи, плоды (с дерева)".
- № 110. (?) **prk*: акк. *prk/prḥ(a/u, ili)* "положить поперек" — араб. *frk(u)* положить между двумя пальцами и растереть".
- № 111. **fṛr*: акк. *ṭṛr(a/u)* "отделять" — араб. *fṛr(u)* "раскалывать на-двое". См. также афразийскую реконструкцию в [5, № 139].
- № 112. **qtr*: акк. *qṭr(u/u)* "курить; дымиться" — араб. *qṭr(u, i)* "чадить (о жареном мясе)".
- № 113. **qd*: акк. *qdd(u/u)* "сгибаться, гнуться" — др.-евр. *qdd(o)* "кланяться, преклонять колени", (?) араб. *qdd(u)* "иметь хорошую фигуру" (в пассиве).
- № 114. **qrš* "разрезать": акк. *-a/u-* — араб. *-u, i-*.
- № 115. **qrn*: акк. *qrn(a/u)* "нагромождать, скупивать" — араб. *qrn(u, i)* "соединять, связывать два предмета".
- № 116. **qn*: акк. *qnn(a/u, u/u)* "вить гнездо" (деноминатив) — ср. арабскую именную основу *wuqn-at-* "гнездо" (также *'ukn-at-*), но в др.-евр. *qen*; в акк. *qinn-* "гнездо"¹⁴.
- № 117. **kt* "колебаться, дрожать": акк. *ktt(u/u)* — араб. *ktt(u)*, др.-евр. *ktt(o)*.
- № 118. **ktm* "покрывать, скрывать": акк. *-a/u-* — араб. *-u-*.
- № 119. (?) **krb*: акк. *krb(a/u)* "молиться, посвящать, благословлять" — араб. йем. *krb(u)* "обрабатывать землю для посева" (саб. *krb* "посвящать").
- № 120. **qrç* "отщипывать, щипать": акк. *grç/krç/hrç(a/u, ili)*, где *-a/u-* редко — араб. *qrç(u)* (геэз *qarç-*).
- № 121. **kc* "жевать, грызть; крошить зубами": акк. *kss/kṣṣ(a/u)* — араб. *kss(u)*, др.-евр. *kss(o)* "дробить, мельчить".
- № 122. **qṣṣ* "обтачивать; счищать, срезать": акк. *kṣṣ/gṣṣ(a/u)* — араб. *qṣṣ(u)*.
- № 123. **kṭr* "связывать, присоединять": акк. *kṣr(a/u)* — араб. *kzr(u)*.
- № 124. **kṛ* "сгибать, наклонять": акк. *kpp(a/u)* и араб. *kbb(u)* (в др.-евр. *kff*).
- № 125. **kn*: акк. *knn(a/u)* "скручиваться" — араб. *knn(u)* "завертывать, прятать". Ср. также № 64 **gn* "скрывать, запирать" и [23, № 119].
- № 126. **lqt* "собирать": акк. *lqt(a/u)* — араб. *lqt(u, a)* (угар. *lqt*, др.-евр. *lqt*).
- № 127. **mḥh*: акк. *mḥh(a/u)* "поднимать, снимать с" — араб. *mḥh(u, a)* "срывать что-л. с места", др.-евр. *mḥh(a)* "распускать, распрягать".
- № 128. **md*: акк. *mdd(a/u)* "(из)мерять" — др.-евр. *mdd(o)*, араб. *mdd(u)* "растягивать".
- № 129. **mṣl*: акк. *mṣl(u/u)*, раннеавил. также *-a/a-*, среднеавил. *-ili* "выравни-

¹⁴ В арабском омофонные корневые основы: *qinn-* "рукав рубахи", *qinn-at-* "горная вершина, отдельный холм, гора с темной вершиной"; *qinn-* "домашний раб".

- вать, быть похожим” — араб. *mtl(u)* ”быть похожим, сравнивать”, др.-евр. *mšl(o)*.
- № 130. **mrʔ*: акк. *mrʔ(a/u)* ”соскабливать, соскребать” — араб. *mrʔ(u)* ”выдергивать волоски, шерсть” (др.-евр. *mrʔ* тж.).
- № 131. **mz* ”выжимать; сосать”: акк. *mzʾ*, др.-акк. *-ili-*. раннеавил. *-a/u-* — араб. *mzz(u)*.
- № 132. **mš* ”вытирать”: акк. *mšš(a/u)* — араб. *mšš(u)*.
- № 133. ?**mk*: акк. *mkk(a/u)* ”расширять” — араб. *mkk(u)* ”уменьшать, сокращать”.
- № 134. **mlš*: акк. *mls/mlš(a/u, ili)* ”выкрикивать, провозглашать” — араб. *mls(u)* ”льстить, произносить сладкие речи”.
- № 135. **nbt*: акк. *nbt(u/u)* ”вспыхивать, сиять, светить” — араб. *nbt(u, i)* ”иметь светлое пятно на боку (о животном)”.
- № 136. **nʔk*: акк. *nšk(a/u)* ”жалить, колоть” — араб. *nkt* (метатеза) (*u, i*) ”уколаться” (в других семитских: угар. *nʔk*, др.-евр. *nšk*, геэз *nsk*), др.-евр. *nšk(o)*; ср. также *šwk* ”колочка”.
- № 137. **ngr*: акк. *ngr/nkr(a/u)* ”объявлять; передавать (известие)” — араб. *nʔr(u, i)* ”предлагать свои услуги, напрашиваться на что-л.” (геэз *ngr* ”говорить”).
- № 138. **nhr* ”дышать, храпеть”: акк. *-u/u-* — араб. *-u, i-*.
- № 139. **nhl* ”просеивать (зерно)”: акк. *-a/u-* — араб. *-u-*.
- № 140. (?) *rb*: акк. *nrb(a/u)* ”размачивать, размочить” — араб. *rbb(u)* ”душить что-л. ароматной жидкостью”.
- № 141. **nzr*: акк. *nzr(a/u)* ”ругать, поносить; проклинать” — араб. *nzr(u)* ”приставать к кому-л. с просьбами; обращаться с кем-л. презрительно, свысока”.
- № 142. **ncq*: акк. *nsq(a/u)* ”выбирать, выискивать” — араб. *nsq(u)* ”раскладывать в порядке, один предмет к другому (о жемчуге на нитке)”.
- № 143. **nqb*: акк. *nšb(a/u, u/u)* ”всасывать, впитывать” — араб. *nqb(u)* ”впитываться (о воде—почвой)”.
- № 144. **nʔr* ”стеречь, караулить, следить за”: акк. *nšr(a/u)* — араб. *nzr(a, u)*, др.-евр. *nšr(o)*.
- № 145. **nd* ”соскребать, вырывать, выщипывать”: акк. *nešū* — араб. *nḏw(u)*, то же *nḏy(i)*.
- № 146. **npḏ* ”толкать, трясти”: акк. *npš(a/u)* — араб. *nfḏ(u)*.
- № 147. **qb* ”просверлить, прорыть, сделать отверстие”: акк. *nqb(a/u)* — араб. *qwb(u)*, *n-qb(u)*, ср. также внутриарабское соответствие **C₁u/ūC₂*: *wC₁C₂* в глаголе *w-qb(i)* ”ввести в дыру” и в именной основе *waqb-* ”отверстие в земле”; др.-евр. *nqb(o)*. См. семитские соответствия в [23, № 178].
- № 148. **nqr* ”надирать; выскребать”: акк. *-a/u-* — араб. *-u-* (др.-евр. *nqr* ”выколоть глаз”, геэз *nqr* ”одноглазый”).
- № 149. **nūh*: акк. *niāh-, i-nūh-u* ”отдыхать” — араб. *nwh* ”преклонить колени для отдыха на остановке (о верблюде)”; ср. также в араб. *nawh-at-* ”остановка где-л.”
- № 149-а. **mūt*: акк. *-mūt-* — араб. *-mūt-* др.-евр. *-mūt* ”умирать”.

*-i-

- № 150. **bt* ”бить, ударять”: акк. *š-bt/š-bʔ(-ili-)* — араб. *h-bʔ(i, u)*, *s-bʔ(i)* ”ударять”.
- № 151. **bkī* ”плакать”: акк. *bkī* — араб. *-ī* (ср. также в араб. *s-bk(i)* ”лить расплавленный металл в форму”).

- № 152. **bnī* "строить": акк. \bar{b} - — араб. \bar{b} -.
- № 153. **bū* "ночевать" акк. \bar{b} - — араб. \bar{b} -, ср. также в араб.: *w-bt(i)* "расположиться где-либо".
- № 154. **tīb* "сидеть, оседать": акк. (*w*)*ašāb-*/*(w)**ašāb-*, асс. *ušāb-* (*a-šīb*, *u-šīb*, *a-šāb*) — араб. *tīb(i)*, *w-tīb(i)* "сидеть, садиться") Ср. ег. (Амарна) *īsb · t* "сиденье. трон" (см. также внутриарабский вокализм в № 41).
- № 155. **tīn* "мочиться; дурно пахнуть": акк. *šān-(i)* — араб. *tn-t(i)* "дурно пахнуть"; *m-tn(i, u)* "ранить кого-л. в мочевого пузыря" (*ma-tan-at* "мочевого пузыря"). Ср. также рефлексы в глаголах других семитских языков: др.-евр. *šīn*, геэз *šēn-*, но в сир. *tūn*.
- № 156. **hbl* "совершать насилие; обижать": акк. \bar{h} -/i- — араб. *hbl(i)* "расстроить кого-л., свести с ума" (см. также № 65).
- № 157. **hrt* "объедать, обгрызать, обдирать (листья)": акк. \bar{h} -/i- — араб. \bar{h} -/i- (см. также № 67).
- № 158. **hšr* "обрывать листья, снимать кожуру": акк. *hšr(i/i)* араб. *hšr(i)*.
- № 159. **hīb* "доить" (отыменный): акк. \bar{h} -/i- — араб. \bar{h} -, *i*-, *u*-.
- № 160. ?**hlq/hlk*: акк. *hlq(i/i)* "исчезать, погибать" — араб. *hlk(i)* "погибать, умирать" (в др. евр. основы имперфекта: *ya-halok/ye-lek* "уходить").
- № 161. **hms*: акк. *hms(i/i)* "отламывать" — араб. *hms(i, u)* "ломать, калечить".
- № 162. *dīn* "судить": акк. \bar{d} - — араб. \bar{d} -.
- № 163. **rbd* "располагаться, ложиться": акк. *rbs(i/i)* — араб. *rbd(i)*.
- № 164. **rb* "быть большим, многочисленным; увеличиваться": акк. *rabū-/rabā* (*i/i*) — араб. *rb/rbw(i)*.
- № 165. **ršp*: акк. *ršp(i/i)* "складывать, нагромождать" — араб. *ršf(i)* "укладывать в ряд камни", но др.-евр. *ršp(o)*. Ср. также в арабском корневой вариант с идентичным вокализмом: *rđf(i)* "складывать подушки поудобнее" (йемен).
- № 166. **rps*: акк. *rps(i/i)* "бить, молотить," — араб. *rfs(i, u)* "топтать, бить".
- № 167. **rq* "быть тонким, небольшим": акк. \bar{r} -/i- — араб. *raq(i)*.
- № 168. **rb*: акк. *riāb-/rāb-* "возмещать, вознаграждать" — араб. *rby(i)* "ростовщичествовать".
- № 169. (?) **rīh*: акк. *riah-/rāh-* "оставаться вне чего-л." — араб. *ryh(i)* "быть вялым, усталым".
- № 170. **rīq* "быть пустым, напрасным": акк. *riāq-/rāq-*, позднеавил. *rīq*, асс. *rāq* — араб. *ryq(i)*, *rayq-* "пустой, напрасный", др.-евр. *rēq/rīq* "пустой, порожний".
- № 171. **sqī* "поить, орошать": акк. *šaqū-*, др.-акк., асс. *šaqā'-(i/i)*, уг. *šqu*, саб. *sqy* — араб. *sqy(i)*.
- № 172. **skr* "преграждать, перекрывать что-л.": акк. *skr(i/i)* — араб. *skr(i)* "запрудить, перекрыть течение воды".
- № 173. **šlm*: акк. *šlm(i/i)* "быть, стать темным, черным" — араб. *šlm(i)* "быть несправедливым; быть темным".
- № 174. **dmd* "привязывать, запрягать": акк. *šmd(i/i)* — араб. *dmd(i, u)* (в других семитских: др.-евр. *šmd*, саб, геэз *dmd*).
- № 175. **šīb* "быть, стать старым, седым": акк. *šīāb-/šāb-* — др.-евр. *šyb*, араб. *sub*, геэз *šēb-* — араб. *šyb(i)* "поседеть, состариться"¹⁵.

¹⁵ В арабском также следует отметить основу *šbb(i)* со значением "вырасти, стать юношей". Однако эта основа имеет также в производных формах значение "быть преклонного возраста", ср., например: *tu-šibb-* "старый (бык); старик, старец".

- № 176. *šīm: акк. *šīām-/šām-*, др.-акк. *šīām-* "установить, определить", др.-евр. *šym > *ya-šīm*; — араб. *šum(i)* "положить в; поставить на продажу".
- № 177. (?) *šrm: акк. *-ili-* "трудиться, хлопотать, вступаться за кого-л." — араб. *šrm(i)* "проводить какое-то время у кого-л."
- № 178. *špr: акк. *špr(i/i)* "напирать, наваливаться" — араб. *šfr(i)* "сделать резкий прыжок, скачок (о лошади)".
- № 179. *šīb "быть хорошим, добрым": акк. *šīāb-/šāb-* — араб. *šyb(i)*, однако др.-евр., саб. *šwb* (но имперфект др.-евр. *yī-tāḥ*).
- № 180. *štl "сворачивать, скручивать": акк. *štl(i/i)* — араб. *štl(i)*, (см. также афразийскую реконструкцию в [5, № 138]).
- № 181. *šṣd/šṣd: акк. *šṣd(i/i)* "врезать(ся), надрезать" — араб. *šṣd(i)* "вскрыть вену".
- № 182. (?) *šfqd: акк. *šqd(i/i)* "передавать, доверять, поручать" — араб. *šqd(i)* "искать утраченное", но, в др.-евр. *šqd(o)* "смотреть вслед; заботиться".
- № 183. *šflq: акк. *šlq*, средне- и позднеавил., др.-акк. *šlk (i/i)*, позднее — также (*alu*) "резать" — араб. *šlq(i)* "разрезать на двое".
- № 184. *šqr "погребать": акк. *-ili-* — араб. *-i, u-*, др.-евр. *šqr (o)*.
- № 185. *šql "быть легким, небольшим: акк. *šql(i/i)* — араб. *šql(i)*, но др.-евр. *šql(a)*.
- № 186. *šks: акк. *šks/kbs/šks/kbs(i/i)* "стягиваться", "изгибать" — араб. *šks/šks(i)* "связывать, спутывать ноги (животного)", ср. также араб. (*i*)*šks(a)* "быть кривоногим, косолапым".
- № 187. *šms "собирать": акк. *šms*, среднеакк. *šms(i/i)* — араб. *šms(i, u)* "собирать крошки, отбросы".
- № 188. *šmš "отнимать, выхватывать": акк. *šmš(alu)*, но раннеавил. *-ili-* — араб. *šmš(i, a)*.
- № 189. *šmks "взимать налог": акк. *šmks(i/i)*, др.-авил. *-ulu-* — араб. *šmks(i)* (< акк.).
- № 190. *šmlk: акк. *šmlk(i/i)* "помогать, советовать" — араб. *šmlk(i)* "владеть; править" (др.-евр. *šmlk(o)*).
- № 191. *šnzq: акк. *šnzq(i/i)* "сердиться; скорбеть, горевать" — араб. *šnzq(i)* "рассердиться и быстро успокоиться".
- № 192. (?) *šntp "вырывать": акк. *šntp/šntp(i/i)* — араб. *šntf(i)*.
- № 193. *šnks "отрезать, срубить, вырвать с корнем": акк. *šnks(i/i)* — араб. *šnks(i, u)* (арам. постбибл. *nks* "рубить").
- № 194. *šnkl "быть искусным, ловким": акк. *-ili-* — араб. *-i, u-* (также *-a-* при основе перфекта *-i-*).
- № 195. *šnk*: акк. *-ī- (-šnk-)* — араб. *-ī-*; самудско-сафские тексты *-nyk* "спать с кем-л., совокупляться" (ср. также в ег. *nyk*; копт. ΝΟϸΙΚ в том же значении).
- № 196. *(w)tr "быть лишним, изолированным": акк. *-ali-* — араб. *-i-*.
- № 197. *(w)rd "спускаться (к водопою)": акк. *-ali-*, араб. *-i-*; др.-евр. *šrd(e)*.
- № 198. *(w)rq "быть зеленым": акк. *-i-* — араб. *-i-*.
- № 199. *šwsm: акк. *šwām-/šwām- (i/i)* "быть, стать подходящим, уместным" — араб. *šwsm(i)* "быть лучше другого".
- № 200. *(w)ld "(по)родить": акк. (*w*)*alād-/lulād-(a/i)* — араб. *wld(i)*, др.-евр. *yld (te-led < *taylid)*, в других семитских: уг. *yld*, саб. *wld*, геэз *wld*.
- № 201. *(w)n' "угнетать, притеснять" — араб. *wnn/wny(i)* "быть слабым, утомленным", др.-евр., араб. *ulu* "быть подавленным".

- № 202. **bat*: акк. *tabāl-* (< *wabāl-*) "отбирать, отнимать, уносить" -*a/a* — араб. *h-bl(a)* "потерять сына (о матери)".
- № 203. **rkb* "ехать, ехать верхом": акк. -*a/a* — араб. (*a*); др.-евр. *yi-rkab*.
- № 204. **s'l* "спрашивать": акк. *sāl-/š'a'āl-*, др.-авил. *i-šāl, i-ša'al* — араб. *s'l(a)*.
- № 205. **sm^f* "слышать, слушать": акк. *šemū-/šāmū-(e, e)*, др.-акк. *šamā'-*, раннедр.-акк. *i-šma^f* — араб. *sm^f(a)*, др.-евр. *šm^f(a)*.
- № 206. **dbt*: акк. *šbt(a/a)* "хватать, схватить, взять", др.-евр. *šbt(a)* — араб. *dbt(a)* "делать что-л. обеими руками", ср. однако: араб. *ḍbt(i)* "крепко держать что-л., схватив рукой".
- № 207. (?) **psḥ*: акк. *pšḥ (a/a, иногда ili)* "охлаждаться, остывать; успокаиваться" — араб. *fsḥ(a)* "расстроить, расторгнуть что-л."
- № 208. (?) **flḥ*: акк. *plḥ(a/a)* "бояться кого-л., почитать, уважать" — араб. (йем.) *flḥ(a)* "пребывать в благополучии, спасении", араб. "обрабатывать землю". См. также афразийскую реконструкцию на **fəl* [5, № 145] и на **pł* [5, № 35].
- № 209. **lbs* "одеваться, облачаться": акк. *lbš(a/a)*, раннеавил. (*ili*) — араб. *lbs (a, i)*, др.-евр. *lbš(a)*.
- № 210. **lmd* "учить(ся), узнавать": акк. *lmd(a/a)* — др.-евр. *lmd(a)*.
- № 211. **mḥḍ* "бить, трясти": акк. *mḥṣ/mḥḍ(a/a)* — араб. *mḥḍ(a, u, i)*, др.-евр. *mḥṣ(a)*.
- № 212. **mrd* "болеть": акк. *mrs/d(a/a)* — араб. *mrd(a)*.
- № 213. **n'š* "пренебрегать": акк. *nāš-/na'āš-(a/a)* — др.-евр. *n'š(a)*.

3. ПРИМЕРЫ РАСХОЖДЕНИЙ И ВАРИАНТОВ ВНУТРИАРАБСКОГО КОРНЕВОГО ВОКАЛИЗМА

- № 214. **t'* "идти, приходиться": '*tw(u), 'ty(i); t'y(a)* "обойти, обогнать"; *w-t'(a)* "иметь тяжелую и медленную поступь"; *n-t'(a)* "неожиданно придти, появиться"; *m-tw(u)* "идти быстрым шагом". Ср. также реконструкцию **tə' > t'ṯ/t'j* "бежать, идти" в [6, № 31].
- № 215. **gm* "наливать, наполнять": *ḡmm(u, i)* "наполнять(ся)", *ḡm(y(i))* "собирать воду"; *s-ḡm(u)* "течь", *s-ḡm(i, u)* "лить"; *n-ḡm(u)* "бить (о ключе)". В др.-евр. *gm'/gm^f* "хлебать, тянуть воду"; *gmm* "быть переполненным".
- № 216. **zm* "связывать, сжимать": *zmm(u)* "вязать, связывать", ср. внутриарабский рефлекс **C₁uC₂*: *wC₁C₂* в именной основе *wazm-* "пучок, связка овощей"; '*zm(i)* "привязываться", (*i*)'*zm(a)* "привязываться, связываться"; *h-zm(i)* "сжимать что-л. мягкое"; *ḥ-zm(i)* "вязать, связывать".
- № 217. **sm* "быть свойственным, характерным чему-л.": *smt(u)*; также *swm* (II п.) "клеить (лошадь) клеймом (*sīm-at-*)"; с внутриарабским рефлексом **C₁uC₂*: *wC₁C₂* в глагольной основе *wsm(i)* "клеить (лошадь)".
- № 218. **ql* "нести, поднимать": *qll(i); w-ql(i), n-ql(u) ṣ-ql(u)* (корневой вариант *lql(i)?*).
- № 219. **qw* "хранить, защищать": *qiww-* "сила, мощь"; *m-qw(u), m-qu(u)* "защищать"; *qw(u)* "быть сильным"; *w-qu(i), t-qu(i)* "хранить, защищать".

4. ПРИМЕРЫ РАСХОЖДЕНИЯ АККАДСКО-АРАБСКОГО ВОКАЛИЗМА

- № 220. акк. *gml(i/i)*, др.-акк. также -*a/u* "вознаграждать, оплачивать" — араб. *gml(u)* "вести себя хорошо; быть подходящим".

- № 221. акк. *ḥsn(i/i)* "брать в руки" — араб. *ḥḍn(u)* "брать, нести в руках".
- № 222. акк. *ḥkm(i/i)* (<аморейск.?) "понимать, постигать" — араб. *(u)ḥkm(u)* "быть ученым, знающим", *ḥkm(u)* "судить".
- № 223. акк. *ḥš(a/u)* "скоблить, выскабливать" — араб. *ḥls(i)* "снимать, вырывать".
- № 224. акк. *ḥmṭ(a/u)* "гореть; жечь" — араб. *ḥmṭ(i)* "жарить, жечь, палить", но: -u- "пахнуть жженым, жареным".
- № 225. Именной корень: акк. *dūr-* "стена; укрепленное поселение" — араб. *dār-* (мн.ч. 'adwār-, dūr-, diyār-, dūr-ān-, 'ādūr-' adwūr-).
- № 226. акк. *rtt(u/u)* "дрожать, трястись" — араб. *rtt(a)* "заикаться".
- № 227. акк. *ršd(i/i)* "поджидать, караулить, наблюдать" — араб. *ršd(u)* "наблюдать; караулить".
- № 228. акк. *šḥ(u/u)* "вытягиваться вдоль, протягиваться" — араб. *sḥ(a)* "ложиться плашмя".
- № 229. акк. *šdd(a/u)* "тащить" — араб. *šdd(i)* "сжимать, связывать", -u- "бежать, нападать; др.-евр. *šdd(o)* "грабить, опустошать".
- № 230. акк. *špr(a/u)* "посылать; писать"; араб. *sfr(i)* "отправлять; писать", др.-евр. *sfr(o)* "считать".
- № 231. акк. *špk(a/u)* "насыпать" — араб. *sfk(i)* "наливать; (на)сыпать".
- № 232. акк. *šqt(i/i)* "сбить с ног; уронить" — араб. *sqt(a)* "упасть".
- № 233. акк. *špl(i/i)* "быть, стать низким" — араб. *sfl(u), (u)sfl(u)* "быть, стать низким, низко, внизу"; *(i)sfl(a)* "занимать низкое место, положение" — однако акк. *npl(a/u)*; др.-евр. *npl(o)* "падать".
- № 234. акк. *škr(i/i)* "быть, стать пьяным" — араб. *(i)skr(a)*; но: *skr(u, i)* "наполнять (сосуд)".
- № 235. акк. *šmḥ(u)* "быть видным; расти" — араб. *smḥ(a)* "давать побеги, ростки (растения)", *šmḥ(a)* "возвышаться (гора, здание)"; (?) др.-евр. *šmḥ(a)* "радоваться".
- № 236. акк. *šb' /šbū(a/u)* "выступить в военный поход" — араб. *šb'(a)* "служить проводником военного отряда против врагов".
- № 237. акк. *šāḥ/šāḥ(ā/i)* "смеяться" — араб. *(i)dḥk(a)* др.-евр. *šḥq(a)* "смеяться".
- № 238. акк. *šḥ(a/u)* "выжимать" — др.-евр. *šḥ(a)* "выжимать (виноград)", араб. *šḥ(a)* "искоренять"; извлекать жир".
- № 239. акк. *šḥr(i/i)* "быть малым, молодым" — др.-евр. *š^rr(a)*, араб. *(i)šḡr(a)*.
- № 240. акк. *šrp(a/u)* "жечь, гореть; очищать" — др.-евр. *šrp(o)*; араб. *šrf(i)* "сохранить напиток без примеси", ср. также *šarīf-* "чистое серебро".
- № 241. акк. *šād(a/u)* "охотиться" — араб. *šyd(i, a)*; ср. также др.-евр. *šayid* "охота".
- № 242. акк. *pḥ(a/u)* "пронзить; просверлить" — араб. *fḥ(a)* "открыть; пробить (канал)"; др.-евр. *pḥ(a)* "открыть".
- № 243. акк. *pr' /prḥ(a/u)* "прорезать, отрезать" — араб. *fry(i)*.
- № 244. акк. *pšm(a/u)* "раскалывать" — араб. *fšm(i)* "разрывать".
- № 245. акк. *qtp(a/u)* "срывать" — др.-евр. *qtp(o)*; — араб. *qtf(i)* "срывать виноград".
- № 246. акк. *qlp(a/u)* "облуплять (кору), очищать (плоды)" — араб. *qlf/qrf(i)* тж.
- № 247. акк. *kbt/kbd(i/i)* "быть тяжелым" — др.-евр. *kaḥed(a)*; араб. *(i)kbd(a)* "быть большим".
- № 248. акк. *kbr(i/i)* "быть большим" — араб. *(u)kbr(u)* тж., *(i)kbr(a)* "быть в возрасте", *kbr(u)* "быть, стать старше".
- № 249. акк. *ksp(a/u)* "ломать на куски" — араб. *kspf(i)* "разорвать (ткань)".

- № 250. (?) акк. *kšb(a/u)* "уменьшать" — др.-евр. *qšb(a)* "отрезать; араб. *qđb(i)* "обрезать".
- № 251. акк. *lšk(i/i)* "стать мягким, нежным" — араб. *lḥq(u)* "смягчать, размягчать".
- № 252. акк. *mtq(i/i)* "быть, стать сладким" — др.-евр. *mtq(a)*.
- № 253. акк. *mš'(a/u)*, раннеавил. (*i/i*) отнимать, похищать" — араб. *mš'(a, i)* "выхватить из рук".
- № 254. акк. *mšḥ(a/u)* "мерять, измерять" — араб. *mšḥ(a)* "измерять площадь земли, поля".
- № 255. акк. *nb'(u/u)* "подниматься, восходить" — араб. *nb'(a)* "быть высоким, приподнятым".
- № 256. акк. *nḥy(u/u)* "лаять" — араб. *nḥy(a, i)* тж. (ср. *bḥḥ(a)* "охрипнуть").
- № 257. акк. *nḥl(i/i)* "переводить собственность на чье-л. имя" — др.-евр. *nḥl(a)* "передать во владение", араб. *nḥl(a)* "сделать подарок, вручить приданное".
- № 258. акк. *nadū-(i/i)*, др.-акк., асс. *nadū'* "бросить; положить" — араб. *nd'(a)* "бросить что-либо на землю; положить", ср. также *wdy(i)* "бросить" (все < *d'/y).
- № 259. акк. *nšḥ(a/u)* "вырывать, срывать (растение)" — др.-евр. *nšḥ(a)* араб. *nšḥ(a)*.
- № 260. акк. *nšp(a/u)* "сдувать, продувать" — араб. *nsf(i)* "веять (зерно); сдувать (пыль)".
- № 261. акк. *nšq(i/i)* "целовать" — др.-евр. *nšq(a)*; араб. (*i*)*nšq(a)* "вдыхать запах, нюхать".
- № 262. а. к. *nph(a/u)* "дуть" — араб. *nfh(a)*, *nḥy(a)* "дуть ртом"; *nḥy(u)* "надувать"; др.-евр. *nph(a)*.
- № 263. акк. *npl(a/u)* "выплатить компенсацию" — араб. *nfl(i)* "предоставить в дар, отказаться от своей части (добычи) в чью-л. пользу".
- № 264. акк. *nkr(i/i)* "быть чуждым, враждебным" — араб. (*i*)*nkr(a)* "не знать, не признавать".
- № 265. акк. *nkp(i/i)* "толкать" — араб. *nkf(u)*, (*i*)*nkf(a)* "оттолкнуть".

5. ПРИМЕРЫ ВНУТРИАРАБСКОГО РЕФЛЕКСА *C₁u-C₂: w-C₁C₂

- № 266. *ḥtt(u)* "чертить, проводить линию, полосу на песке, оставлять след" — *waḥt-* "след".
- № 267. *zmm(u)* "вязать, связывать" — *wazm-wazīm-at-* "пучок, связка овощей".
- № 268. *smm(u)* "быть свойственным чему-л., быть особым, характерным чему-л.", *swm(u)* "клеймить (лошадь) клеймом (*sīm-at-*) — *w-sm(i)* "клеймить (лошадь)".
- № 269. *šzz(u)* "продеть в ручки мешка деревяшку *šizzāz-* — *w-šz(i)* — вставить деревянный клин в отверстие между железом топора и обухом", *wašz-at-* "деревяшка, которой что-л. чинят". Ср. также: *šaziyu-at-* "щепка" > *šzy(a)* "быть расщепленным" > *ma-šzaⁿ* "щепка" > *mšz(a)* "быть пораненным занозой, щепкой" < *mašz-/mišz-at-* "щепка, заноза".
- № 270. *šll(u)* "течь, лить, проливать" — *w-šl(i)* "течь, сочиться: *wašal-* "струйка воды, капающей со скалы" (ср. *šallāl-* "водопад"), ср. также *h-šl* (II п.) "выпустить немного молока (о верблюдице)".
- № 271. **ql* "поднимать, нести": *n-ql(u)*, *š-ql(u)*, *ṭql(u)* — *w-ql(i)* "подниматься в гору; поднимать одну из ног в воздух".
- № 272. **lm* "собирать, объединять, соединять": *lmm(u)* "соединять, объединять,

собирать”, *lām-* ”родство”, *līm-* ”сходство”, *lum-at-* ”небольшая группа людей” — *walm-lwalam-* ”пояс, ремень, подпруга для привязки седла к животному” (ср. также *l'm(a)* ”связывать” и др.-евр. *'-l'm* ”вязать в снопы”).

№ 273. **hm* ”заботить, думать”: *hmm(u)* ”заботить кого-л., думать” — *whm(a)* ”задумывать что-л., дурное, подозревать”.

№ 274. **ḍw'* ”свет” — *wd'(u)* ”быть светлым, чистым”.

6. КОРНЕВОЙ ВОКАЛИЗМ НА ВНУТРИАРАБСКОМ МАТЕРИАЛЕ

В целом в №№ 1—53 вокализм однокорневых основ представляется единым. Отмеченные отклонения могут быть интерпретированы как обусловленные определенной позицией:

1. **u > i* при $C_1 = w$: в № 4, 6, 8, 11, 22, 26 (с колебанием *u/i*), № 28.

2. **u > i* при $C_1 = h$: № 8, 19, 28, № 22 и № 27 — с колебанием *u/i*.

3. (?) **u > i* при $C_3 = m$: № 25.

Такая позиционно обусловленная основа на *-i-* при реконструкции корневого **i* может быть не только корневым соответствием, но случайным совпадением в № 34, № 35, № 39 (при *h-* и *w-*), № 40.

4. **u > a* при условии, что $C_3 = ʕ$: № 22, при условии, что $C_1 = ʕ$ или $C_2 = ʕ$: № 35.

Указанные наблюдения подтверждаются также рядом специальных примеров расхождения и вариации внутриарабского корневого вокализма № 214—219.

5. **a* может быть не корневым, но обусловленным корневыми ларингальными или фарингальными (*ḥʕ*) в № 48, № 50, и № 51.

Однако № 49, № 52 и № 53 дают **a* несмотря на отсутствие **ḥʕ* в согласных. Но следует обратить внимание на однокорневой (*i*)⁶*bs(a)* ”быть сухим, сохнуть”.

Учитывая вышеуказанные особенности распределения вокализма в родственных арабских корнях, можно сделать следующее заключение: а) корневой вокализм нарушается по структурно-морфологическим причинам в основах, расширенных за счет комплемента *h-* или *w-* в позиции C_1 - и обусловлен этими комплементами; б) корневой вокализм нарушается по фонетическим причинам, если в корневой основе имеется согласный из ряда *ḥʕ*.

”Сращен” ли корневой **a* с корневым ларингальным или фарингальным, т.е. является ли исконно корневым сочетание *aḥʕ* или *ḥʕa* или же **a* не был исконным корневым и является следствием воздействия соседнего **ḥʕ* на исконный корневой гласный другого качества, может показать только сравнительный материал других семитских и афразийских языков¹⁶.

7. ВНУТРИАРАБСКИЙ РЕФЛЕКС *w/-u-*

В первых разделах и в специальном приложении приведены примеры явления, которое мы предварительно и условно называем ”рефлексом корневого *-u-* в двухсогласном корне”.

Проверка материала, имеющегося в арабских словарях, показывает, что соответствие $*C_1uC_2(C_2) : w-C_1C_2$ не является тотальным и регулярным: не все корни *rg̣mae w-* имеют соответствующие геминированные или ”пустые” корни,

¹⁶ Явление корневого **a* в указанных условиях отмечено также и в сравнительном анализе арабско-чадского материала [13, с. 77—79, 84], однако и при глубокой реконструкции вопрос остается тем же.

и наоборот, не все геминированные и "пустые" корни имеют соответствующие им корни $\text{r}1\text{mae } w$.

Вместе с тем выделенная группа соответствий не представляется нам группой случайных соответствий.

Вся известная нам группа корней $\text{r}1\text{mae } w$ в арабском может иметь разные истоки своего происхождения: во-первых, не все корни $\text{r}1\text{mae } w$ являются вторичными (или производными) от двухсогласных. В ряде случаев $\text{r}1\text{mae } w$ может быть исконной корневой в консонантной функции. Об этом могут свидетельствовать в первую очередь двухсогласные глаголы $\text{r}1\text{mae } w$, такие, как: $wdd(a)$ "любить; хотеть"; $w\check{g}\check{g}'/g\check{g}(u)$ "гореть, пылать"; $wzz(u)$ "подстрекать" (ср. также именную основу $wazz$ - "гуси"); $wnn(i)$ "жужжать, гудеть"; $w\check{s}\check{s}$ (II п.) "сквернословить"; $wsy'/sy(i)$, $'sw(u)$ "утешать".

Одним из подтверждений того, что двухсогласные корни $\text{r}1\text{mae } w$ не входят в ряд wC_1C_2 является вокализм их имперфектных основ (за исключением звукоподражательного wnn -): $-a$, $-u$, что не характерно для основ wC_1C_2 , имеющих обусловленный вокализм $-i$ имперфектной основы.

Другая часть основ $\text{r}1\text{mae } w$ представляет фонетические варианты основ $\text{r}1\text{mae } '$, примеры чему имеются в предыдущих разделах. Первичность $'$ или w в этих основах с некоторыми оговорками может быть связана с основой $\text{r}1\text{mae } w$ при условии единого вокализма имперфектной основы $-i$. Именно этот вокализм представляется обусловленным в основах wC_1C_2 и может сохраняться в их фонетических вариантах (или соответствиях) $'-C_1C_2$, тогда как исконные основы $\text{r}1\text{mae } '$ могут иметь и другие типы вокализма.

Таким образом, группа трехсогласных корней с w -рефлексом исторически имеет свое, отличное от других корней, где $C_1 = w$, происхождение и, соответственно, не корневой, но позиционно обусловленный вокализм на $-i$.

8. ДОЛГИЕ КОРНЕВЫЕ ГЛАСНЫЕ

Имеют ли эти гласные исторически различное происхождение: $*\bar{u}(<uw)$; $*\bar{i}(<iy)$; $*\bar{a} < ?$ или: $\bar{u} < *u$; $\bar{i} < *i$; $\bar{a} < *a$?

Если исходить из симметрии морфонологических процессов выработки трехсогласной основы, то рефлексы исконных долгих гласных должны быть представлены следующим образом:

$$-w- < *u; -y- < *i; -'-, -' (*H) < *a.$$

В морфонологических условиях, не требующих трехсогласной модели, происходит обратный процесс восстановления долгого гласного по схеме К. Петрачека [28], выдвинутой для афразийской системы.

Если исходить из схемы Н.В. Юшманова, выработанной на арабском материале, \bar{a} является результатом морфонологической позиции w/y : aya , ayi , ayu , awa , awi , awu [19, с. 65]. Ср., однако, тот факт, что в геэзе отмечены две основы с долгим гласным: $C_1\bar{u}C_2$ и $C_1\bar{i}C_2$, однако наличие основ $*C_1\bar{a}C_2$ не отмечено [29], так как сочетания aya/awa в геэзе сохраняются.

Корневые варианты и корневой вокализм. Следует отметить также, что в некоторых внутриарабских и межсемитских сопоставлениях мы привлекаем некоторые "корневые варианты" С.С. Майзеля [30]: № 16 $\underline{d}r/zr$; № 25 $gz/gd/gdd$; № 57 btq/btk ; № 64 gnn/knn (см. также № 125); № 71 gll/hl ; № 77 акк. zkr/sqr ; араб. $\underline{d}kr$; № 80 $\underline{d}wb/zwb$; № 90 sr/srb ; № 92 $\check{s}t/sf$; № 98 $sbbl/spp/sff$; № 100 $sr/srd/drt$; № 110 prk/prh ; № 112 qtr/qtr ; № 122 $kss/gss/gss$; № 165 rsf/rdf ; № 186 $kps/kbs/kps/kbs/qfs/qfs$; № 192 ntp/ntp .

В данных сопоставлениях привлекаемые корневые варианты имеют идентич-

ный вокализм основы. Однако этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения на внутриарабском и внутриаккадском материале. Если специальный анализ корневых вариантов дает тотально идентичный вокализм основ, то этот факт также может послужить косвенным подтверждением корневого характера данного гласного.

9. СЕМИТСКИЙ КОРНЕВОЙ ВОКАЛИЗМ?

9.0. Установление общего вокализма в семитских глагольных основах показывает:

9.1. Реконструированные **u*, **i*, **a* в количественном отношении распределяются неравномерно: а) во внутриарабских основах *u*-вокализм составляет 59%; *i* — 30%; *a* — 11%; б) в семитских основах *u*-вокализм составляет 60%; *i* — 32,5%; *a* — 7,5%.

9.2. Соотношение между вокализмом и грамматическими категориями переходности—непереходности в количественном и процентном исчислении представляет следующую картину¹⁷ (см. табл. 1).

Таблица 1

Вокализм имперфектной основы Грамматическое значение	u		i		a	
	араб.	сем.	араб.	сем.	араб.	сем.
Переходное действие	23	75	7	30	3	8
Непереходное действие, состояние	14	37	11	28	4	7
В процентах						
Переходное действие	60%	66%	40%	51%	43%	53%
Непереходное действие, состояние	40%	34%	60%	49%	57%	47%

При абсолютном исчислении цифровые данные свидетельствуют о том, что *u*-основы переходного значения составляют количество в полтора раза большее, чем *u*-основы непереходного значения. Основы с *i*, *a*-вокализмом распределяются менее четко.

При исчислении доли каждого из трех гласных в общем количестве переходных основ складывается следующее процентное соотношение (см. табл. 2).

Таблица 2

Переходные основы	Вокализм		
	<i>u</i>	<i>i</i>	<i>a</i>
Внутриарабские (33 основы)	70%	21%	9%
Семитские (113 основ)	66%	26%	8%

Таким образом, переходные основы приблизительно распределяются пропорционально общему количеству *u*-основ, *i*-основ и *a*-основ (см. 9.1).

¹⁷ В ряде случаев одна основа может иметь оба значения в одном языке или же — разные значения в разных языках. В этих случаях каждая основа считается дважды, как переходная и как непереходная (например: № 5 "мешать, препятствовать" и "быть труднодоступным", или № 26 "быть щедрым" и "помогать" и т.п.). Основы с зафиксированным двойным вокализмом (*u*, *i*; *i*, *a*; *u*, *a*) не учитывались.

Результаты предварительных подсчетов свидетельствуют о том, что преобладание *u*-основ со значением переходности может быть объяснено количественным преобладанием *u*-основ в инвентаре первичных глагольных основ¹⁸. Приведенные цифровые данные могут подтвердить наше предположение об относительной независимости грамматического значения древнего глагола от его корневого вокализма. Однако при сопоставлении глагольного инвентаря с инвентарем реконструированных первичных имен (см. примеч. 18) возникает другое предположение, а именно: количественное распределение корневых согласных в первичных именах и глаголах имело под собой не только лексическую основу, но и функционально-грамматическую — разграничение именных и глагольных основ¹⁹.

9.3. В аккадских, как и в арабских, основах наблюдаются колебания в вокализме одной основы, обусловленные отнесенностью или к разным диалектам, или к разным историческим периодам. Менее всего эти колебания представляют изменение грамматического значения глагольной основы (по оппозиции действие—состояние или переходность—непереходность).

9.4. Фонетически обусловленным представляется *a*-вокализм основ арабского и еще более — древнееврейского, языков, ср., например, № 101: **srḥ* "освещать", № 228 акк. *šrh(u/u)* — араб. *srḥ(a)*; № 235 акк. *šmh(u/u)* — араб. *smḥ/šmh(a)*; № 236. *šb'(a/u)* — *šb'(a)*; № 239 акк. *šhr(ili)* — др.-евр. *š^rr(a)*; № 242 акк. *pth(a/u)* — араб. *fth(a)*, др.-евр. *pth(a)*, также №№ 253—259; № 262.

a-вокализм арабских и древнееврейских глагольных основ противопоставляется акк. (*a/u; ili*), т.е. не связан непосредственно с конкретной гласной аккадской глагольной основы и обусловлен ларингальной или фарингальной корневой согласной в этих языках. Из такого соотношения возникают два возможных вывода: а) аккадские основы отражают более древний исходный вокализм, сохранившийся при фонетическом ослаблении ларингалов и фарингалов. Сохранение последних в древнееврейском и арабском обусловило переход исконного гласного в **a*; б) в аккадских основах из-за ослабления и падения общесемитских ларингалов глагольные основы "распределились" по аналогии с другими, неларингальными, основами между вокализмом **u*, **i*. В этом случае **a*-вокализм оказывается исконно связанным с корневым **H*.

9.5. Ограниченное количество общесемитских основ с **a*-вокализмом (№ 202—213) представляет равные возможности для вывода (а) или вывода (б): № 204 **s'l*, № 205 **sm^c*, № 207 (?) **psḥ*, № 208 **flḥ*, № 211 **mḥd*, № 213 **n'š*, содержат в основе один из ларингалов/фарингалов и противостоят такому же количеству корней с *a*-вокализмом, не содержащих ларингалов/фарингалов. Представляют ли эти шесть основ исконный корневой *a*-вокализм? Или этот общий *a*-вокализм — архаичный способ выражения медиопассива в семитских языках [15, 51—52]?

9.6. Исследованный материал представляет асимметричный корневой вокализм **u* : **i* : **a*/**i* : **ī* : **H*, где **a* : **H* не составляют фонематической оппозиции. Под действием и давлением трехслогоной семитской системы в

¹⁸ Напротив, в инвентаре первичных семитских именных основ, реконструированных в [1, с. 192—195; 3, с. 45—47], а также — в готовящейся работе автора статьи наблюдается обратное соотношение в количественном распределении трех корневых гласных: из 181 именной основы *a*-основы составляют 107: *i*-основы — 43, *u*-основы — 31. Соответственно, *a*-основы составляют 59%; *i*-основы — 23%, *u*-основы — 18%. Даже при учете того, что именные *a*-основы, содержащие ларингал или фарингал, составляют ок. 44% от всего количества именных *a*-основ, преобладание *a*-основ в первичных именных основах очевидно.

¹⁹ Нельзя исключить и просодические причины, которые кроются в различной слоговой структуре в прасемитских и афразийских именных CVC/C'-основах и CCVC-глагольных основах [2; 3, с. 42—54].

производных формах $*\bar{u}/\bar{t}$ разлагаются на $V + u/w$ в их консонантной функции.

Вопрос о корневом $*a : *ā$ для общесемитского состояния требует дальнейшего исследования с учетом гипотез И.М. Дьяконова и К. Петрачека о слогообразующих сонантах [2, 4; 24, с. 299—305; 28].

Следует подчеркнуть, что здесь мы рассматриваем вопрос только о возможном корневом вокализме общесемитского периода. Асимметрия корневого вокализма отнюдь не противоречит схеме семитского вокализма $u : i, a; \bar{u} : \bar{i} : \bar{a}$, принятой в семитологии в качестве элемента общей фонологической системы (ср. [16, 31]).

9.7. Арабский и аккадско-арабский материал показывает, что двухсогласные основы с долгим корневым гласным являются наиболее устойчивыми, рефлексы долгого гласного проявляются в различных позициях w/y . Влияние комплемента фонетического расширителя (типа $'-h-/\bar{h}-$) отражается на изменении исконного вокализма двухсогласной основы. Также действует на исконный вокализм двухсогласной основы присоединение к ней консонантного w -рефлекса. Препозиционные комплементы $s-/m-/n-$, как правило, на вокализм исходной двухсогласной основы не влияют.

9.8. Явление "вокалического рефлекса" $*C_1uC_2 : wC_1C_2$, отмечаемое в арабском, может быть далее исследовано и на более широком семитском, главным образом, — южносемитском материале, где имеются соответствующие основы wC_1C_2 (в отличие от западносемитского соответствия uC_1C_2).

Аналогичное явление обнаружено нами в древнеегипетском в корнях *primaе* w/y (см. ниже, раздел 10 настоящей работы).

Однако в отличие от древнеегипетских соответствий, в арабском явление w -рефлекса асимметрично: группе основ $C_1\bar{u}C_2$ соответствует группа основ wC_1C_2 , однако группа основ $C_1\bar{i}C_2$ не имеет соответствия $*uC_1C_2$ (его можно найти только в западносемитских, но там — другая асимметрия: нет группы основ $*wC_1C_2$). В арабском эта асимметрия связана с ограниченным количеством корневых основ *primaе* y - (одна из немногих — в № 53 $*bs$ "быть сухим, сохнуть" — $ybs(a)$, $(i)^cbs(a)$). Однако это явление само по себе требует своего объяснения.

9.9. Проведенный анализ свидетельствует о возможности установить общесемитский вокализм не только в первичных именных, но и в первичных глагольных основах.

Вокализм глагольных основ может быть обусловленным. Так, в арабских трехсогласных основах, где $C_1 = h$ или $= w$, отмечается, как правило, i -вокализм. Это условие можно назвать структурно-морфологическим, так как оно связано с наличием древнего комплемента, занимающего позицию первого согласного основы. В арабском и древнееврейском a -вокализм обусловлен в ряде основ фонетическим окружением — наличием в корне согласного из ряда \bar{H} .

В остальных случаях каждый данный гласный устойчиво связан с корневыми согласными данной первичной основы. Ни в одной из производных форм этот гласный не сохраняется.

В рассмотренном материале не отмечено ни одного случая лексической оппозиции между первичными глагольными основами на базе вокализма. Тем не менее вопрос о лексической функции гласного первичной глагольной основы требует дальнейшей проверки на материале конкретных семитских языков, главным образом, — арабского, наиболее полно сохранившего нередуцированную систему гласных имперфектной основы.

Реконструированный глагольный вокализм может быть трактован как "общесемитский" или "прасемитский".

С точки зрения смысловоразличительной функции, прасемитский вокализм неидентичен функции корневых согласных.

В инвентаре общесемитских первичных глагольных основ (так же, как и первичных именных основ) классическая семитская фонологическая система оппозиций *i : i : a/ī : ī : ā* нерелевантна.

Система гласных общесемитских первичных основ по сравнению с известной нам общесемитской системой гласных деривационных алофонических форм представляется реликтом более древнего периода и, возможно, восходит к общеафразийскому.

10. О РЕКОНСТРУКЦИИ АФРАЗИЙСКОГО ВОКАЛИЗМА: НЕКОТОРЫЕ ЕГИПЕТСКО-СЕМИТСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Одной из задач сравнительно-исторического изучения афразийских языков является также и задача реконструкции корневого вокализма общих афразийских корней. Первые результаты реконструкции афразийского корнеслова [4—7; 10] и корнеслова отдельных афразийских ветвей [7, с. 80—112] — кушитской, чадской, берберской — дают возможность приступить к изучению и реконструкции афразийского вокализма.

Несмотря на определенный скептицизм относительно устойчивого корневого вокализма в семитских языках, сопоставление семитских, и особенно арабских, корней определенной структуры с корнями языков других афразийских ветвей показывает, что эти корни в определенных условиях и формах сохраняют корневой гласный или же его рефлекс.

Изучая структуру трех- и двухслогового афразийского корня, мы провели сопоставление египетских корней *ḡmae i/w* с семитскими трехслоговыми *mediae infimae, tertiae infimae* и генинированными корнями структуры *C₁iC₂C₂/C₁uC₂C₂*. Из семитских основ предпочтительно выбраны арабские основы, которые имеют наиболее четко выраженный вокализм. Кроме того, привлечены материалы языков других ветвей афразийской семьи. Наиболее показательными представляются следующие соответствия, приведенные ниже в п. 1а—2б.

1. а. Египетский корень *ḡmae i/j* — семитский корень *meidae y/ī* или *tertiae y/ī*:

1) Ег. *ihm* (MR)²⁰ "медленно идти, медлить" — араб. *hym* (imperf. *ya-hīm*-) "бродить, блуждать, скитаться";

2) Ег. *izf* (Pyr) "неправда, ложь" — др.-евр. (постбибл.) *zuf* (D-stem) (*ʔ* < араб.), араб. *zuf* (D-stem) "подделывать, фальсифицировать", *zayf* "фальшивая монета" [7, с. 27, № 48];

3) Ег. *izn · w* (Pyr) "нечто хорошее, дружелюбное" — араб. *zun(i)* "украшать", восточноарабск. диалекты *zeuwin* "хороший, красивый", *zīn* "хорошо" (иракский диалект);

4) Ег. *iqs* (Kgsgr) "обрезать, отрезать" — араб. *qys(i)* "мерять";

5) Ег. *išf* (Med) "слюна, пена на губах" — афраз. **čVf* > **čif* [7, с. 41]: арам. (сир.) *sep(ə)t* иуд *sip-t*; араб. *šaf-at-šif-at-*; куш. иракв *čufi* "губа", чад. сура *liip* "язык";

6) Ег. *izw* [34, 509] "соответствовать" — араб. *zaww* "пара, оба" 'zy/wzy(i)' "быть похожим в чем-л.", (A-stem) — "быть равным, равняться, соответствовать друг другу";

²⁰ Традиционные обозначения источников, принятые в египтологии, и сокращения: Pyr — тексты Пирамид; AR — Древнее Царство; MR — Среднее Царство; Med — медицинские тексты; NR — Новое Царство; Sp — Позднее Царство; Gr — греческий период; Kgsgr — тексты из царских захоронений; D — династия; D-stem — основа интенсификации; Š-stem — каузатив; A-stem конатив; T-stem — возвратное действие, состояние.

7) Ег. *išw* (AR) "замена, возмещение, цена" — араб. *šwy* "стоять, равняться" Nom act. *sin^{an}/suv^{an}* "равность, равнозначность". Ср. также ег. *išsw* (MR) "весы" [34, 392];

8) Ег. *inb* "стена", *inb · t* (AR) "укрепление" (метатеза) — афраз. **bən/bnĭ*: араб. *bny(i)* "строить" [5, с. 76—77, № 101], также: чад. **bīna* "хижина" [33, с. 153, № 85];

9) Ег. *i;k* (Pyr) "подниматься, восходить" (*m;k · t* "лестница"/ — араб. *rqy(i)* [34, 114—В] "подниматься, восходить";

10) Ег. *ifn/ĭfn* (Pyr-Gr) "переворачивать(ся), оборачивать(ся) — афраз. **pn* > *pn'/pnĭ/ū* [5, с. 23—24, № 27], где акк. *pn'ly*, уг. *pnw* араб. (сир) *pn'ly* "поворачиваться", араб. *fny(a)*, ср. араб. *fyn(i)* "приходить, прибывать".

Ср. также египетско-кушитский вокализм: ег. *iġp* (Pyr) "облако, туча" — куш. билин *giḫi* "облако, туча" [34, 512-Д; 35, с. 49, 93].

1.6. Египетский корень *prīmae w* — семитский корень *mediae w/ū* (или *tertiaie w/ū*):

1) Ег. *wšb* (MR) "отвечать" — др.-евр., араб. сир. *šwb* "вернуться", др.-евр. *tešūba* "ответ", араб. *twb (u)*, саб. *twb* "вернуть(ся), вернуть" [34, с. 574; 36, с. 12, 21, 24]; при ег. *š*: сем. **t* [37, с. 378];

2) Ег. *wš?* (AR) (где ? < r) "откармливать (бычков, дичь, птицу)" сопоставляется с араб. *wš* "быть алчным, жадным" [34, с. 573; ср. 35, § 36, 21], что семантически сомнительно. Мы предлагаем другое соответствие с учетом соответствия ег. $C_1 = w$: сем. $C_2 = w(\bar{u})$: араб. *šwr* (TŠ-stem) "стать жирным, тучным (о скоте)", что семантически представляется более близким, а фонетическое соответствие предлагается гипотезе;

3) Ег. *wšd* (MR) "обращаться" к кому-л.; "расспрашивать" — араб. *nšd(u)* "петь"; "расспрашивать" [37, с. 26]. Ср. к данному корню реконструкцию сем. **šD* < *NšD*, *šYD* [23, с. 87]. Указанное соответствие можно дополнить: 3а) араб. *šyd* (š-stem) "повысить голос, рецитировать, обвинять кого-л."; 3б) араб. *šdw(u)* "мелодично петь, рецитировать". В 3а) нарушено соответствие ег. $C_1 = w$: араб. $C_2 = y(i)$, однако имперфектные формы от *nšd*, *šdw*: resp. *yanšud-lyāšdū* отражают более древний египетско-семитский вокализм;

4) Ег. *wb?* (MR, Med) (где ? < r) "буришь (колодец), сверлить (камень)" — акк. *bēr-ībūr* "колодец, яма с водой", др.-евр. *-bə'er* "колодец", *bōr* "водоем в скале", араб. (сир.) *be'r* "яма, колодец", араб. *bi'r-* "колодец", саб. *b'r* "колодец"; куш. сомали *bōr* "рыть; яма", оромо *bor* "рыть", хадия *barē* "ров"; берб. гад. *a-β ər* "канавка"; чад. тангале *pire* "могила" (< **bur*), фиер *bur/bur*, ша *bur* "погребать". В большинстве афразийских форм преобладает соответствие ег. *prīmae w*: афраз. $C_2 = ũ$ или вокализм *ulī* < афраз. **ə* (афразийская реконструкция дает **baʕt* > **bi'r/bi' ru/bər(i)u*) [5, с. 107—108, № 128]. Ср. также ег. *b',b'*, (Pyr) "нора зверя; впадина" [5, № 128, с. 107].

5) Ег. *wzf* (MR) "быть медлительным, вялым" — араб. *zwf(u)* "тащиться едва передвигая ноги". Ср. также араб. *ḏwf(u)* "медленно идти, выворачивая и расставляя ноги";

6) Ег. *wnw* (Med) "утробный плод" — араб. *nawa-t-* "семя, ядро, косточка плода";

7) Ег. *wḫ?* · t (Med), (если ? < l) "глазное заболевание" — араб. *ḫawal-* "косоглазие";

8) Ег. *w;ğ* (MR) "быть зеленым (о растениях, поле)" — араб. *rawd-at-* "сад, зеленый луг" (Ср. *waraq-* "зелень" [35, №№ 50, 87] и [34, 552-Д]);

9) Ег. *wnt* (Med) "есть, питаться; пища, корм" — араб. *nīm-at-* (< **niwm-at-*) "пища, корм";

10) Ег. *wnw · t* (AR) "обязанность, ежедневная рабочая повинность — араб. *nw'(u)* "изнывать под бременем";

11) Ег. *wbd* (Med) "жечь, сжигать", *wbd · t* (Lit MR) "горение, жжение; сажа" — афраз. **bəd > byd* "зола, сажа": чад. болева *būto*, нгамо *buto*, кирфи *būtō*; дангла *butu* "зола, пепел";

12) Ег. *wdn* (Pyr-NR) "составлять реестр, записывать лиц царского происхождения, достоинства, царские титулы" [38, I. с. 389; 39, с. 73] — араб. *dwn* (D-stem) "записывать, составлять учет (солдатских имен и т.п.)"; берб. ахаггар *adwan* "подсчитывать приблизительно", зенага *uddan* "считать" (? < араб.);

13) Ег. *wrh* (MR) "смазывать мазью, умащивать", *mrh · t* (AR) "мазь" — араб. *rwh* (D-stem) "душить, пропитывать духами" (Ср. также сопоставление на трехсложном уровне др.-евр. *mrh* "мазать лекарством", араб. *mrh/mrh* "умащиваться" [34, 566-Д];

14) Двухсложный египетский *wdd* (Med, Gr), *dd · t* "горшок, котел" — сосуд афраз. **dəd/dyd*: акк. *dūd*, уг. *dd*, др.-евр. *dūd*, араб. (сир.) *dūd* "горшок, котел"; чад. сура *tūu* "калебаса", ангас *tūt* "калебаса" [6, с. 61, № 120; ср. 37, § 26а, 6];

15) Ег. *wnš* (AR) "съедобный плод", (D. 19, Gr) "виноградная лоза, вино" — семитский корень *tertiaе w*: араб. *nšw/y*, Nom. act. *našw-at* "быть пьяным, опьянение";

16) Ег. *w^b/bw* (Pyr) "чистить, быть чистым" — ср. также араб. *'bw(u)* "блестеть; приводить в порядок", ср. также акк. *ubbubu* "чистить, очищать", *ebēbu* "быть чистым, незагрязненным" [34, 153-В].

2.а. Египетский корень *primaе ij* — семитский геминированный корень *C₁C₂C₂*:

1) Ег. *ifd* (D 18) ср. также *ipd/pd* (D 18) "прибегать к, поспешить к" — араб. *fd(i)* "бежать (о человеке)". Ср. также араб. *'afid-* (imperf. *a*) "спешить к, прибывать"; *nafid-* (imperf. *a*) "уходить, исчезать" (ср. **pVd* "идти, бежать"; берб. зенага, шауйа *s-ifəd* (Š-stem) "впустить, дать войти"; чад. тумак *pád* "проходить" [5, № 5]);

2) Ег. *if* (MR, NR) "выдавливать, выжимать влагу" — араб. *'ff(i)* "скапливаться, стекаться в сосках вымени (о молоке)"; (TA-stem) "доить по второму разу";

3) Ег. *ik* (MR) "лук, зелень, овощи" обычно сопоставляется с сем. др.-евр. *yaraq* "овощи", *yereq* "зелень; трава" [38, I. с. 34]; араб. *waraq-* "листва". Но египетскую форму можно сопоставить также с араб. *riqq-at-* "нежные побеги древесных ветвей, которыми питаются животные", т.е. с геминированным корнем;

4) Ег. *ikr* (Pyr) "быть прекрасным, превосходным", (MR) "отличный, отменный" обычно сопоставляются с акк. *waqāru*, др.-евр., саб. *yqr* "быть драгоценным, превосходным", араб. *waqir-* "уважаемый" [34, 396], но в арабском имеется еще геминированная имперфектная основа *-qirr-* "быть свежим, утешенным, обрадованным";

5) Ег. *iwr* (AR) "забеременеть" — араб. *'rr/wr(u, i)* "изнасиловать, сожительство с женщиной"; ср. западночадск. **wul* "жениться" [33, с. 247, № 58]; куш. билин *wuhir* "мужчина, самец": омето, воламо *uraa*, кафичо *uuroo*; чад. вандала *uro* "жена" [32, с. 203], ср. также в акк. *erū*, др.-евр. *harā(h)* "забеременеть"; берб. **ara*; чад. хауса *arrau* "дитя";

6) Ег. *isb · i* (Атапа) "сидение, трон" (? < западносем.) сопоставляется с семитскими трехсложными др.-евр. *ušb* "сидеть" [34, 395] или же с араб. *wib(i)* "прыгать" [37, 371], ср. также акк. *wašābu* "сесть, осесть, поселиться", уг. *yib*,

др.-евр. *yšb*, сир. *ytb* "садиться", саб. *wtb* "поселяться, оседать" (ср. выделение двухконсонантного корня **tb* в № 154). Однако форму *šb* · *t* можно сопоставить также с арабским геминированным корнем *tbb(i)* "сесть, осесть"; куш. хамир *sib*, *zib*, квара *sembi* "оставаться на месте".

Некоторые соответствия двухсложных корней также могут свидетельствовать в пользу идентичного корневого вокализма в египетских и соответствующих афразийских корнях. Ср. ег. *i' · t* (AR), копт. *wwt(wr · t)* "спина, позвоночник" — куш. сахо, афар *iro* "спина", галла *wirtu* "позвоночный столб"; ег. *iw/iwiw* (AR) "собака" — др.-евр. *'i(y)*, араб. *'awī/wāwī* "шакал"; куш. сомали *ei* "шакал, волк"; чад. варджа *ije-na* кария *ī*, мия *i* "собака"; ег. *iw/iwt* (AR) "приходить" — араб. *'wu(i)* "приютиться у кого-л."; куш. бедауне *yi/i(i)*; ср. чад. **ya* "приходить": будума *i(i)* "входить"; ег. *ir · t* (AR) "глаз" — куш. билин *'il*, хамир, квара *iel*, галла, сомали *ila*, "глаз" (однако в сем. араб. *r'y/rā* "видеть"); ег. *ir · t* (Gr) "пламя" — араб. *'irrat-'irāt-* "огонь" (ср. акк. *ūru*, фин. *'r*, уг. *'ar*, др.-евр. *'ōr* "огонь, пламя"); вторичная форма в араб. *wry(i)*, Nom. act. *riyat-* "разжечь огонь".

2.б. Египетский корень *ḡmae w-* — семитский геминированный корень $C_1uC_2C_2$:

1) Ег. *wš?* (Kgsgr), (*ʔ < r*) "наветы, клевета" — араб. *šrr(u)* "поричать, бранить, хулить", Nom. act. *šurr-* (Ср. также араб. *mediae infimae* в именной основе *šawr-* "стыд, позор");

2) Ег. *whb* (Med) "просверлить, пронзить; проникнуть" — араб. *hbb(u)* "разрезать, проткнуть (мечом)";

3) Ег. *whm* (MR) "повторять" — араб. *hmm(u)* "думать, передумывать";

4) Ег. *wdn* (Pug, AR) "тяжесть, груз; быть тяжелым, весить" — араб. *ṭunn-* "груз вьючного животного" (ср. также сокотри *dnw* "зачать, забеременеть", чад. ангас. *ton* "вес, тяжесть" [6, с. 81, № 163]);

5) Ег. *wzš* (Med) (Sp *wšš*) "мочиться" (если ег. *š : ḥ*) — араб. *zhḥ(u)* "испускать мочу";

6) двухсложный ег. *wḡ* (MR) "памятник, стела (надгробная, пограничная, храмовая)" — араб. *šuww-at-*, мн.ч. *šuw^{an}* "камень, указывающий дорогу; надгробие, гробница".

Рассмотренные выше (1.а—2.б.) результаты египетско-семитских сопоставлений позволяют сделать следующие выводы:

1) гласные *i/u* и их рефлексy *gesp. u/w* в семитской (главным образом — арабской) основе отражают древний вокализм. Этот древний семитский вокализм сохранился преимущественно в двухсложных корнях.

2) Древний семитский гласный, занимающий среднюю позицию в двухсложном корне, графически имеет соответствие *i/w* в египетском корне, но, в отличие от семитского, — в начальной позиции. Являются ли египетские *i/w-* только вокалическими элементами или же отражают закрытый слог с полугласными *y/-w- : *Vy/Vw* или же открытый слог семитского типа **yV/wV* по второму правилу К. Зете [40]? Пока можно лишь отметить, что различие позиций общего вокалического элемента *i/y*, *u/w* в египетском и семитских языках отражают различные пути развития слоговой структуры двухсложного корня.

Развитие в семитских языках трехсложного корня могло дать в арабском два результата: а) исходный двухсложный корень с кратким гласным $C_1VC_2 > C_1VC_2C_2$ с сохранением корневой краткой гласной; б) исходный двухсложный корень с долгим гласным $C_1\bar{V}C_2$ или со слогообразующим сонантом $C_1\bar{S}C_2 > C_1y/wC_2$.

В египетском структурную функцию *ḡmae w* можно сопоставить в некоторых

случаях со структурой арабских перфектных основ $w-C_1aC_2$ типа wld "рождать", $w\dot{s}l$ "прибывать" и т.п., которые противопоставляются имперфектным основам по отсутствию $w \cdot wa\dot{s}al-$: $ya-\dot{s}il-$, Nom. act. $\dot{s}ilat-$, так же, как в египетском отмечается отсутствие $w-$ в некоторых формах одного и того же корня [41, 37, с 41—52] Однако в целом структурно-слоговое развитие египетского двухгласного корня отличается от семитского типа

3) Лексический (корневой) или морфологический статус имеют в египетском и в семитских элементы i/w и resp. $-i/y$, $-u/w$? Некоторые попытки установить морфологическое (префиксальное) значение ргтае $w-$ в египетском [37] так же, как и в семитских языках [42], дают слишком большое разнообразие значений, чтобы представиться убедительными. Точно так же и сопоставление основ $mediae/tergae$ y/w и гласных основы в семитских i/u не дает четких противопоставлений по морфологическому значению. Следует отметить, что в арабском противопоставление гласных a : i/u "действие · состояние" в глаголе I п. релевантно только для перфектной основы, которая является более поздним образованием, нежели имперфектная, на которую мы опираемся в данной работе.

Египетско-семитский (и афразийский) материал, приведенный в 1 а—2 б., представляет 62 формы, в которых глагольные и именные значения распределены поровну — 31:31. Широкий диапазон лексико-грамматических категорий (отыменные глаголы и отглагольные имена, глаголы действия и имена с первичным субстантивным значением), по нашему мнению, подтверждает не морфологический, а корневой характер общего египетско-семитского вокализма. Закрепление морфологических значений за гласными i/u , \bar{i}/\bar{u} в семитских языках — более позднее явление. В наиболее древней части корнеслова статус этих гласных остается неморфологическим, входит в древний корень.

По-видимому, и египетские элементы $i/w-$ являются не префиксальными элементами, а рефлексами корневого вокализма

Некоторые вокалические соответствия в других языках афразийской семьи могут свидетельствовать о корневом вокализме более древнего, афразийского, уровня

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Дьяконов И М Языки древней Передней Азии М, 1967
- 2 Diakonoff I M Problems of root structure in Proto-Semitic // AO 1970 V 38 № 4
- 3 Diakonoff I M Afrasian languages М, 1988
- 4 Дьяконов И М, Порхомовский В Я О принципах афразийской реконструкции // Вальсипса, М, 1979
- 5 Сравнительно исторический словарь афразийских языков Вып 1 // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока Ч IV М, 1981
- 6 Сравнительно-исторический словарь афразийских языков Вып 2 // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока Ч III М, 1982
- 7 Сравнительно-ис.орический словарь афразийских языков Вып 3 // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока Ч III М, 1986
- 8 Милитарев А Ю Шнирельман В А К проблеме локализации древнейших афразийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока Ч 2 М, 1984
- 9 Militarev A Yu, Orel V E, Stolbova O V Hamito-Semitic wordstock 1 Dwelling // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока Ч 1, М, 1989
- 10 Дьяконов И М, Милитарев А Ю, Порхомовский В Я Столбова О В Общеафразийская фонологическая система // Африканское историческое языкознание М, 1987
- 11 Belova A Sur la reconstruction du vocalisme afroasiatique quelques correspondances égypto-sémitiques // Proc of the Fifth Intern Hamito-Semitic congress 1987 V 2 Wien, 1991
- 12 Оrel В Э Столбова О В К реконструкции праафразийского вокализма // ВЯ 1988 № 5
- 13 Оrel В Э, Столбова О В К реконструкции праафразийского вокализма // ВЯ 1990 № 2
- 14 Brockelmann C Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen Bd I В, 1908
- 15 Kurutowicz J L'apophonie en semitique Wrocław, Warszawa, Kraków, 1961
- 16 Moscati S, Sptaler A, Ullendorff E, Soden W von An introduction to the comparative grammar of the semitic languages Phonology and morphology, Wiesbaden, 1964 P 46
- 17 Гранде Б М Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении М, 1963 С 10

- 18 Гранде Б М Введение в сравнительное изучение семитских языков М, 1972
- 19 Юиманов Н В Грамматика литературного арабского языка 3-е изд М, 1985
- 20 Soden W von Grundriss der akkadischen Grammatik Roma, 1952
- 21 Riemschneider К К Lehrbuch der Akkadischen Leipzig, 1973 S 28—29
- 22 Липин Л А Аккадский язык М, 1964 С 94
- 23 Zaborski A Biconsonantal verbal roots in Semitic // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagellonskiego Prace językoznawcze CCLXIX 1971 35
- 24 Petraček C Uvod do hamitosemitske (afrazijske) jazykovedy Díl I Praha, 1989
- 25 Conti G Studi sul bilitterismo in semitico e in egiziano I Il tema verbale N-1212 Firenze, 1980
- 26 Zemanek P The importance of doublets for diachronic study of languages The case of Arabic // Studia Orientalia Pragensia XVII Asian and African linguistic studies III Prague, 1988
- 27 Белова А Г // ВЯ 1992 № 3 Рец Ehret Ch Origin of the third consonants in Semitic roots an internal reconstruction (applied to Arabic) // Journal of Afroasiatic languages 1989 V 2 № 2
- 28 Petraček K Sur le rôle des modalités sonantiques dans l'élaboration de la racine en sémitique // Arabica 1987 T XXXIV P 107
- 29 Dillmann A Ethiopic grammar 2-d ed L, 1907 P 126
- 30 Майзель С С Пути развития корневого фонда семитских языков / Под ред и с предисл А Ю Милитарева М, 1983
- 31 Cantaneau J Etudes de linguistique arabe P, 1960 P 91
- 32 Долгопольский А Б Сравнительно историческая фонетика кушитских языков М, 1973
- 33 Столбова О В Сравнительно историческая фонетика и словарь западночадских языков // Африканское историческое языкознание М, 1987
- 34 Calice F Grundlagen der agyptisch semitischen Wortvergleichung Wien 1936
- 35 Ember A Egypto-Semitic studies Leipzig, 1930
- 36 Hodge C T Egypto Semitic comparisons // FO 1976 V XVII
- 37 Otto E von Die Verba I-ae inf und ihren verwandten im Agyptischen // Z für Agyptische Sprache und Altertumskunde 1954 Bd 79
- 38 Erman A Grapov H Wörterbuch der Aegyptischen Sprache Bd I—V B, reéd 1971
- 39 Faulkner R O A concise dictionary of Middle Egyptian Oxford, 1964
- 40 Коростовцев М А Введение в египетскую филологию М, 1963 С 111—112
- 41 Edel E Altagyptische Grammatik Roma, 1955 § 424
- 42 Грдзелидзе И Д Семантические категории в арабском слабом глаголе // Studia Semitica I Тбилиси, 1983 С 31 (на груз яз, русск резюме)

© 1993 г. ОГЛОБЛИН А.К.

**СИСТЕМА ЯВАНСКИХ ГЛАСНЫХ:
ГАРМОНИЯ ПО ПОДЪЕМУ**

При чтении яванского текста необходимо знать правила, касающиеся гласных. Например, графема *a* в разных позициях читается [a] или [ə]: *ana* [əna] "быть, иметься", *anak* [ana?] "сын, дочь".

Такое положение создалось исторически. Современная яванская латиница воспроизводит с определенными изменениями структуру национального письма, близкого к слоговому (индийского происхождения). В этом письме все гласные, кроме [a], обозначались диакритиками при аксарах – знаках согласных, образующих алфавит. Гласный [a] обозначался отсутствием диакритики (а также знака девокализации аксары). Приблизительно в XVII в. произошло передвижение гласных, так что в определенных позициях отсутствие диакритики стало означать [ə]. Изменениям подверглось – также в некоторых позициях – и чтение диакритик для гласных [i], [u], [e] и [ə]. При переходе на латиницу диакритикам стали соответствовать особые графемы для гласных.

Предполагается, что началось передвижение гласных с перехода конечных [a] в [ə], см. [1]. Конечные открытые [e] и [ə] перешли в закрытые. Затем изменения захватили предпоследний слог. Ср. яв. *ana* и др.-яв. *hana* "быть, иметься", читавшееся, очевидно, [hana] или [ana].

Между разными формами и дериватами с одним и тем же корнем сохраняются живые чередования гласных, на письме отражаемых одинаково. Например, от глагола *ana* образуется именная форма *anane* [anane] "наличие, существование". В этом отношении яванская орфография напоминает русскую, Орфографическое тождество чередующихся главных имеет практическую ценность, поддерживая смысловые связи форм одного слова и родственных слов. Можно провести аналогию и в том, как по-разному трактуется фонемный состав морфем и слов в русском и яванском языкознании. Аналогия, правда, не очень близкая. Яванскому языку не свойственно фонологическое словесное ударение, а фразовое ударение на качестве гласных практически не сказывается. По-видимому, в силу этого обстоятельства в центре рассуждений о фонологии яванских гласных оказывается вопрос о системе вокализма.

Традиционное понимание этой системы находится в очевидной зависимости от морфологического принципа орфографии и наиболее эксплицитно изложено в книге Э.М. Уленбека "Структура яванской морфемы" [2]. Лишь незначительными деталями отличаются от изложения Уленбека объяснения в учебно-справочном пособии [3]. На русском языке см. весьма краткие сведения у А.С. Теселкина [4, 5].

Уленбек выделяет пять "детерминированных" фонем *A, I, U, E, O* и шестой "неопределенный" гласный [ə]. Детерминированные гласные реализуются парами аллофонов, открытого и закрытого, которые автор условно обозначает с помощью диакритик: *a* и *a*, *i* и *i* и т.д. Некоторые аллофоны разных фонем материально либо совпадают, либо очень близки. Принадлежность одинаковых или почти одинаковых аллофонов разным фонемам основана на чередованиях, сопровождающих суффиксацию. Так, звук [ə] представляет фонему *A* тогда, ког-

да он чередуется с фонетическим [a] (см. примеры выше), и в этом случае условно обозначается \acute{a} , тогда как фонетический [a] обозначается \grave{a} . Напротив, в слове [adɔl] "торговать" тот же звук [ɔ] принадлежит фонеме O , так как не чередуется с [a], и условно обозначается o . (Факультативно [ɔ] в данной позиции может чередоваться с закрытым [o]: *adola* [adɔlɔ] вместо более обычного [adɔlɔ] "торгуй" [2, с. 207]. Закрытый [o] условно обозначается \acute{o} .) Всего имеется три гласных звука, которые, по крайней мере, в распространенном варианте произношения, могут представлять по две фонемы: это уже упоминавшийся [ɔ], соответствующий A или O , затем закрытый [e], соответствующий E или I , и закрытый [o], соответствующий O или U ¹. (Данное положение находит иное истолкование в альтернативной, восьмифонемной концепции вокализма, о которой речь идет ниже.) Однако в других типах произношения, отраженных, в частности, в книге Я. Раса, различаются закрытый [e] – аллофон E по Уленбеку и закрытый [o] – аллофон O , а также открытые [i] и [u], аллофоны соответственно I и U .

Гласных звуков, каждый из которых представляет только по одной фонеме, – пять: [a], [i], [u], открытый [e] и гласный [ə] (практически не имеет аллофонов и ни с чем не чередуется, кроме нуля звука).

Принадлежность одинаковых или очень близких звуков разным фонемам в принципе не вызывает возражений, коль скоро позиции этих звуков различны (аллофон есть фонема в определенной позиции). Однако именно определение позиций аллофонов гласных оказывается для яванского языка необычайно сложным. Одно правило, – простое, – действует для последнего слога: в открытом слоге (в ауслауте) выбираются закрытые аллофоны, в закрытом – открытые. Что касается предпоследнего слога, то для него выбор аллофона определяется аллофоном последнего слога и принадлежностью обоих аллофонов конкретным фонемам, в связи с чем данное правило может быть представлено только в виде таблиц – отдельно для морфем с открытым и закрытым последним слогом. Не будем здесь воспроизводить полностью таблицы, предлагаемые Э.М. Уленбеком, поскольку он в каждой клетке таблицы дает по нескольку примеров. Сущность правила может быть передана схематическими таблицами, в которых о т к р ы т ы й аллофон предпоследнего слога обозначим O , а з а к р ы т ы й – 3 .

Таблица 1

Выбор аллофонов предпоследнего слога морфемы по шестифонемной модели

а) Последний слог открытый (морфемы 1-го типа)

б) Последний слог закрытый (морфемы 2-го типа)

	2	A	I	U	E	O
1						
A	3	O	O	O	O	O
I	3	3	3	3	3	3
U	3	3	3	3	3	3
E	3	O	O	3	3	3
O	3	O	O	3	3	3

	2	A	I	U	E	O	/ə/
1							
A	O	O	O	O	O	O	O
I	3	3	3	3	3	3	3
U	3	3	3	3	3	3	3
E	3	3	3	O	3	O	O
O	3	3	3	3	O	O	O

Примечание. 1 – гласный предпоследнего слога, 2 – гласный последнего слога. В табл. 1а столбец для /ə/ отсутствует, так как этот гласный не встречается в ауслауте (кроме отдельных неадаптированных заимствований из европейских языков).

Примеры, соответствующие данным сочетаниям гласных, см. в табл. 3.

¹О двойной фонемной отнесенности этих звуков Уленбек пишет в рецензии [6] на работу Э. Хори [7].

Как явствует из табл. 1, требуется отдельно формулировать правила произношения гласных предпоследнего слога: 1) для фонемы *A* в морфемах обоих типов, 2) для фонем *I* и *U* в морфемах обоих типов, 3) для фонем *E* и *O* в морфемах 1-го типа, 4) для фонемы *E* в морфемах 2-го типа, 5) для фонемы *O* в морфемах 2-го типа (см. строки в табл.). Таблица и вытекающие из нее правила охватывают огромное большинство яванских морфем, а для остальных Уленбек дает еще другие таблицы, которые для нас не важны.

В этом большинстве морфем может быть либо ни одного, либо один интервокальный согласный, либо сочетание гомоганнных смычных носового и носового (/mp/, /mb/, /nt/ и др.), либо сочетание смычного или гомоганнной группы с плавными /r/ или /l/. Например (используем с небольшими изменениями транслитерацию Уленбека): *baé* "только", *bédá* "различаться", *támpá* "принимать", *pútrá* "сын", *mántrá* "мантра, магическая формула", *kòngsi* "до" (сочетание /ŋs/ условно относится к гомоганнным), *mingsrá* "ценный".

В целом можно сказать, что шестифонемная модель яванского вокализма, коррелятивная яванской орфографии, остроумна и интересна, но слишком сложна как система действующих правил. Обратимся поэтому к другой, восьмифонемной модели, в которой различаются два средних подъема гласных и звуки [ɛ] и [e], [ɔ] и [o] рассматриваются как самостоятельные фонемы. Эта модель была впервые предложена в учебнике яванского языка Э. Хорн [7] и в статье Самсури [8]. Она используется и в более поздних описаниях, например, в [9]. В этих работах отсутствует какая-либо аргументация, не исключая и статьи Самсури, где темпераментные полемические замечания не касаются существа дела. Между тем факты убедительно свидетельствуют в пользу восьмифонемной модели. Важнейшим из них представляется наличие закономерности, объясняющей сочетаемость гласных в морфеме-двуслоге более простым способом, чем тот, что отражен в приведенных выше таблицах. Этой закономерностью является гармония гласных по подъему, довольно хорошо известная в близкородственном яванскому индонезийском языке – одном из двух современных наследников классического малайского.

В индонезийском языке различаются те же шесть гласных в трех рядах, которые по традиции приписываются яванскому, но без обсуждения – а выше аллофонических чередований: /i/, /ə/, /u/ (более высокие подъемы каждого ряда, далее подъемы I) и /ɛ/, /a/, /ɔ/ (более низкие, далее подъемы – II). Понятие гармонии гласных по подъему было введено в индонезийскую фонологию М.Г. Эмейсом [10], который обобщил более ранние наблюдения и обследовал лексику по словарю достаточного объема. В исконно малайском ядре индонезийского корнеслова, по данным Эмейса, гласные /ɛ/ и /ɔ/ последнего слога исключают все другие гласные в предпоследнем, а те же гласные в предпоследнем слоге исключают гласные /i/ и /u/ в последнем, но допускают /a/: *geser* "двигать", *rokok* "сигарета", *boleh* "можно", *ekor* "хвост", *obat* "лекарство", *enak* "вкусный". (См. также [11].)

Л.Г. Зубкова, обследовав обширный корпус индонезийских корневых морфем, включая заимствования, дает в своей диссертации и статье [12] и более широкую формулировку: гласные верхнего подъема /i/, /u/ и среднего подъема /ɛ/, /ə/ в одной морфеме несочетаемы, а гласные /a/ и /ə/ сочетаемы с любыми, т.е. безразличны к ограничениям гармонии. Так, морфема *aneh* "странный" (яванское заимствование) нарушает гармонию гласных по Эмейсу, но не по Зубковой.

Функция гармонии гласных – делимитативная (по Трубецкому). Это эквивалент отсутствующего в индонезийском, как и в яванском, словесного ударения. Ограничение действия гармонии корневой морфемой свидетельствует о высокой степени корнеизоляции: гармония была бы избыточной, имей большинство слов в тексте иные делимитативные средства (пограничные сигналы), например, фонологически маркированные аффиксы. Но в индонезийском языке последова-

тельность корневых морфем, между которыми нет ни аффиксов, ни редупликаторов, отнюдь не редкость. Суммарный индекс аффиксации и удвоения для индонезийского языка составляет 0,38, а для текста, приближенного к разговорному стилю, – всего 0,21, см. [13].

Такого положения можно ожидать и в яванском языке, по структуре очень близком индонезийскому. Действительно, Э.М. Уленбек в рамках своей концепции отмечает соответствия аллофонов *A, E* и *O* в обоих слогах одной и той же морфемы (и первого, и второго типов), см. [2, с. 38]. Но приведенные выше таблицы ясно показывают обилие, а для морфем второго типа (с открытым аллофоном последнего слога) – даже преобладание несоответствий по открытости / закрытости гласного.

Рассмотрим теперь сочетаемость гласных в морфеме-двуслоге (того и другого типов), полагая, что этих гласных фонем не шесть, а восемь. В табл. 2 запреты сочетаемости гласных фонем (т.е. уже не аллофонов) показаны знаком –.

Таблица 2

Сочетаемость гласных в корневой морфеме по восьмифонемной модели

Первый слог		Второй слог		Крайние			Средний	
		Ряды	Подъемы	Подъемы	I /i/ /u/	II /e/ /o/	III /ɛ/ /a/	I /ə/
Крайние	I	/i/						
		/u/						
		/e/			– –		–	
	II	/o/			– –		–	
		/ɛ/				– –	–	–
		/ɔ/				– –	–	–
Средний	I	/a/						
	II	/a/						

Подъемы гласных в таблице пронумерованы сверху вниз. Заметим, что оба подъема среднего ряда артикуляционно не совпадают с I и II подъемами крайних рядов: II подъем среднего ряда в чисто фонетической классификации будет нижним, а в крайних рядах II подъем средне-верхний (средний повышенный), аналогично и для I подъема, который в среднем ряду будет средним, а в крайних рядах – верхним.

Как видим, всего имеется пятнадцать запретов сочетаний гласных. Двенадцать из них подчиняются следующему правилу: между гласными одной морфемы не может быть интервал в один подъем в пользу последнего (второго) слога, иными словами, запрещены сочетания подъемов II – I и III – II. Это восемь сочетаний в крайних рядах: /e/ – /i/, /e/ – /u/, /o/ – /i/, /o/ – /u/, /ɛ/ – /e/, /ɛ/ – /o/, /ɔ/ – /e/, /ɔ/ – /o/ – и четыре сочетания в среднем ряду, точнее, сочетания гласных переднего и среднего рядов: /e/ – /ə/, /o/ – /ə/, /ɛ/ – /a/ и /ɔ/ – /a/. Три остающихся запрета с точки зрения данного правила излишни: это /e/ – /ɛ/, /ɛ/ – /ɔ/ и /ɔ/ – /ɛ/, в них соотношение по подъему II – III и II – II. Противоречат правилу три разрешенных последовательности со среднерядным гласным /a/: /a/ – /i/, /a/ – /u/, /a/ – /ə/.

Таким образом, из 64 возможных последовательностей гласных в морфеме приведенному выше правилу гармонии гласных подчиняются 58 и лишь шесть сочетаний ему не соответствуют. Эту пропорцию соответствий и несоответствий можно, думается, считать удовлетворительной. Во всяком случае как показатель

тенденции к гармонии гласных данное правило более понятно, чем пять различных правил соответствий аллофонов в "шестигласной" системе.

Интересно отметить некоторые аналогии данному правилу в малайском языке. Согласно формулировке Эмейса, такие морфемы, как *aneh* "странный", *andong* "тележка" (заимствования из языков Явы), нарушают гармонию гласных. Подобные морфемы реализуют соотношение подъёмов II – II для малайского языка (в яванском II–III), т.е. для их сохранения в малайской лексике в неадаптированном виде нет препятствий.

Другое явление находим в фонетике малайского языка в Малайзии, где конечный [a] в южных полуостровных диалектах и в преобладающем литературном произношении перешел в гласный типа [ə]. Этот переход не повлиял на предшествующий слог, за исключением двух слов, в которых предпоследний гласный отделен от последнего согласным [h]: *usaha* "труд" и *paha* "бедро", которые произносятся [usəhə], [pəhə]. Так проявляется тенденция не допустить соотношения подъёмов в морфеме II–I, – такого же, какое запрещено в яванском языке. Но эта тенденция побеждает только при "слабом" согласном [h], проницаемом для гармонического выравнивания.

С точки зрения фонологической синтагматики как раздела морфонологии восьмифонемная система гласных яванского языка имеет явное преимущество перед шестифонемной. В добавление к этому, "восьмигласная" модель обладает таким свойством, которое можно назвать логической однородностью.

Во-первых, шестигласная модель предусматривает ограничения двух видов. Это запрет гласного /ə/ в ауслaute и правила выбора аллофонов остальных пяти "детерминированных" гласных. В восьмифонемной системе нет правил выбора, а имеются только правила запрета, в основном требуемые гармонией гласных.

Во-вторых, шестифонемная модель неоднородна в подходе к чередованиям гласных. Чередований аллофонов по этой модели всего пять: [a] – [ɔ], [e] – [i], [o] – [u], [e] – [ɛ] и [o] – [ɔ]. Первое уже иллюстрировалось выше. Примеры на остальные: *kulit* [kulet] "кожа" – *kulite* [kulite] "его кожа", *kondur* [kondor] "возвращаться" – *kondure* [kondure] "его возвращение", *gedhe* [gəde] "большой" – *gedhecake* [gəde?ake] "увеличивать", *paro* [paɔ] "пополам" – *parokake* [paɔ?ake] "сдавать исполу". Последние два чередования получаются при закрывании ауслauta [e] или [o] смычногортанным, которое сопровождается суффиксацией. Но есть еще два чередования, которые по шестифонемной концепции должны относиться к фонемным, а не аллофоническим: [i] – [ɛ] и [u] – [ɔ]. Они происходят в тех же условиях закрывания ауслauta: *ili* [ili] "течь" – *ilekake* [ile?ake] "пускать по течению", *tuki* [tuku] "покупать" – *tukokake* [tuko?ake] "покупать для (кого-л.)". Тем самым шестифонемная модель логически неоднородна, более сложна, включая чередования двух видов, тогда как в восьмифонемной все чередования гласных фонемные.

Наконец, в яванском языке есть исключения в отношении общих правил дистрибуции гласных. В частности, гласный [a] не встречается по правилу в ауслaute (так же, как [ə]), но это нарушается в словах некоторых специфических значений, например, в отрицании [oga] "нет, не" и в заимствованиях: [amerika] "Америка"; ср. [8, с. 316]. По восьмифонемной системе это – нарушение дистрибуции гласных фонем, что психологически более реально, чем нарушение дистрибуции аллофонов. Сходное нарушение мы встречаем в малайзийском языке, где вместо регулярного конечного [ə] в отдельных словах сохраняется исконный [a]: [mə(r)dɛka] "независимый, свободный", [lawa] "приятный, привлекательный".

В целом восьмифонемная модель яванского вокализма более адекватна его фонологической системе, чем шестифонемная, поскольку она не связана со сложными правилами выбора аллофонов, однородна в плане чередований, есте-

ственна в плане фонемной синтагматики и не предполагает нарушений дистрибуции аллофонов. В истории яванского языка совершился переход от шести-фонемного вокализма к восьмифонемному благодаря возникновению оппозиции гласных двух средних подъёмов.

Таблица 3

Сочетаемость восьми гласных фонем в морфемах 1-го и 2-го типов

а) Морфемы 1-го типа

2-й слог \ 1-й слог	/i/	/u/	/e/	/o/	/ɔ/
/i/	<i>iki</i> "этот"	<i>ritu</i> "семь"	<i>ipe</i> "зять"	<i>ijo</i> "зеленый"	<i>bisa</i> "мочь"
/u/	<i>kunci</i> "ключ"	<i>dudu</i> "не"	<i>duwe</i> "иметь"	<i>pulo</i> "остров"	<i>lunga</i> "идти"
/e/	—	—	<i>dhewe</i> "сам"	<i>beo</i> "майпа"	<i>desa</i> "деревня"
/o/	—	—	<i>kowe</i> "ты"	<i>bojo</i> "супруг"	<i>rosa</i> "сильный"
/ɛ/	<i>edi</i> "изящный"	<i>ewu</i> "тысяча"	=	=	=
/ɔ/	<i>rou</i> "хлеб"	<i>wolu</i> "восемь"	=	=	<i>ana</i> "быть"
/ə/	<i>geni</i> "огонь"	<i>letu</i> "толстый"	<i>gedhe</i> "большой"	<i>jero</i> "глубокий"	<i>teka</i> "приходить"
/a/	<i>danu</i> "солома"	<i>aku</i> "я"	<i>gawe</i> "делать"	<i>kanggo</i> "для"	—

б) Морфемы 2-го типа

2-й слог \ 1-й слог	/e/	/o/	/ɛ/	/ɔ/	/ə/	/a/
/i/	<i>cilik</i> "маленький"	<i>kidung</i> "поэма"	<i>ireh</i> "осторожно"	<i>isor</i> "нижний"	<i>iket</i> "повязка"	<i>tinggal</i> "оставлять"
/u/	<i>tulis</i> "писать"	<i>lulus</i> "проходить"	<i>suwek</i> "рванный"	<i>kulon</i> "юг"	<i>luwes</i> "гибкий"	<i>udan</i> "дождь"
[c]	<i>eling</i> "вспомнить"	<i>esuk</i> "утро"	—	<i>encong</i> "косой"	—	<i>setan</i> "черт"
/o/	<i>sopir</i> "шофер"	<i>kondur</i> "возвращаться"	<i>oleh</i> "получать"	—	—	<i>bocah</i> "ребенок"
/ɛ/	=	=	<i>leren</i> "остаиваться"	=	<i>mesem</i> "улыбаться"	—
/ɔ/	=	=	—	<i>godhong</i> "лист"	<i>bosen</i> "наскучить"	—
/ə/	<i>resik</i> "чистый"	<i>weruh</i> "знать"	<i>entek</i> "копчаться"	<i>kebon</i> "огород"	<i>enem</i> "шесть"	<i>kembang</i> "цветок"
/a/	<i>apik</i> "красивый"	<i>ambruk</i> "рухнуть"	<i>kates</i> "папайя"	<i>anjog</i> "спрыгнуть"	<i>bayem</i> "шпинат"	<i>layang</i> "письмо"

Дистрибуция восьми гласных фонем в морфемах 1-го и 2-го типов показана на примерах (в действующей орфографии) в табл. 3. При этом не учитываются исключения – новейшие заимствования, включая имена собственные. В табл. 3 морфемы (примеры), реализующие сочетания гласных, возможные в морфемах обоих типов, выделены полужирным шрифтом. Остальные примеры реализуют сочетания, допустимые в морфемах либо, 1-го, либо 2-го типа. Различаем также запрещенные сочетания гласных, которые теоретически возможны в морфемах или обоих, или только одного типа: первые обозначаются =, а вторые –.

Примеры заимствованы из [2], где Уленбек дает свою транслитерацию с диакритиками (см. выше), [9], в которой автор, И. Сухарно, пользуется фонематической транскрипцией, различая 8 гласных, и словаря [14], где различаются, согласно орфографии до 1973 г., гласные [ε] и [e].

Функциональная нагрузка восьми яванских гласных, естественно, меньше, чем та же нагрузка по шестифонемной системе. Весьма суммарно мы можем определить эту нагрузку как отношение числа разрешенных сочетаний гласных в морфеме к числу теоретически возможных. В шестифонемной системе из 36 сочетаний запрещено 6 вследствие отсутствия /ə/ в ауслауте, что дает суммарную нагрузку 83,3%. В восьмифонемной системе из 64 сочетаний запрещено 15, что дает суммарную нагрузку 76,6%. При более точном определении функциональной нагрузки, с учетом различий между морфемами 1-го и 2-го типов, а также с привлечением других, периферийных типов морфем, которые мы не рассматривали, окажется, что разница между двумя моделями вокализма еще больше. В частности, в морфемах типа 1 запрещены ауслаутные /ε/, /ə/ и /a/, а в морфемах типа 2 в последнем (закрытом) слоге запрещены /i/ и /u/.

Правда, это различие в функциональной нагрузке несколько сглаживается за счет заимствований, имен собственных, междометий, звукоподражаний и некоторых других слов специфической семантики. В них, как уже упоминалось в связи с конечным /a/, некоторые из запретов нарушаются: [ciɔda] "вид прически", [iɔa] "Ира" (и.с.ж.), [ɔɔŋ] "шашь!" (об одновременном уходе нескольких лиц), *mɔdɛ* [mɔdɛ] "мода". Другие запреты, вероятно, более строгие: так, вряд ли можно ожидать появления какой-либо новой лексики с конечным /ε/. Эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kiliaan H.N.* Javaansche spraakkunst. 's-Gravenhage, 1919. P. 37.
2. *Uhlenbeck E.M.* De structuur van de Javaanse morpheem. Bandoeng, 1949.
3. *Ras J.J.* Inleiding tot het modern Javaans. 2-de druk. Dordrecht, 1985.
4. *Теселкин А.С.* Яванский язык. М., 1961.
5. *Теселкин А.С.* Яванский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред Ярцева В.Н. М., 1990. С. 603.
6. *Uhlenbeck E.M.* // *Lingua*. 1963. V. 12. № 1. Rec.: Home E.C. Beginning Javanese.
7. *Horne E.C.* Beginning Javanese. New Haven, 1961.
8. *Samsuri.* Javanese phonemes and their distinctive features // *Medan Ilmu Pengetahuan*. 1961. Tahun 2. № 4.
9. *Suharno I.* A descriptive study of Javanese. Canberra, 1982.
10. *Emeis M.G.* Vocaal-harmonie in de Maleise kern van de Indonesische vocabulaire // *Bijdragen tot de taal-, land-, en volkenkunde*. 1955. Deel III. Af. 2.
11. *Алиева Н.Ф., Аракин В.Д., Оглоблин А.К., Сирк Ю.Х.* Грамматика индонезийского языка. М., 1972. С. 49–50.
12. *Зубкова Л.Г.* О гармонии гласных в индонезийском языке // *Языки Юго-Восточной Азии. Вопросы морфологии, фонетики и фонологии* / Отв. ред. Солнцева Н.В. М., 1970.
13. *Квантитативная типология языков Азии и Африки* / Отв. ред. Касевич В.Б., Яхонтов С.Е. Л., 1982. С. 132.
14. *Pigeaud Th.* Javaans-Nederlands handwoordenboek. Groningen; Batavia. S.a.

© 1993 г. БЕЛЯЕВ Д.Д.

**СЛАВЯНСКИЕ ЗАДНЕБЕБНЫЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ
РЕДУЦИРОВАННЫХ**

1. Комплекс конвергентно-дивергентных процессов, сложившийся вокруг гласных фонем *ъ, ь* и образно именуемый падением редуцированных, занимает в славянской языковой эволюции совершенно особое место [1]. С одной стороны, его хронология, протекание и результаты в различных регионах Славии далеки от идентичности [2, с. 185–207]. С другой – его универсальная системная значимость, выходящая за рамки фонологии, позволяет говорить о последнем общеславянском процессе, сконцентрировавшем основные противоречия праславянского языкового состояния и ознаменовавшем переход к эпохе самостоятельного развития отдельных языков [3].

Систематизируя звуковые изменения, авторы славянских исторических грамматик давно уже группируют их по наличию или отсутствию связи с падением редуцированных (см. [4, с. 50–57, 103–121]). Однако с течением времени становится все яснее, что такое различие нередко отражает лишь ограниченность соответствующих диахронических моделей. Думается, и сегодня не все еще последствия падения редуцированных выявлены и надлежащим образом проанализированы.

Продолжение этой работы невозможно без развития и углубления общих представлений о механизме, порождающем фонологические изменения и неочевидные связи между ними. Наиболее плодотворна модель языковых систем как популятивных объектов, функционирующих с установкой на самосохранение, так что становится возможным и желательным обращение к идейному багажу биологии, исследующей подобные объекты. Особенно перспективна концепция, разработанная Д.К. Беляевым на базе теории стресса Г. Селье (см. [5]). В соответствии с ней эволюция биологической популяции формируется двумя типами реакций на возмущения окружающей среды: 1) специфические реакции – прямая адаптация, адекватная характеру возмущающего фактора и оперативной нейтрализующая изменения среды, не превосходящие допустимого порога; 2) неспецифические, или стрессовые, реакции – разнонаправленная колебательная активизация изменчивости, определяемая не качеством, но запороговой интенсивностью возмущающего фактора (стрессора); снимая возникшее напряжение, стресс либо мобилизует дополнительные ресурсы, необходимые для успешной адаптации, либо приводит популяцию к энергетическому истощению и разрушению.

Лингвистическим аналогом реакции первого типа может служить смягчение согласных перед вновь возникшими передними гласными, положившее, например, начало второй (свистящей регрессивной) палатализации праславянских заднебных (далее П2). Подобные явления издавна находились в центре внимания исторической фонетики. Однако целый ряд процессов может быть по-настоящему объяснен только как результат реакции неспецифической, когда кардинальное изменение условий функционирования становится стрессором и прежде всего резко активизирует свободные разнонаправленные колебания фонологических единиц.

Внешнее воздействие преломляется через внутреннюю структуру реагирующего комплекса, в первую очередь оппозиции, динамика которой опре-

деляется как равнодействующая ряда фонологических сил. Выполнение функций отождествления и различения обеспечивается взаимодействием сил притяжения и отталкивания между членами оппозиции. Именно степень обострения противоречия между указанными силами детерминирует специфический либо неспецифический характер реакции. Кроме того, каждый опозит подвергается действию типологической силы, которая определяет более и менее вероятные пути его преобразования, и силы инерции, противостоящей любому преобразованию. Благодаря им спектр стрессовых колебаний оказывается не вполне свободным и однородным, разные его участки характеризуются различной интенсивностью.

Окончательную же судьбу колебаний определяет отбор – синтагматический, парадигматический, иногда экстрафонологический или экстралингвистический. Одни из них затухают, не оставив заметного следа, и реконструируются лишь на основании косвенных данных. Другие – спорадически закрепляются в единичных лексемах, грамматических формах. Некоторым удается получить позиционную прикреплённость или обусловленность (см. [6]), что приводит к более явным перестройкам. Наиболее оперативный и четко фиксируемый исход свободного варьирования – заполнение слабо нагруженной точки системы, в предельном случае – лакуны. В целом же развитие процессов такого рода требует существенно большего лингвистического и астрономического времени.

2. Согласно наиболее целостной и динамической концепции праславянской фонологической системы, предложенной В.К. Журавлевым, ее базовой единицей была группофонема (CV), чьи вокальные и консонантные элементы характеризовались единными интегрирующими признаками и, соответственно, ограниченной свободой сочетаемости [7]. В своем развитии эта система проходила ряд последовательно возникавших и разрешавшихся противоречий разной глубины и остроты [8]. В частности, по мере того, как звуковые элементы теряли свою автономию (приобретая статус квазифонем), группофонемы сами становились субъектом как парадигматических, так и синтагматических отношений. В последнем случае возникло противоречие между внутренней гомогенностью и гетерогенностью сочетаний группофонем в речевой цепи. Оно находило свое разрешение во взаимодействии соседних группофонем, которое постепенно нарастало в серии диахронических процессов VII–X вв., парадоксальным образом расшатывая устой группового сингармонизма. Во-первых, это прогрессивная (Бодуэнова) палатализация задненебных; именно анализ механизма заставляет считать ее третьей (ПЗ) [9]. Затем межслоговые ассимиляции по дизности – недизности типа *дъска* → *дъска*; контракция, т.е. слияние двух соседних группофонем путем подавления наиболее слабой консонантной квазифонемы *ǰ*; наконец, падение редуцированных – слияние группофонем путем подавления наиболее слабых вокальных квазифонем [10].

Последний процесс, прямо разрушая ядро большого числа группофонем, сделал необратимым разложение группового сингармонизма и положил начало формированию разнообразных систем иного, фонемного типа. Перед такими системами вставали сложные организационные задачи: распределение фонетического материала между подсистемами вокализма и консонантизма, формирование из него оппозиций, корреляций, наконец, собственно фонем.

При этом радикально изменялись условия функционирования элементов прежней системы, их синтагматических и парадигматических комплексов [11]. В частности, задненебные согласные до падения редуцированных сочетались исключительно с последующими гласными и сонантами (всего порядка десяти разных сочетаний). При нулизации слабых редуцированных, по частотности в тексте в пять раз превышавших сильные [12, с. 108], число таких сочетаний выросло вдвое. Появлялись принципиально новые позиции на конце слова и практически перед всеми шумными согласными, кроме, может быть, *ǰ*, *x*, *ž*, *c* (по материалам [13], охватывающим только изолированные словоформы).

Появление новых, неосвоенных позиций дифференциации (рост отталкивания), точно так же, как и фонетическое сближение оппозитивов (рост притяжения), всегда обостряет противоречие между основными фонологическими силами, повышая вероятность спорадического смешения единиц. Специфическая реакция в этом случае должна уменьшить величину одной из сил. Наиболее эффективный путь – позиционное ограничение, т.е. развитие нейтрализации, превращающей нежелательные функциональные нарушения в действительный системообразующий фактор, скелет оппозиции и корреляции [14; 15, с.14–15].

В славянских языках таким скелетом становилась консонантная нейтрализация по звонкости — глухости. Однако формирование ее на несколько столетий (вплоть до XV в.) отстояло от падения редуцированных [12, с.158–173; 16, с. 261–263]. Очевидно, движущее противоречие оказалось экстремально острым, что делало невозможной специфическую реакцию, т.е. прямой переход от причины (новые позиции) к следствию (фонетические изменения). А в "темные века" развивались, конкурировали и упорядочивались стрессовые реакции.

Блок задненебных занимал в славянском консонантизме особое положение. Внешнее возмущение усугублялось здесь внутренней неполнотой: лагуна на месте звонкого спиранта; отсутствие или ослабленность палатализованных единиц, периодически, хотя и не везде последовательно, замещающихся шипящими и свистящими рефlekсами. Такая ситуация усиливала лабильность блока, позволив ему лидировать в развитии общеконсонантной нейтрализации (см. ниже), а также возбуждая в нем свои особые колебания. При этом варибельность членов блока прямо зависела от степени их связности: поскольку $g : k : x$, то k (две связи) стабильнее, чем g и x (по одной связи).

Н.С. Трубецкой [17] попытался вывести весь комплекс позднеславянских преобразований задненебных из противоречия между корреляциями по звонкости и способу образования, которое обострялось там, где теряла смычку звонкая свистящая аффриката, – построение сколь искусное, столь же искусственное. Носитель противоречия – наиболее связанная ("перегруженная") фонема k , а изменения испытывают ее оппозитивы. Корреляция становится не результатом эволюционных процессов, а их телеологически изначально регулятором. Однако безусловную ценность представляет как само стремление выявить неочевидные причинно-следственные связи, так и идея о конкуренции фонологических признаков, определяющей пути эволюции блока.

Современный языковой материал и памятники письменности обнаруживают следы колебаний задненебных по всем признакам: наличию голоса (или напряженности), месту и способу образования, палатализованности. Следы эти могут быть прямыми (непосредственный рефлекс соответствующего процесса) либо косвенными (влияние на какой-либо смежный процесс); интенсивность их также неодинакова. Помимо становления общеконсонантной нейтрализации по звонкости, наибольшее развитие получили следующие процессы: 1) спирантизация g , т.е. сдвиг $k : g \rightarrow k : g/\gamma (\rightarrow \gamma \rightarrow h)$; 2) дивергенция x , т.е. $k : x \rightarrow k : x/h \rightarrow \dots$; 3) смягчение $K \rightarrow K/K'$.

Основной путь снятия стрессового напряжения в блоке определялся в ходе конкуренции между процессами 1 и 2, о чем свидетельствует, в частности, их лингвогеографическая дополнительность (лишь в словенском языке, видимо, изначально сложился весьма своеобразный компромисс [17, с. 179]). Процесс 3 мог развиваться в обоих случаях. Ниже все эти процессы рассматриваются в порядке перечисления.

3. Колебание $k : g \rightarrow k/g : g/k$, уменьшавшее отталкивание между оппозитивами за счет сужения их дифференциации, становилось, как отмечено выше, самым ранним активным проявлением корреляции по звонкости: русск. *цѣѣта гласьнаго* (XII в. – в сильной позиции!); чеш. *gdež*, польск. *wedluk* (XIV в.) [12, с. 161–163; 18, с. 87; 19, с. 170]. Однако еще ранее было обобщено варьирование по способу

образования $k : g/\gamma \rightarrow k : \gamma$, уменьшавшее сходство оппозитивов (притяжение). Оно стимулировалось, во-первых, наличием вышеупомянутой системной лакуны, во-вторых – мощной типологической силой [20], которая обусловила быструю победу данного сдвига над конкурирующим колебанием x/γ .

Кажущаяся жесткая однозначность процесса вызывает соблазн его телеологического объяснения по т р е б н о с т ь ю в заполнении лакуны, трактуемой как диахроническая закономерность. Но такое объяснение противоречит имеющимся фактам. И прежде всего тому, что сдвиг охватил лишь часть – хотя и значительную – Славии: чешский, словацкий, верхнелужицкий, украинский, белорусский языки, южнорусские, северо-западные словенские, чакавские сербохорватские говоры. В прочих ареалах сила инерции смогла нейтрализовать и стрессовый импульс, не встречавший отталкивания, и типологический вектор. Рационально объяснить это обстоятельство – значит найти дополнительный фактор, благоприятный или неблагоприятный для сдвига.

Таким фактором могла стать структура чередований задненебных с продуктами П2–П3. Мнение (переосмысляющее идеи Н.С. Трубецкого) о том, что она была основным стимулом сдвига [21; 22, с. 71–72; 12, с. 49–55], связано с недооценкой примата внутренних сил в эволюции системного объекта (если речь не идет о ломке системы). Однако не подлежит сомнению эволюционная активность противоречия между фонологической и грамматической системами. В эпоху кризиса и распада группового сингармонизма оно приобрело особую остроту, так что грамматика не только интенсивно использовала плоды фонологических процессов, но и регулировала их протекание. Это ярко проявилось, например, в своеобразном механизме П3 [9].

В данном случае вполне вероятно, что гетерогенность по способу образования морфемы g/z ($\leftarrow z$): *nogalnoz'ě, mogol/moz'i* – подталкивала сдвиг, а сохранение полной гомогенности: g/z , k/c , x/s (β') – тормозило его. Последнее имело место в лехитском и болгаро-македонском ареалах.

Севернорусское состояние, которое Н.С. Трубецкой связывал с развитием цоканья, объясняется незавершенностью самих свистящих палатализаций. Наиболее эффективным стимулом к фонологизации и ассимиляции задненебных, смягченных на первой стадии П2, была конвергенция с продуктами П3. Между тем, как показано ранее [9, с.114–115], на периферии восточнославянского ареала последняя вообще не сложилась как органичный процесс и в словоизменительных парадигмах сохранялись гомогенные позиционные чередования k/k' , g/g' , x/x' (см. также [12, с. 50–55]). Свистящие рефлексy распространялись здесь позже, путем заимствования, и уже не испытывали морфонологизации. Правда, оперативно сформировались продуктивные словообразовательные модели на базе суф. *-ыч-, -иц-*, мотивированные общеславянской перегруженностью *k*-деривации. И это может создавать иллюзию, что прогрессивная палатализация была более последовательной, чем регрессивная, и даже старше хронологически (см. [23]).

Для нижнелужицкого языка наиболее правдоподобно экстралингвистическое объяснение – подавление сдвига вторичным лехитским влиянием: его древние следы сохранила топонимия западной, онемеченной части лужицкого ареала [24, с. 46–49]. Таким образом, пока не имеет рационального объяснения лишь неполный охват сдвигом сербохорватского и словенского языков.

В пользу предлагаемой модели процесса (стрессовое колебание \rightarrow его затухание или обобщение сдвига) свидетельствует, очевидно, то, что единичные следы колебания можно обнаружить широко за пределами γ -ареала. Так, в большинстве языков и диалектов закрепилось варьирование g/γ перед смычными согласными. В севернорусском ареале особенно благоприятна интервокальная позиция, где наблюдается γ , его нулизация и заполнение хиатуса. Примеры обычно морфологизованы (местоименно-адъективная флексия *-оуо/-*

ооl-ово, имеющая кашубский аналог) и лексикализованы (*коровод, мново, повост*) [4, с. 126; 25, с. 157–158; 26, с. 387]. Напротив, явно противоречит модели трактовка сдвига как праславянского диалектизма, особенно притягательная в связи с компактностью его ареала (см. [27]). Для разрешения этого противоречия необходимо обратиться к абсолютной хронологии процесса, судить о которой позволяет его письменное отражение.

4. Более оперативное прямое отражение спирализации могла обеспечить латиница, изначально различавшая графемы *g* – *h*. Исключая не вполне достоверные примеры, зафиксированные поздними копиями (XII/XIV в.), самыми ранними следует считать чеш. *Bohuslaus* (1169 г.), словц. *Holobopatach, Hostamistil, Hylyunic* (1208 г.), в.-луж. *Vohuse* (1234 г.) [18, с. 69; 22, с. 70–71; 24, с. 44–46]. Параллельно, медленно убывая, и позже продолжали появляться написания с *g* – длительность преодоления консерватизма графики, обусловленная отсутствием фонологической оппозиции. Иначе говоря, уже первые употребления графемы *h* должны отражать завершившееся обобщение сдвига, а не его начало либо последующую стадию $\gamma \rightarrow h$ (см. ниже).

Таким образом, выстраивается следующая хронологическая цепочка, достаточно хорошо согласующаяся с предложенным причинно-следственным механизмом (возможно некоторое запаздывание в верхнелужицком): 1) падение редуцированных – X в.; 2) генезис и конкуренция стрессовых колебаний – XI в.; 3) обобщение сдвига $g/\gamma \rightarrow \gamma$ – XII в. Южнославянский, в частности словенский, материал достаточно четких данных об абсолютной хронологии сдвига не содержит [28, с. 57–60].

Фрагментарным источником для хронологизации сдвига в южной части восточнославянского ареала являются показания латиницы из контактной юго-западной зоны: *Halicie rex* (1229 г.) / *Gallicia* (1254 г.), венг. *hirib, Záhony* (← *грибъ, Загоны*, XII в.) [29, с. 354; 30]. Кириллические свидетельства могут быть только косвенными – пропуски и смешение графем, передача заимствований.

Так, о чуждости звонкого заднеязычного спиранта местной фонологической системе свидетельствует субституция $\phi/j/\psi$ в германизмах конца I тыс.: *Аскольдъ, Ольгъ, Яволодъ, яворъ, Якунъ/Акунъ*. Не могут служить контраргументом названия днепровских порогов у Константина Багрянородного (949 г.) или пропуск *g* в консонантных сочетаниях (XI в.); отражает восприятие старофранцузской речи написание *Ана рѣина* 1068 г.), старочешской – *осподаря* (середина XII в.) [12, с. 49; 16, с. 296; 29, с. 351]. Кстати говоря, последний пример может быть самым ранним (до 1151 г.) косвенным следом чешского сдвига. Дублиеты типа *иота/гета, январь/генуарь, Юрьева/Гургева* прямо восходят к среднегреческому варьированию.

Наиболее показателен один случай повторного заимствования: киевское графито конца XI в. содержит лексему *чуа* (← тюрк. **çha*), которая в конце XII в. ("Слово о полку Игореве") выступает уже как *чага* [31]. Очевидно, именно в этот промежуток времени сдвиг был обобщен, система получила фонему γ , а графема *g* – новое основное значение. Отталкиваясь от последнего, иноязычное *g* в XIII в. уже начинает обозначаться через *к*: *Вликаилъ, Викынтъ, герцикъ, жака* (1215–1251 гг./1425 г.) [29, с. 352]. В XIV в. эту функцию выполняет и диграф *кz* [4, с. 125] – продукт временного усиления оппозиции *g* : γ (о ее последующей судьбе см. ниже). Примечательно, что маркированной становилась при этом "старая", смычная фонема.

Таким образом, для ядра восточнославянского ареала сдвига ("Русская земля" в узком смысле [32] плюс Галицкая и Волынская земли) вероятная дата его обобщения совпадает с западнославянской – XII в. Между тем восточно-

славянское падение редуцированных традиционно считается более поздним (XI–XII вв.), что явно не вписывается в построенную хронологическую цепочку. Точно такая же проблема возникает, однако, и при рассмотрении специфических реакций, несомненно вытекавших из падения редуцированных: "Уже с конца XI или начала XII в. в восточнославянских говорах распространяются его последствия" [33]. Думается, разгадку надо искать в механизме процесса.

Как известно [2, с. 160–173], в восточнославянском ареале отсутствовала контракция, которая могла бы подготовить плавный переход к подавлению слабых вокальных единиц. Взамен самые ранние тексты XI в. отражают чрезвычайно интенсивные взаимные ассимиляции соседних групп фонем по дизности – недизности [12, с. 98–106]. Этот процесс оказывал особенно значительное влияние на редуцированные, лишая их фонемной значимости и превращая в вокальные прокладки (видимо, уже в X в.: см. вариативность их передачи в греческих транскрипциях [34]).

Результатом стало стрессовое колебание в двух внешне противоположных, но внутренне взаимообусловленных формах: 1) вставка редуцированных в любых консонантных сочетаниях, независимо от позиции, 2) их "зеркальный" пропуск, первоначально также не зависевший от позиции [12, с. 108–121]. Оно усиливало колебательный характер процесса, создавая в итоге эффект его замедления (не исключено, что часто сугубо орфографический). Иначе говоря, восточнославянское падение редуцированных было не более поздним, но более растянутым, менее компактным: "...утрата редуцированных происходила несколько раз" [12, с. 130].

При этом уже первая волна выпадения редуцированных оказалась достаточно мощной, чтобы вызвать разнообразные последствия, в том числе колебания в блоке заднеязычных. Наиболее ранним отражением последних стало смешение $z - x$ в южных текстах XI–XII вв.: *кънихъчии, ходъ, хрѣха, хроуши, оукругъ, слоугъ, драгмы* [29, с. 350–351; 35, с. 134]. Правда, первый и последний примеры скорее всего старославянские, но игнорировать остальные невозможно. А ключ к их интерпретации дает позиционное распределение: $z \rightarrow x$ в начале слова (перед гласными и r), $x \rightarrow z$ в конце слова. Видимо, смешение вызвано столкновением первичных колебаний g/γ и x/γ (каждое по отдельности скорее всего осталось бы незамеченным) в максимально свободном положении на словенской границе. Снятие позиционной прикреплённости и расширение этого явления в XIII в. [12, с. 49] сделало z/x традиционным вариантом графемы z как знака фонемы γ (см. выше).

Все сказанное приводит к выводу, что хронология восточнославянских процессов принципиально не отличается от западнославянской и в целом допускает аналогичное истолкование. При этом конкретное воплощение причинно-следственных связей, механизм их действия обнаруживает значительное своеобразие. С последним обстоятельством связан еще один гипотетический, но чрезвычайно живучий тезис – о древних субстратных корнях местного γ (см. [35, с. 128–132]). Рассмотренные выше факты не позволяют включить такую фонему в основную фонологическую систему до XII в. Однако не исключено ее вхождение в систему маргинальную, связанную, скажем, с сакральной лексикой антского этноса – продукта славяно-иранского симбиоза первой половины I тыс. [35, с. 44]. Симптоматично, что бесспорно иранизированное ядро этой лексики – **bogъ* и его производные [13, вып. 2, с. 159–163] – отражает заднеязычный спирант не только во всем восточнославянском ареале, но и за его пределами. В условиях кривизы языческой идеологии согласный γ , теряя маргинальный характер и конвертируясь с вновь развивавшимися свободными вариантами, мог способствовать обобщению соответствующего сдвига (ср. роль экспрессивной лексики в генезисе праславянской фонемы x [15, с.30]).

5. Сегодня не может казаться убедительным такое, например, объяснение неустойчивости славянского x : "Это не k , потерявшее затвор, но чаще всего γ , получившее характер спиранта" [36]. По-настоящему объяснить изменение – значит включить его в системно-диахронический контекст. Выше предложено трактовать весь спектр преобразований x как второй, альтернативный путь снятия напряжения в блоке заднечелюстных после падения редуцированных. В ходе развернувшейся конкуренции обобщение первого, рассмотренного только что сдвига стабилизировало фонему, связывая ее оппозицией $\gamma : x$, а затухание – стимулировало ее неустойчивость.

Против такой трактовки может быть выдвинут серьезный аргумент: конечные результаты процесса 2 фиксируются в XV–XVI вв., т.е. через три столетия после процесса 1. Думается, однако, что этот временной разрыв отражает различие эволюционных механизмов. Не ориентируемый столь же сильным типологическим вектором, процесс 2 оказался гораздо менее интенсивным, более вариативным и в принципе обратимым. Он полнее отразил стрессовый характер первичной реакции, возможность альтернативного развития в рамках даже одного языка.

Ранее прочих смогли быть зафиксированы колебания, пересекавшие со смежными единицами. Во-первых, $g : x \rightarrow g/\gamma : x/\gamma$ (XI–XII вв., см. выше). Во-вторых, $k : x \rightarrow k/x : x/k$: др.-болг. *паска*, *пазоуки*, *скимы* (XII–XIV вв.) [37] на фоне практически общеславянской диссимиляции типа *къто* \rightarrow *хто*. В ареалах, где колебание g/γ затухло, не оставив заметных следов, часто расширяется позиционное чередование x/γ : не только перед звонкими шумными, но и между гласными, иногда перед гласными или сонантами (см. ниже). Но наиболее свободным, распространенным и плодотворным стало колебание $k : x \rightarrow k : x/h$ – пробы сдвига по месту образования в фарингальную зону, не освоенную системным пространством.

Несистемный, пограничный характер такого колебания позволил ему, видимо, стать источником сравнительно глубокой и широкой артикуляции x , характерной для славянских языков вообще [17, с. 169; 38]. За пределами же γ -ареала оно могло длительное время сохранять состояние неустойчивого равновесия, которое впоследствии разрешалось двояко: либо стабилизацией h , либо (что вероятнее) вторичной дивергенцией. Первый исход стал преобладающим в словенском языке (см. данные XVIII в. [39]); его отмеченная выше нетипичность проявилась и в особенно активном освоении фаринкса. Второй реализовался, более или менее интенсивно, в македонском, сербохорватском, болгарском, нижнелужицком языках, польских и севернорусских говорах.

Критической точкой, породившей дивергирующий импульс, стало закономерное приближение сдвига к фонетическому нулю $x/h \rightarrow h/\emptyset$ (см. [40, с. 110]). Вступая в противоречие с функциональной нагрузкой фонемы, ноль порождал два полярных типа реакций (обобщение от нуля – отталкивание от нуля), завершавшихся следующими исходами:

1) $\rightarrow \emptyset$ – обобщение, предельное расширение щели (в интервокальной позиции возможно заполнение хиатуса вставными u, j);

2) $\rightarrow f$ – предельное отталкивание по месту образования (совпадающее со специфическими, ассимилятивно-диссимилятивными реакциями в сочетаниях $xu' \rightarrow f, xi \rightarrow fi$);

3) $\rightarrow k$ – предельное отталкивание по степени сужения в смежной локальной зоне.

Этот набор рефлексов типичен для различных критических ситуаций (ср., например, дивергенцию h в германизмах, заимствованных романскими диалектами [40, с. 106–107]). Однако их дальнейшая судьба определялась конкретной фонологической ситуацией. Рефлексы 1 и 3 должны были конвергировать с

существующими функциональными единицами (\emptyset и фонема k), а следовательно – преодолеть более или менее значительное отталкивание. Рефлекс 2 отталкивания не встречал (фонема f в славянских языках той эпохи практически отсутствовала). Но его закрепление прямо зависело от наличия системной лакуны, создаваемой звонким шумным оппозитом υ , который развивался (или не развивался) в отдельных языках и диалектах в различное время. Данные обстоятельства исключали возможность абсолютной победы какого-либо из рефлексов и способствовали морфологизации и лексикализации дивергентов. Окончательную картину осложняли вторичные синтагматические и парадигматические взаимодействия, аналогические переносы.

б. С наибольшей полнотой построенная схема воплощена в южнославянском ареале. Так, хотя болгарский литературный язык сохраняет фонему x , ее разрушение ($x \rightarrow \emptyset \rightarrow v$; $x \rightarrow \phi$) отражается в текстах с XV в., а рефлексы богато представлены в современных говорах [37; 41–43]:

x – лучше всего сохраняется на юго-востоке, а в других ареалах (по степени убывания: северо-восток, юго-запад, северо-запад) прикреплен к конечной части слова;

\emptyset – повсеместно преобладает в начале слова и между гласными, на западе (особенно северо-западе) чаще занимает и другие позиции;

v – часто заполняет хиатус на северо-западе, на северо-востоке морфологизован, на юге практически отсутствует;

\dot{y} – в целом редок и чаще всего морфологизован, на северо-западе возникает после передних гласных (*тяйна* ← *тяйна*);

ϕ – повсеместно встречается на конце слова, на юго-востоке – и между гласными, довольно редок на западе (особенно северо-западе). Сквозь эту пеструю, типично стрессовую картину просматриваются некоторые нежесткие закономерности, прежде всего дополнительное в целом распределение рефлексов 1 и 2 при почти полном отсутствии рефлекса 3.

Сербохорватский язык еще ближе к утрате фонемы, процесс разрушения которой (пропуск x и неэтимологические вставки: *изоди* – *хавати се* и т.п.) фиксируется в текстах с XVI в. (единичный пример XV в.: *не оћу*) [44, с. 105–108; 45–48]. В современных говорах за пределами чакавского диалекта, развившего оппозицию γ : x , фонема отсутствует или значительно ослаблена. Вук Караджич лишь в 1836 г. вернул ее в состав литературного языка. И несмотря на целенаправленную работу по реконструкции фонемы, в целом ряде случаев дивергенция дала необратимые результаты: *прѡмаја*, *тѡвр*, *мѡрва* и т.д.

Развитие и результаты процесса в главном противоположны болгарскому. Отсутствует рефлекс 2, не отыскавший системной ниши в связи с сохранением сонорности фонемой υ . При этом спорадическая нулизация последней может компенсироваться за счет прямого перехода $x \rightarrow v$ (обычно в соседстве с сонантами: *врѡвови*, *кијевнут*, *тѡвр*). В целом преобладает рефлекс 1; способ заполнения хиатуса варьируется, часто обнаруживая позиционную прикрепленность: *ѡво* – *снаја*. В черногорских, некоторых герцеговинских, южно-сербских говорах отмечен и рефлекс 3, прикрепленный к концу слова и склонный к морфологизации: *дук*, *очѡјук*, *рекок*; с парадигматической меной *ѡраг*, *ѡвијег*, *кѡстиг*, *ѡбѡг*. Некоторые говоры мусульман Боснии и Герцеговины, напротив, морфологизуют рефлекс 1 (*писа* \emptyset , *ови* \emptyset) – в прочих случаях на базе сакральной лексики восстанавливается фарингальный h . В западно-черногорских говорах, сохраняющих x , закрепились позиционное озвончение: *ѡћеш*, *мѡга*.

Македонский процесс разрушения x , отразившийся в текстах с XVI в. (рефлексы 1, 2), завершился в подавляющем большинстве говоров, что зафиксировано и литературным языком, с его молодой нормой [49–52]. Механизм

дивергенции здесь близок болгарскому, хотя имеет и отдельные черты сербского типа. В целом преобладает рефлекс 1; хиатус обычно заполняется при помощи *в*, но в западном диалекте – только после *у*: *мува – троа*. Рефлекс *ј* вообще редок. В восточном диалекте он может быть результатом прогрессивного смягчения, как в западноболгарском: *нијна ← нићна*. Но в корчанском говоре (восточного происхождения на территории Албании) приобрел аномальную свободу, преодолев позиционные ограничения: *смајна, рекој*.

В западном и северном диалектах рядом с согласными *и* на конце слова преобладает рефлекс 2, нередко с озвончением: *нифна, беф / нивна*, по аналогии *бев*. В восточных говорах возможна морфологизация (прош. вр. глагола) конечного исходного согласного (*бех*), а в западных – редкого в прочих случаях рефлекса 3 (*бек*). Встречается и позиционное озвончение *х* перед сонантами: *еула, Меумет*.

Интенсивность процесса дивергенции *х* в южнославянском ареале иногда трактуется как один из балканизмов [16, с.298]. Представляется, однако, что в любом случае определяющим был внутренний фактор – общая раздробленность консонантизма. Экстралингвистическим фактором, благоприятным для закрепления результатов процесса, мог явиться разрыв культурной традиции, вызванный османским завоеванием.

7. На севере Славии, где сложились более мощные коррелятивные структуры, а также именно в XV–XVI вв. возрастала стабилизирующая роль литературного языка, итоговая реализация принципиальной схемы процесса предстает в гораздо менее интенсивном варианте. Особенно показательны данные польского языка [19, с. 159–161; 52–54; 55, с. 105–106]. Наиболее ранние свидетельства дивергенции отражают рефлекс 3 на конце слова: *pospolityg, yawnyk, grzek* (XV в.). В современных малопольских говорах он выступает в той же позиции и рядом с согласными (где появился, скорее всего, ассимилятивно-диссимилятивным путем): *duk, byfek, tyk, skowac, uskne, ksdn, kce, uetkac*. Конечную позицию занимает и рефлекс 2, более ограниченный территориально. Иногда соотношение рефлексов морфологизовано: *daf* (корень) – *byfek* (формант). Не ограничен позиционно рефлекс 1: *jzby, sowac, du(x), po^hozi, o^hota, su^u, pojeali*, но нулизация выражена слабее, чем в южнославянском ареале. Часто сохраняются разного рода призвуки, хиатус заполняется редко (посредством *и* и только рядом с огубленными гласными), рефлекс *ј* отсутствует.

Выявленная картина говорит о том, что естественное протекание процесса было прервано стабилизирующим воздействием и перешло в обратное движение к реконструкции фонемы. Показательно в этом смысле весьма пространное соотношение "х в проверяемых позициях (явно результат аналогии) – к в непроверяемых": *duch – byfek, tyk, na nogak*. Вторично сужена, видимо, и территория дивергенции: ее более слабые следы, как и исторические примеры, рассеяны за пределами Малопольши. Одним из средств стабилизации могло стать и позиционное озвончение *х → у* перед и между гласными, охватившее практически всю территорию Польши. Не породив подлинной нейтрализации ввиду отсутствия фонемы *у*, оно, тем не менее, дополнительно зафиксировало физическую реализацию *х* (ср. аналогичный, но более редкий эффект в сербохорватских и македонских говорах).

Севернорусский процесс дивергенции *х* еще более своеобразен [4, с. 127–129; 25, с. 57–59, 148, 162; 56–57]. Уже в XIII в. здесь достоверно отражается рефлекс 2, однако исключительно на месте *хв* (результат слияния: *Тфѣрь, лифою*) и при освоении заимствований: *Амфилофии (пх → пф → тф), Фрусанфа, фронграфъ, финштомъ* (ср. южное *химипеть*, XII в.). Таким образом, это еще не результат органичного развития процесса, но перетекание неустоявшихся

фонетических элементов в новую системную лакуну (именно в это время на северо-востоке Руси формировалась шумная фонема ψ [12, с. 171–173]). Подлинные следы дивергенции появляются гораздо позже в виде рефлекса 3 : *алманакъ, затклость, колера* (XVI в.), *клевовь, клѣба* (XVII в.).

В современных говорах рефлексы прикреплены к различным позициям: k перед гласными и сонорными согласными, а также в проверяемом конце слова (*клев, крен, кутор, пазука, искудалой, веткой, сполск*); ψ перед шумными согласными и в конечной непроверяемой позиции, где морфологизуется (*фто* ← *кто* ← *къто, лѣфко* ← *лѣхко* ← *лъгъко, в домаф, добрыф*; единичны случаи типа *офота, футор*). Общее преобладание x , как и в польском языке, есть результат реконструкции под влиянием литературного языка; в недавнем прошлом дивергенция явно была представлена сильнее.

В данном варианте принципиальной схемы полностью отсутствует нулевой рефлекс, вытесненный прежде всего смычным k . Популярное объяснение этого факта – финно-угорский субстрат на территории колонизации. Однако даже если это справедливо, речь должна идти не о прямом заимствовании, но о внешнем факторе выбора в критической точке процесса. Внутренним фактором могло стать более интенсивное отталкивание от ψ .

О недостаточности субстратной трактовки севернорусского k говорят и данные няженлуижского языка. Здесь дивергенция имеет вид $x \rightarrow x + k$; рефлекс 3 лексикализован и позиционно ограничен (главным образом перед исконными сонантами): *klěb, ktuskaš, ktopc, kmjel, ksen, kšastaš, kšud, kšuna, kšebjat, korčeé, kšés* [13, вып. 8]. Правда, природа и хронология такой рефлексации проблематичны (ср. ниже более поздние западнославянские аналоги).

8. На базе колебаний по палатализованности в славянских языках развивался процесс 3 – смягчение заднебных, выделявшее их среди других согласных. Множество явлений, которые могут быть связаны с этим процессом, неоднородно по условиям реализации, характеру отражения и достоверности хронологизации:

1) $Ky \rightarrow Ki$ в восточнославянских текстах XII–XIV вв. и сербских текстах XII–XIII вв.;

2) $Ky \rightarrow K'i, Ke \rightarrow K'e$ в лехитском и лужицком ареалах (отражается с XV в.); то же в болгарских и македонских говорах, словенская "новая палатализация" (хронология проблематична);

3) $KV \rightarrow K'V$ после C' во многих русских говорах (отражается с XV в.); то же в болгарских, македонских, украинских говорах (хронология проблематична);

4) $K \rightarrow K'$ после передних гласных в болгарских, македонских, лужицких говорах (хронология проблематична);

5) $y \rightarrow (C +) e + (K +) i$ (*rebe : kislej, chitat'i, ka \rightarrow ká* перед C' (*káá'*) на юге среднесловацкого наречия (должно быть отнесено к XII–XIV вв.) [22, с. 68–69];

6) $\check{a} \rightarrow \check{a} (+ C) + \check{e} (+ k)$ в чешском языке (*paty : měkky*), должно быть отнесено к XI в. [18, с. 51–52];

7) "неорганические" палатальные перед k в сербохорватском языке (*цѣнька, затѣлька*) [44, с. 138].

Характер, темп протекания и интенсивность процесса определялись взаимодействием целого ряда фонологических и экстрафонологических факторов (степень поддержки – парадигматической со стороны прочих C' , синтагматической со стороны соседних единиц; степень лабильности последующих гласных; сила отталкивания со стороны наличных K' – заимствованных и продуктов незавершенных П2–П3; морфологизация на границе морфем). Его конечная судьба зависела от эволюции общеконсонантной мягкостной корреляции.

Рамки данной статьи не позволяют дать детальный анализ процесса 3, который должен стать предметом специального исследования. Однако уже беглый обзор дает представление о стрессовом характере первичных колебаний (разнообразии условий, вариативности развития, отклонения в периферийных зонах) и об их связи с падением редуцированных. Время их закрепления – в основном XII–XIV вв., т.е. несколько позже процесса 1 и перед проявлением процесса 2 (запаздывание в лехитском ареале, как и в случае русского прогрессивного смягчения [58, с. 108–123], – проблема явно графическая, а не фонетическая). При этом конкуренция с другими процессами выражалась в различной активности смягчаемых согласных: развитие процесса 1 закономерно подавляло смягчение g/γ (особенно значительно в украинском языке), процесс 2 – смягчение x (особенно в польском, нижнелужицком). В итоге парадоксальным образом самой подвижной оказалась здесь наиболее стабильная в целом фонема k .

9. Без учета особенностей смягчения процессы 1–2, доведенные до логического завершения, должны были разделить Славию на две области с альтернативным составом блока заднебных: а) $k : x : \gamma$; б) $k : g$. Но реальная картина оказалась сложнее. Факторы лингвистические (позиционные, грамматические и т.д.) и экстралингвистические (взаимодействие языков и диалектов) обычно приводили к сосуществованию в рамках одной системы g и γ , более или менее полному восстановлению x . Появлялась возможность построения симметричной фонологической системы, которая, однако, нигде не реализовалась, так как активизировались (особенно в XVII в.) силы, сужающие состав блока.

Основной эффект происходивших изменений – подавление "типологически избыточной" [59] оппозиции $g : \gamma$. Соотносительность оппозитивов нарушалась уже при переходе ко второй стадии сдвига $l \gamma \rightarrow h$ на большей части его ареала. Верхнелужицкий язык, где интенсивная германизация особенно значительно усиливала оппозицию, перешел и к третьей стадии $h \rightarrow \emptyset$ ($\rightarrow \underline{u}$ в хиатусе); лишь в начале слова перед гласными перевешивает противоположный процесс, h -протеза: *hora* – *hněw*, *sněh* [*ńěw*, *sńě*] – *noha* [*noha/nao/ноца*].

Прямой путь к устранению оппозиции – постепенная субституция смычного согласного на место заимствованного целевого и наоборот, как происходит, например, в русском и украинском литературных языках соответственно [58, с. 46–49; 60]. Косвенный путь – ослабление смежной оппозиции $h : x$. Так, многочисленные заимствования в польском языке испытали конвергенцию $h \times x \rightarrow x$ [19, с. 159–160], которая стала, по сути дела, оборотной стороной варьирования x/γ . Аналогичное смешение, но с двояким исходом развивается в ареалах с основной фонемой h (словацкие, западнословенские, спорадически закарпатские украинские говоры [22, с. 73; 61; 28, с. 61–63; 29, с. 694]); см., например, вост.-слвц. *noha*, *tuha/nocha*, *tucha*. Альтернативный путь развития этой же оппозиции – отталкивание по способу образования, приводящее к спорадическим смешениям $x \times k \rightarrow k$, напоминающим типичный севернославянский рефлекс дивергенции x . Такое развитие демонстрирует, в частности, диалектная и просторечная лексика чешского (*kolera*, *koráhev*, *koště*, *skovati*, *křasnouť*, *křen*, *křibet*, *křoupati*, *pokvaliti*, *kvila* и т.д.) и словацкого (*kolera*, *koruhva*, *skodi*, *sknúť*, *krasta*, *kcem*, *sukší* и т.д.) языков [13, вып. 8; 61–62].

Особняком стоит загадочный сдвиг $x \rightarrow k^h$, охвативший начало корня в верхнелужицком языке: *k^hory*, *k^hlěb*, *k^hribjet*, *k^hwila*, *wot* – *k^hilność* и т.п. Традиционное объяснение его немецким влиянием, основанное на чисто внешнем фонетическом сходстве, сегодня всерьез не рассматривается. Известны две внутренние модели процесса – синтагматическая (диссимилиация перед \underline{u} плюс аналогическое обобщение) [63] и парадигматическая (отталкивание от h) [55,

с. 106–107]. Вторая модель убедительно объясняет позиционную ограниченность изменения (именно фонема *h* оказалась изолированной в начале слова; *k^h* после приставок следует считать вторичным). Думается, она же может стать основой для объяснения специфики его рефлекса.

Во-первых, варьирующий импульс стал здесь особенно сильным, поскольку мощность *h* возросла за счет конвергенции с протетическими согласными (*hač*, *hinak*). В совокупности с предельно узким полем действия это придало сдвигу массовый, регулярный характер, что в свою очередь вызвало более сильное отталкивание со стороны фонемы *k*, обусловившее неконвергентный характер изменения. Во-вторых, благоприятной точкой для сдвига стала системная лакуна на месте заднеязычной аффрикаты, которая была индуцирована особенно многочисленными активно участвующими в нейтрализациях аффрикатами других локальных рядов (*s*, *s'*, *š*, *š'*).

Рассмотренные явления еще раз убедительно опровергают тезис о симметрии как цели эволюции. Цель, стоящая перед фонологической системой, – обеспечивать построение языковых знаков в условиях нестабильной среды. Несимметричные, слабо (вплоть до нуля) нагруженные точки служат при этом запасным резервуаром, способным принять фонетические потоки, порождаемые при резких смещениях фонологических единиц. Их отсутствие ослабило бы сопротивляемость системы новым возмущениям. Потому заполнение лакуны обычно компенсируется в том же или другом периферийном участке. Это происходит путем фонетического “изнашивания” (термин Е.Д. Поливанова [64]) там, где плотность стабилизирующих фонологических связей сравнительно низка.

10. Обобщение рассмотренного выше языкового материала позволяет построить следующую диахроническую цепочку:

- 1) падение редуцированных, X–XII вв.;
- 2) генезис и конкуренция первичных стрессовых колебаний, XI–XII вв.;
- 3) обобщение или затухание сдвига $g/\gamma \rightarrow \gamma$, XII–XIII вв.;
- 4) затухание или развитие сдвига $x/h \rightarrow h/\phi$, XIII–XIV вв.;
- 5) закрепление или затухание смягчения заднебных, XII–XIV вв.;
- 6) вторичная дивергенция x , XIV–XVI вв.;
- 7) сужение состава блока, XVII–XX вв.

Представляется, что анализ эволюции блока заднебных согласных в славянских языках обнаруживает плодотворность концепции стресса как механизма самосохранения фонологической системы. Ее применение позволяет значительно расширить объем выявляемых причинно-следственных связей и увеличить длину причинно-следственных цепочек. Разумеется, степень достоверности выявляемых связей не может быть одинаковой во всех случаях. Но следует полагать, что и гипотетическое объяснение фактов предпочтительнее, чем отсутствие всякого объяснения. Без таких гипотез невозможно дальнейшее повышение объяснительной силы моделей, разрабатываемых диахронической фонологией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев В.К. Диахроническая фонология. М., 1986
2. Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky. Bratislava, 1974.
3. Shevelov G. A prehistory of Slavic. N.Y., 1965. P. 462–463.
4. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
5. Бабков В.В. Системный стиль в изучении естественного отбора // Системные исследования. М., 1981.
6. Пеньковский А.Б. О несвободе свободного варьирования аллофонов // Вопросы фонологии и фонетики. М., 1971.
7. Журавлев В.К. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1963.

8. *Беляев Д.Д.* Развертывание внутренних противоречий в истории праславянского языка // Принципы создания исторических грамматик языков разных систем: Тезисы. М., 1989. С. 10–13.
9. *Беляев Д.Д.* Третья палатализация праславянских задненебных: механизм и хронология // ВЯ. 1986. № 2.
10. *Журавлев В.К.* Правило Гавлика и механизм падения редуцированных // ВЯ. 1977. № 6. С. 38–43.
11. *Беляев Д.Д.* Фонологические последствия падения редуцированных // Освещение истории языка в общих и специальных лингвистических курсах на факультете русского языка и литературы. М., 1986.
12. *Колесов В.В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
13. Этимологический словарь славянских языков. 1–19 / Под ред. Трубочева О.Н. М., 1974–.
14. *Журавлев В.К.* К понятию "силы" фонологической оппозиции // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С. 48.
15. *Беляев Д.Д.* Становление праславянских задненебных: Материалы к спецкурсу по истории праславянского языка. Владимир, 1978.
16. *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
17. *Трубецкой Н.С.* К истории задненебных в славянских языках // Трубецкой Н.С. Избр. тр. по филологии. М., 1987.
18. *Lamprecht A., Štosar D., Bauer J.* Historický vývoj češtiny. Praha, 1977.
19. *Koneczna H.* Charakterystyka fonetyczna języka polskiego. Warszawa, 1965.
20. *Серебрянников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974. С. 139.
21. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. 1. Lyon; Paris, 1950. P. 32–33.
22. *Krajčovič R.* Původ a vývin slovenského jazyka. Bratislava, 1981.
23. *Зализняк А.А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. С. 115–119.
24. *Eichler E.* Studien zur Frühgeschichte slawischer Mundarten zwischen Saale und Neisse. B., 1965.
25. Русская диалектология / Под ред. Мещерского Н.А. М., 1972.
26. *Селищев А.М.* Славянское языкознание. М., 1941.
27. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 244–255.
28. *Issaischenko A.V.* Zur Frage der "zentral-slavischen" Lautveränderungen. Der Wandel *g* → *j* im Slovenischen // Sbornik Matice slovenskej. 1936. R. 14. Č. 1.
29. *Shevelov G.* A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979.
30. *Рот А.М.* Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Будапешт. 1973. С. 127–128.
31. *Прицак О.И.* Тюрко-славянское двуязычное граффити XI столетия из собора св. Софии в Киеве // ВЯ. 1988. № 2. С. 51–52.
32. *Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 233–237.
33. *Хабургаев Г.А.* Еще раз о хронологии падения редуцированных в древнерусском языке // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1976. С. 397.
34. *Дуриново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 224–226.
35. *Пивторак Г.П.* Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. Київ, 1988.
36. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 37.
37. *Младенов С.* История на българския език. София, 1979. С. 150–151.
38. *Diels P.* Velare Reibelaut und Kehlkopfreibelaut // Die Welt der Slaven. 1956. Jg. 1. Hf. 1–2.
39. *Добровский И.* Грамматика языка славянского по древнему наречию. Ч. I. СПб., 1833. С. 10.
40. *Либрман А.С.* Общегерманское / *h* / и некоторые закономерности звуковых изменений // ВЯ. 1967. № 1.
41. *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1978. С. 158–159.
42. *Стойков С.* Българска диалектология. София, 1968.
43. Български диалектен атлас. Т. I–IV / Под рък. на Стойков С. и Бернштейн С.Б. София, 1964–1981.
44. *Белић А.* Основи историје српскохрватског језика. Књ. 1. Београд, 1976.
45. *Vuković J.* Istorija srpskohrvatskog jezika. D. 1. Beograd, 1974. S. 189–192.
46. *Ружицић Г.* Хронологија губљења фонеме *x* у штокавским говорима // Slavia. 1971. R. 40. Seč. 1. S. 78–79.
47. *Marković S.* Fonetika savremenog srpskohrvatskog jezika. Sarajevo, 1966. S. 47–49.
48. *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад, 1956. С. 64–65, 160.
49. *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1967. С. 89–98.
50. *Селищев А.М.* Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918.
51. *Видоески Б.* Прилози за македонската дијалектологија // Македонски јазик. 1955. Кн. 2. С. 113–124.
52. *Голомб З.* За некои сличности меѓу полските и македонските говори // Македонски јазик. 1957. Кн. 2.
53. *Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbančzyk S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1964, S. 142.
54. *Dejna K.* Dialekty polskie. Wrocław, 1973. S. 129–134.

55. Stieber Z. The development of primitive Slavic X in the Slavic languages and dialects // Stieber Z. Świat językowy Słowian. Warszawa, 1974.
56. Смолякова Л.П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья. М., 1977. С. 171.
57. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1, 5, 7. М., 1975-.
58. Касаткин Л.Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах. М., 1968.
59. Гамкрелидзе Т.В. Маркированность в фонологии и типология фонологических систем // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 96-97.
60. Жилко Ф.Т. Нариси в діалектології української мови. Київ, 1966. С. 66-68.
61. Atlas slovenského jazyka. Bratislava, 1968. T. 1. Č. 2. S. 126.
62. Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. D. 1. Praha, 1963. S. 463.
63. Šuster-Šewc H. Die Genese des aspirierten k^h im Obersorbischen // ZfPhon. 1972. Bd 25. Ht. 4-5.
64. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 105.

© 1993 г. КРЫСЬКО В.Б.

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ
ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОГО НОМИНАТИВА НА -е**

Мы давно стоим в недоумении перед вьдале Варламе Хутынской вкладной XII в. и другими однородными формами им. ед.ч. муж.р. и причастиями ед.ч. муж.р. на *ль*.

А.И. Соболевский [1].

Древненовгородская флексия именительного падежа¹ ед. числа мужского рода **о*-склонения *-е* вот уже более ста лет привлекает пристальное внимание лингвистов (см. [2, с. 42—49; 3]). Не имея возможности проанализировать здесь многочисленные гипотезы о ее происхождении и подробно обосновать собственную точку зрения, попытаемся все же вкратце изложить наше представление об истории данной формы.

Еще М.А. Колосов предположил, что номинативы на *-е* "явились" из форм на *-о* [4, с. 2—3]. Действительно, окончание *-о* было закономерным рефлексом индоевропейского **-os*, возникшим в результате праславянской утраты конечных согласных (**golsos* > **golso*). Реликты ИП на *-о* среди существительных муж. рода наблюдаются прежде всего в кругу общеславянских по происхождению гипокористических имен собственных с суф. *-ък(о)* и *-хън(о)* (*Вячько, Лахъно*), а также в апеллятивах типа *батько, дядько*, обнаруживающих все признаки муж. морфологического и грамматического рода, в частности, различие ИП и ВП ед.ч. и согласование с родоизменяемыми частями речи по мужскому роду. Сохранение архаичного окончания именно в этих существительных объясняется, думается, стремлением к формальному отграничению их от неличных обозначений, образованных с помощью тех же суффиксов (ср. *въльчкъ—Въльчко*). Кроме того, в ряде славянских языков и диалектов, и особенно в псковско-новгородских говорах, окончание *-о* широко используется в топонимах типа *Славно, Камно, Изборско, Волхово, Псково*. В письменную эпоху ббльшая часть этих названий выступает как neutra (ср.: по 4 дни *Волхово шьло* возводь ЛА, 205; *Полотьско* погорѣ все ППЛ, 45) — чему, несомненно, способствуют наличие флексии *-о*, омонимичной окончанию ср. рода, и родовая индифферентность подобных слов. Однако постоянно фиксируемая в текстах вариативность флексий *-о* и *-ъ* дает веские основания сопоставить указанные топонимы с антропонимами типа польск. *Janko—Janek*, отражающими исторически последовательные стадии флексивного оформления Nom. sg. masc. **о*-склонения. Вытеснение форм на *-о*, присущих славянскому северо-западу, осуществилось в новгородских и псковских памятниках в XV—XVII вв., прежде всего, очевидно, под воздействием северо-восточных говоров и стандартного древнерусского языка, ср.: в *Видбескъ — в Полотьско* ППЛ, 45; в *Псково — на Плесковъ — на Псковъ* ЛА, 66.

¹ Далее в статье используются сокращенные обозначения падежей: ИП — именительный, РП — родительный, ВП — винительный.

О более широком распространении окончания *-o* в новгородско-псковском ареале в дописьменный период свидетельствуют, на наш взгляд, также прибалтийско-финские заимствования, которые демонстрируют ауслатный [a] (в принципе регулярно соответствующий славянскому [o], см. [5]) на месте общерусской (и общеславянской) флексии *-ъ* (см. [6]); правомерно предположить, что в ту эпоху, когда проходил процесс заимствования, диалектным северно-кривичским (а может быть, и общеславянским) окончанием муж. рода являлось именно *-o* (т.е. фин. *lina* < слав. **lьno*).

В мягком варианте **o*-склонения естественным вариантом *-o* после палатального согласного был *-e* (**krajos* > **kraje*). Тем самым номинативные флексии муж. и ср. родов (**pol'e*) в **jo*-основах изначально совпадали, что не могло не повлечь за собой раннего варьирования исконного *-e* и вторичного *-ъ*, вероятно, обязанного своим возникновением влиянию И-ВП **i*-склонения и ВП **и*- и **o*-склонений. В новгородских и псковских памятниках окончание *-e* в мягкой разновидности засвидетельствовано лишь единичными примерами (*моуже* РПр, 617в; *муже* ЛА, 268; *дохре* ПАП, 195; *Коровь Яковицѣ* НВЛ, 177; *роубле* [переправлено на *роубль*] НГБ № 162 [7, с. 295] и некот. др.). Однако в условиях унификации твердых и мягких вариантов склонения и спряжения по "мягкому" образцу, весьма рано начавшейся в древненовгородском диалекте и отраженной уже в древнейших берестяных грамотах, флексия **jo*-склонения *-e* была, подобно окончанию *-ѣ* в РП ед.ч. и И-ВП мн.ч. **jā*-основ или локативному окончанию **jo*-основ *-и*, перенесена в твердый вариант склонения. Такое развитие полностью соответствовало общей тенденции к устранению морфологических корреспонденций в сходных парадигмах: как установила М.В. Шульга, "говоры, в которых унификация разновидностей в формах с корреспонденциями *ы—ѣ* и *ѣ—и* проведена в целом более последовательно, ... повсеместно отражают унифицированные флексии и в формах с исторической корреспонденцией *o—e*" [8]. Поскольку экспансия флексий мягкого варианта представляет собой характерную черту западноновгородских (кривичских) говоров (ср. [9, с. 172]), резонно было бы, по нашему мнению, считать распространение генетически западноновгородской флексии *-e* одним из проявлений указанной экспансии.

Важнейшей системной предпосылкой к обобщению *-e* в номинативе муж. рода **o*-склонения являлась, по всей видимости, необходимость в формальном разграничении мужского и среднего родов, совпавших в результате праславянских фонетических изменений конца слова в своей исходной форме — ИП, ср. **nebo* — **golso*. Введение флексии *-e* полностью устраняло родовую омонимию в твердом варианте, так как дифференцировало новые формы типа **golse* (с сохранением твердости согласного в исходе основы) не только от **o*-нейтра, но и от **jo*-нейтра, характеризовавшихся мягкой основой. Неудивительно, что новое окончание распространилось на все masculina **o*-склонения, т.е. существительные и согласующиеся (либо координируемые) с ними местоимения, прилагательные и причастия — за исключением топонимов на *-o*, которые, очевидно, были переосмыслены как нейтра еще до описываемого изменения.

Исключительная значимость ИП как основной падежной формы обусловила длительное и устойчивое употребление флексии *-e* в псковско-новгородских говорах: исследования А.А. Зализняка показали, что номинатив на *-e*, выступающий как "самая яркая морфологическая особенность древненовгородского диалекта", преобладает в берестяных грамотах на протяжении XI—XV вв. [9, с. 169].

Однако за пределами берестяных грамот подобные формы фиксировались до сих пор весьма эпизодически: в фундаментальной работе А.А. Зализняка материал пергаменных памятников проиллюстрирован 37 примерами [7, с. 132—

133]. Для восстановления более адекватной картины функционирования *-е*-форм в новгородской и псковской письменности представляется необходимым, не увеличивая и без того обширный список антропонимов с *-е*, отмеченных во многих текстах², несколько дополнить данные по **о*-основным именам других категорий.

Прежде всего желательно вновь ввести в научный оборот важные примеры из черковно-книжных источников, обнаруженные А.И. Соболевским и А.А. Шахматовым, но не учитывавшиеся в позднейших работах: *блзнь не х[о]тию написане. нъ дияволею пакост[и]ю* (Пантелеймоново евангелие XII—XIII вв., 224, запись [10, с. 22]); *переплѣталѣ* книги си Еремьи дьякъ и поволочи(л) (Сборник богослужебный XIII в., 98об, запись XIV—XV вв. [10, с. 59]) (ср. [11]); в "Вопросах Кирика" по списку Новгородской Кормчей 1282 г.: *Аще кто верне есть 521в; где есть кр(с)тъ ч(с)ныи... не доиле Ц(с)ря гра(д). егда обрѣтене. възнеслѣся на нб(с)а 523а* [2, с. 40; 12]; в "Пандектах Никона Черногорца" 1296 г.: *вѣрныи въ малѣ и въ мнозѣ вѣренѣ* есть 23; *фарисѣи тѣ* величашеся гл҃я 103³; в записи XIII—XIV (XVI?) вв. к октябрьской Минее 1096 г.: *Якиме писале 1об* [13, с. 47] (ср. [14, с.33]).

Еще два примера ИП на *-е* у местоимений А.И. Соболевской и А.А. Шахматов усматривали в так называемом "Нибуровом мире" 1392 г.: *тѣ* [2, с. 40] и *тѣи* [13, с. 47]. Действительно, интересующие нас формы занимают в предложении синтаксически обособленную позицию и с достаточным основанием могут быть определены как именная тема: *тѣ* товаръ что в Ругодивѣ порубилѣ. и противъ того товара полѣле [так!] Новъгородъ взяти товаръ своеи братьи... *тѣи* товаръ. что в Ругодивѣ порублене у новгородскихъ купцевѣ... а то Новъгородъ. увѣдаеся. с ругодивьци. кто у ихъ товаръ поимале (цитируется по фотокопии списка, хранящегося в Центральном историческом архиве Латвии; ср. ГВНП № 46). Структурное сходство приведенных предложений с конструкциями типа: *А что грамата опасная... а то есме отдалѣ Новугороду ГВНП № 46; а выголе, того изловили НГБ № 600* [7, с. 129] — позволяет считать, что ИП на *-е* (в членной форме местоимения — *теи*) был бы здесь вполне правомерен. С чисто формальной точки зрения *те* и *теи* являются регулярными соответствиями общеславянских форм *тъ* и *тъ-ьѣ*, к тому же существование номинатива *те* в псковско-новгородском ареале недвусмысленно доказывается формой *те* роздѣля ПГ № 5 (ср. *тот* роздѣль ПГ № 6). Что касается параллельного использования местоимений с флексией *-е* и существительного *товарѣ* с флексией *-ѣ*, то на фоне варьирования этих окончаний, свойственного всем спискам анализируемой грамоты, подобное употребление не кажется аномальным (ср.: *посаднике* — *посадникѣ*, *дворѣ* ихъ *погоорѣле* [так!]). Вместе с тем графическое выражение формы *тѣ* в ГВНП № 46 препятствует столь однозначной интерпретации. Обращает на себя внимание тот факт, что список Рижского архива постоянно передает диалектную флексию *-е* буквой *е*: *посаднике* (2 раза), *порублене*, *поимале*, *полѣле* (вм. *повелѣле?*), *погоорѣле*, *товаре*, и в этом отношении вариант *тѣ* остается непонятным исключением. В сопоставлении же с написаниями *се* сторонѣ "сей (РП)", *то* грамотѣ опасной "той (РП)", передающими утрату конечного [j], данную форму (в отличие от *те* в ПГ № 5) с большей вероятностью можно квалифицировать не как номинатив

² Из 229 частных грамот Великого Новгорода и 18 псковских грамот, напечатанных в ГВНП, *-е*-формы личных имен и отчеств наблюдаются в 70, а преобладают в 14; в 35 грамотах, опубликованных в ПГ, соотношение *-е*- и *-ѣ*-форм в антропонимах составляет 29:34.

³ По-видимому, написание *-ѣ* во флексиях отражает здесь контаминацию *-ѣ*, присутствовавшего в протографе (*вѣренѣ*, *тѣ*), и *-е*, свойственного говору писца-новгородца.

на -е, а как отражение известного диалектного фонетического изменения [-ъj] > > [-ej] [15] (возможно, через ступень [-ĕj]) с последующей утратой [j] (*тыи* > > *тѣи* > *тѣ*, ср. также *сочке*, *сочкѣ* "сотский" ПГ № 9).

Опубликованный до настоящего времени материал по формам ИП на -е показал, что писцы пергаменных грамот, причем не только частных, но и государственных, отнюдь не избегали диалектных флексий. Подтверждением широкой употребительности -е в деловых текстах служит новый материал новгородских и псковских грамот XIV—XV вв., дошедших до нас преимущественно в списках XVII в. Рассматриваемое окончание засвидетельствовано практически во всех грамматических классах *о-основных имен — у существительных: *господине* ГВНП № 89, *псковитинѣ* Валк, *ободе* "граница земельного владения, участок земли" АЕ-57 № 8, ПГ № 27, 28, *дворя* ПГ № 33, *плаве* "болотистое место" ПГ № 5, *дряне* ПГ № 23 (е исправлено на ѣ, ср. более распространенное *дрянь* "топкое место, низина"), *раздѣля* "раздел" ПГ № 5; местоимений: *те* *раздѣля* ПГ № 5 (в ПГ № 11 позднейший переписчик, ориентируясь, видимо, на флексию -я, заменил местоимение муж. рода женским: *та* *розделя*); именных прилагательных: *мертвь* ГВНП № 106 (со смещением е и ѣ), *мертве* (2 раза) Валк, *Воинилова* *зеребѣи* и *Сополеве*, *Ратборчева* *жеребѣи* ПГ № 2; причастий на -а-: Данила грамоту *о(т)везле* Хрест. № 39; *наставиле* подвоискии ГВНП № 279, возможно, также *взяле* ГВНП № 279, если это не мн.ч. на -ѣ (А *взяле* Азика съ своею братьею, ср. [16]), *запродале* (2 раза), *заложиле* ГВНП № 121 (ср. там же мн.ч. на -и: *поимали*, *были*). Дополнительные примеры из ПГ любезно сообщил нам А.А. Зализняк: *медовеи осп.ровка* 11; *межа ему ручеише* 28⁴.

Весьма насыщен -е-формами список убытков новгородцев начала XV в., содержащий также ряд других ярких диалектизмов (впрочем, нередко -е ед.ч. смешивается с -ѣ мн.ч.), ср.: и Левонтьике своею дружиною. на торгу оу насъ розбоиника о(т)нелѣ. а насъ *побиле* и *подрале*... да насъ. въ клѣтъку всадилѣ. и потомъ насъ изъ клѣтъкѣ. купецъ. *выруцилѣ*. новгородскѣи. и *веглѣ* насъ на городо(к) къ Зумберю хотячи исправѣ по хрѣстно(м). челованью. и Зуберь... насъ не судиле... и Зумберъ на насъ. *взяле* с Левонтьико(м). тыся(ч) бѣл(к)ѣ... а Иване оу на(с). Глазетѣи *взяле*. пять деся(т). бѣлѣ... а зумусь [так!] *порубиле* Зумберъ .і новгородьцевъ. а *взяле* оу ни(х). бочку шевницѣ... АЕ-63, 275—276 (ср. там же: и животъ. ог(с)да нашъ *вохъ* поималѣ 276)⁵.

Углубленного анализа требуют еще некоторые формы из псковских грамот, очевидно, искаженные писцами и вследствие этого неверно истолкованные издателями ГВНП и ПГ. Так, в ГВНП № 342 представлена странная форма у *попеня*, находящаяся в ряду однородных существительных — названий владений: Се купише Филипе попъ... землю, очину ихъ... и дѣдину ихъ, и у *попеня*, и дворище, и вода в реке. С другой стороны, в ПГ № 4 зафиксирована форма у *пожен*: А взяся Мелемьяне у попа оклад у *пожен* над Черневою нивою. Сопоставление этих форм с существительным *упожей* (*упоже*), дважды фигурирующим (во мн.ч.) в "Актах хозяйства боярина Морозова" (I, 76—77, 1667 г. —

⁴ Форма *пастке* ПГ № 7, оставшаяся непонятной издателю, не отраженная в Сл XI—XVII и внешне напоминающая ИП ед.ч. на -е типа *ручеише*, на самом деле представляет собой, как мы полагаем, ИП мн.ч. (*пасткѣ*) существительного *пастка*, производного от *пасть* "ловушка, западня" (ГВНП № 121, см. Сл XI—XVII, 14, 168), ср. *пасть* "ловушка для рябчиков и куропаток" (Кулик., 78), "ловушка на медведей и кабанов" (сибир. — ДООВС, 173), *пастка* "мышеловка" (смолен. — там же), *пасточка* "ловушка" (Будто заюшка во *пасточки* — Барсов, Причитанья северного края, II, 80 [КДРС]).

⁵ О слитном написании форм типа *оѣа* см. [17].

КДРС): *бортные упожы, бортные упожыя* — побуждает предположить, что во всех четырех случаях мы имеем дело с не засвидетельствованным в словарях словом *упоженъ* (или, может быть, *упоженъ*), контаминировавшимся в XVII в. с широко употребительным существительным *ухожей* (*ухокай, ухожье, ухожень*), которое выражало множество значений, в частности, "угодье", "место для бортей", "лесной участок", "нивка или покос в лесу". Поскольку в меновой грамоте (ПГ № 4) речь идет об обмене нивами, форму *упожен* можно считать приложением к слову *оклад* "участок земли", поясняящим, что обменивается конкретный участок — видимо, в лесу. Следовательно, *упоженя* в ГВНП № 342 — это, скорее всего, искаженный номинатив *упож(е)ня*, соответствующий аккузативной форме *упожен* в ПГ № 4 и закономерно выступающий при перечислении (ср. далее *вода*). Не исключено, что то же самое существительное, до неузнаваемости измененное под пером переписчика через триста лет после написания подлинного документа, было представлено и в оригинале ПГ № 6: взяся Захария... оклад... *отпочня* [в изд. — *от почня*], а нивка по заре. В свою очередь, обособленный оборот *а нивка по заре* (т.е. *по заорѣ* "до оврагов") с бесспорным номинативом на *-а* позволяет предложить новую интерпретацию для формы *отполя* (А болоту межа по Лучьскую межу да Подграмский путь, а то черньцемъ двѣ части, а Жаваранку с сябры третья часть, *а отполя по заре* ГВНП № 345). В издании она напечатана с разбиением на предлог *от* и существительное в РП *поля*, однако при таком понимании остается неясным подлежащее данного предложения, между тем как во всех остальных структурах с обстоятельством *по заорѣ* и под., встречающихся в грамотах, подлежащее присутствует, ср.: *А межа тои пожни от броду по заорѣ* ПГ № 13; *межа ямами и каменьемъ до заоре* ПГ № 28. С точки зрения синтаксиса наиболее правдоподобно трактовать *отполя* как диалектную форму ИП существительного *отполь*. Для определения его семантики, по-видимому, имеют значение следующие примеры из псковской письменности и из говоров: *отпольная сторона* — "обращенная к полю, на поле" (Даль, II, 746); *опольная земля* (Псковская судная грамота) — "находящаяся вне полей"; яросл. *ополок* "лужок за полями, к лесу" [18].

Показательно, что диалектное окончание ИП неоднократно встречается в бытовых записях писцов на полях рукописей, содержащих богослужебные тексты и в целом свободных от подобных диалектизмов. Помимо контекстов, опубликованных А.И. Соболевским и А.А. Шахматовым, здесь можно привести также фрагмент из обширной записи пономаря Тимофея в "Лобковском прологе" 1262 или 1282 г.: а ци кто *хытрѣ* попъ. или дьякъ почнетъ цисти книгъ зия Прл, 148об. Яркие примеры форм на *-е (-я)* отмечены в приписках к псковским рукописям, хранящимся в ЦГАДА (фонд Син. тип.): Лоука *навониле мѣ<не?>* издбу — Паремейник 1313 г. (№ 61), 43; поиде *попе* за рекоу — Пролог на март—август, 1-я пол. XIV в. (№ 174), 24; се порядисяша Евангъ. съ Савою что беть (?) Сава. *поцеля* гневается — Пролог на март—август (№ 179), 140 (запись XIV в.); канунг Михайлува дни снигъ *паля* — Миня служебная декабрьская (№ 97), 1 (запись XIV—XV вв.); *Смене* писанъ <вм. писалъ?> параклить, *паралите* писан — Параклитик (№ 81), 105об (запись XV—XVI вв.) [14, с. 127, 264, 260, 101, 210].

Вполне естественно, что *-е*-формы от имен нарицательных и *-л*-причастий нашли отражение в новгородской эпиграфике: Моисей пс<ал> *поповце* (XII в.), Славоне *дѣлале* (XII в.), Саве со мною *иле* ис торгу *биле* мене (XIV/XV в.), *писале* Василѣ(и) (XIV в.) [19].

Среди берестяных грамот не идентифицированные ранее формы на *-е* пред-

ставлены, по нашему мнению, в НГБ № 528. Ряд особенностей, указывающих на псковское происхождение этого текста (*с* вместо *ш* в *стобы* и *слоу*, отвердение [л'] в *слоу*, ср. [20]), позволяют усматривать характерное псковское яканье в именах *Иевька*, *Стопана*, *Якова*, где *-А* соответствует новгородскому *-е*, ср. *Филипя попя* ГВНП № 343, *Яковя*, *Радивоня* ПГ № 19. Интерпретация формы *Иевька* как ИП проясняет использование *ь* в суффиксе: на наш взгляд, он обязан своим появлением не смешению *ъ* и *ь*, а ассимиляции [вк'] > [в'к']; тем самым и написание *поклонь* передает не смешение редуцированных, а смешение *е* с *ь*, ср. *тьбь*, <доc>*нѣле* (где *ь* переправлено на *е*). Автор грамоты, весьма нетвердый в письме, начал было писать окончание *-А* и в форме *продАле*, но, недописав, заменил псковский диалектизм новгородским *-е*, которое, очевидно, относилось к более высокому "пласту в системе языковой коммуникации" [21]. По-видимому, именно предвосхищением флексиионного *-А* объясняется ошибочный *А* в корне этого слова.

В НГБ № 520, являющейся черновиком завещания, имеются написания, которые также, возможно, отражают ИП на *-е*. Учитывая, что в грамотах №519 и 520, образующих один блок, смешение *ъ* и *ь* отмечено лишь после *м* во флексиях (при своемъ, дѣтемъ, за попьмъ), тогда как *ь* и *е*, *е* и *ѣ* смешиваются неоднократно (треть — треть, будеть, Скутовеская, РП Николѣ — бѣе), подобное истолкование допустимо предложить для слов *игумень* и *душевнѣ*, а также, может быть, и для слова *дворь* [так!], в котором последняя буква не похожа ни на один из еров в обеих грамотах (верхняя перекладина пересекает мачту вправо) и больше напоминает перечеркнутый сверху *ерь*.

Более ограниченно использование диалектной флексии в церковно-книжных, литературно-повествовательных и летописных источниках, ориентированных на нормы стандартного древнерусского языка. Будучи лишь редкими вкраплениями в нормализованный текст, эти примеры с несомненностью свидетельствуют о том, что живой говор писца оказывал влияние и на язык памятников, казалось бы, чуждых диалектной стихии.

Так, в уже упоминавшемся "Лобковском прологе" зафиксирован оборот: дѣца тако к нему о(т)вѣща. *оканье* и *лишене* боуди яко ся еси бѣ не бояль ни ангель его Прл, 40а—б, — в котором наличие формы повелительного наклонения в роли связки исключает вокативную трактовку имен.

В "Повести об Акире Премудром" по новгородскому списку XV в. наблюдаются следующие формы: *лживѣ* члѣкъ ПАП, 37; азъ *оумене* [вар. *оумень*] есть [так!] 41; возможно, флексия *-е* подразумевается и в написании: был ми еси як(о) *птенць* 223.

До сих пор не получила удовлетворительного истолкования форма *печъне*, представленная в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1217 г. и интерпретировавшаяся как наречие "жарко" (Срезн., II, 929; Сл XI—XVII, 15, 40) либо как прилагательное [22]. Между тем это слово находится в контексте, идентичном неоднократно цитировавшемуся *загоре ся Савькине дворе* ЛН, 53об. и содержащем другой номинатив на *-е* — *вхе*: Тои (ж) веснѣ загорѣ ся м(с)ця маия. въ .лѣ. о(т) Ивана о(т) Ярышевица. въ середь оутра. *печъне*. и погорѣ до оудня *вхе* полъ ЛН, 87об. Существенно, что в Академическом списке XV в., регулярно устраняющем *-е*-формы Синодального списка (за исключением имени *Внездѣ* под 1191 г.), рассматриваемый контекст передан следующим образом: Тои же веснѣ загорѣся мѣсяца маия въ 31 день от Иоанна Ярошевича полъ утра *печень* ся загорѣ до уденья вель [так!] полъ погорѣ НЛ, 258. Поскольку форма *печень* явно исключает наречное толкование, а клитика *ся*, в соответствии с законом Вакернагеля, ставится после первой акцентно самостоятельной

словоформы в синтагме, естественно заключить, что *печень ся загорѣ* представляет собой единое предложение, где *печень* является подлежащим, *ся загорѣ* — сказуемым. Иначе говоря, в Синодальном списке о пожаре сообщает сложносочиненное предложение с союзной связью между двумя частями, причем в обеих частях сказуемые вынесены в начало, а подлежащие — в конец предложения (*загорѣ ся... печьне и погорѣ... вхе полѣ*), в Академическом списке та же информация передается тремя предложениями с бессоюзной связью: первое — безличное (*загорѣся*), а во втором и третьем подлежащие непосредственно предшествуют сказуемым (*печень ся загорѣ; вель полѣ погорѣ*). Остается выяснить значение анализируемого слова. Хотя абсолютно идентичные формы не отмечены ни в памятниках, ни в говорах, ряд родственных слов позволяет с большой степенью вероятности реконструировать его семантику. Так, в Геннадиевской Библии 1499 г. упоминается *столпъ печеныш* (Неем. XII, 38); в Вульгате, с которой был осуществлен перевод этой книги, фигурирует *turris furnorum* (Сл. XI—XVII, 15, 38) — т.е., буквально, "башня хлебопекарных печей" (в синодальном переводе — Печная башня). В.И. Даль (III, 109) фиксирует слово *печня́* "стряпная, поварская, поварня, кухня, землянка для варева", а в псковских говорах засвидетельствовано ласкательное *пéченка* "печь, печка" (СРНГ, 26, 347). В "Житии Феодосия Печерского" представлена *пецъница* "пекарня" (Срезн., II, 930). Итак, по всей видимости, *печьне* Синодального списка НЛ — это существительное мужского рода со значением "пекарня, кухня" (ср. сходные контексты в ЛА: *загорѣся дворъ Василъевъ Козинъ отъ поварнѣ* 211; *пожаръ бысть на Десятинѣ отъ поварнѣ* 218). Наличие в древнерусском и других славянских языках ряда отглагольных существительных с предметным значением на *-нь* типа *опахнь*, *захабнь*, *охабнь*, *скважнь*, *сквожнь*, *препоясь* дает некоторые основания предположить, что в исследуемом случае мы имеем дело не с субстантивированным прилагательным на *-нь* (ср. [23]), а с девербальным существительным мягкой разновидности **о*-склонения *печень*, морфологически вариантным по отношению к *печня* и образованным по тому же словобразовательному типу, что и приведенные выше дериваты; при таком истолковании *-ѣ*-форма Академического списка может быть расценена как результат механической замены диалектного *-е* на *-ѣ*, вполне вероятной для гапакса, возможно, уже непонятного писцу XV в.

В позднем (второй половины XVI в.) Троицком списке Новгородской первой летописи в известном летописном рассказе о мести Ольги воевода Свенельд охарактеризован как *тот же оче Мъстишенъ* НЛ, 517. Несмотря на всю необычность формы *оче* (vs. *отець* в Комиссионном, *отецъ* в Толстовском списках) в тексте, почти лишенном морфологических примет древненовгородского диалекта (ср., впрочем: поймше мало *дружине* 518), трудно интерпретировать ее иначе, как реликт номинатива на *-е*, присутствовавшего в протографе. К сожалению, в НГБ именительный падеж от существительного *отць* встретился лишь дважды: в грамоте № 9, не отражающей никаких диалектных особенностей (*отць*), и грамоте № 520, где традиционное сокращенное написание *оѣ* не позволяет восстановить живое произношение. Однако с учетом форм *Нездильце*, *Колбинць* [7, с.133] и *поповце* (см. выше) наличие номинатива *отць* в древненовгородском диалекте представляется весьма вероятным, а написание *о<ть>че* может быть объяснено либо как следствие смешения аффрикат, либо как результат позднейшего уподобления ИП на *-е* форме вокатива.

Несколько не зарегистрированных до сих пор примеров ИП на *-е* отмечено нами в Ипатьевском списке летописи, написанном, как известно, в Северной

Руси. Наряду с большим количеством явных новгородизмов (постоянное отражение цоканья, флексия -ѣ в И-ВП мн.ч. твердых *о- и *а-основ и в РП ед.ч. *а-склонения, РП осмога ЛИ, 73, милога 245об. и др.) достаточно надежными представляются такие написания, как: вторыи же сборъ. в Костянтинѣ гра(д)... г̃ · и же *сборѣ* въ Ефесѣ... · д̃ · и сборъ. в Халкидонѣ 43 (буква ѣ переправлена в ѣ); ре(ч) Туки Чюдине бра(т) 63об. (ниже — Тюкы. Чюдинь бра(т) 74об.); *простѣ* бо бѣ е(м) поуъ Корачевоу 123 об (в Хлебниковском и Погодинском списках — *протѣ*); *Тарголове* моужь. именемь. Чилбоукъ 225. Весьма любопытен пример: понели ты еси старѣи *brate* 43; хотя в протографе, видимо, подразумевался вокатив, переписчик ЛИ исправил -е на -ѣ, что, скорее всего, указывает на восприятие им данной формы как требующего коррекции диалектного номинатива в роли именной части сказуемого.

Большой материал, частично опубликованный Н.М. Каринским [24], содержат псковские летописи: *въркляся* ПЛ, 48; дворъ Артѣмьевъ *Воротове* ПЛ, 38, Котелно *городке* 42, немецкеи *городке* Колывань 44, морозе побил рожь 45, Полотско *городѣ* 46, *городке* Опочка 46, смерде 69; *въркляся* ППЛ, 137, загорѣся... *дворѣ*, и бысть зной велике 177, Немецкыи дворе рѣчней згорѣ 185, чего онь *просиле* 202, *Марфинѣ* сынъ 203, *велиле* 212, *повегле*, *свегле* 217. Весьма правдоподобно предположение Н.М. Каринского о том, что и написание *всь*, "вполне последовательно" соблюдаемое "в памятниках с особенно яркой диалектической окраской", отражало "произношение с гласным на конце" [24, с. 167—168].

В "Летописи Авраамки" — памятнике новгородского происхождения, демонстрирующем многочисленные приметы древненовгородского диалекта, помимо имени *Алексадре* ЛА, 149, уже отмеченного в литературе [25], зафиксирован также перфект на -ле: а хотя хто что *вынесле* на поле, или на огороды... то все огнемъ взялось 72 — и местоимение мужского рода *все*: а иконы, и книги и товаръ *все* въ церкви погорѣ 72 (менее вероятно, что *все* является обобщающим словом к предшествующим однородным членам, ср. выше ВП: товаръ *весь* пограбиша). Еще два примера перфекта на -ле обнаружены в третьей части ЛА, включающей юридический сборник; здесь, однако, контаминация флексии -е и окончания -ѣ, несомненно присутствовавшего в протографе (в завещании Владимира Святого и в Уставе великого князя Всеволода), привела к появлению написаний с -ѣ, омографичных характерным для ЛА -лѣ-формам мн.ч.: А се церковныя суды *далѣ есмь* 266 (выше — *далъ есми*); Яко же *есмь* *установилѣ* 275 (ср., впрочем, замену ѣ на е в форме: 3 гривны *продаже* 279).

Таким образом, флексия Nom. sg. masc. -е представлена во всех жанровых разновидностях новгородско-псковской письменности XI—XVII вв., причем если в поздних списках с грамот сохранение данной формы можно было бы объяснить стремлением к точной передаче всех особенностей оригинала, то в приписках, надписях и летописных текстах среднерусского периода ее употребление явно отражает реальный речевой узу.

Исследованный А.А. Зализняком материал псковского разговорника Т. Фенне [7, с.133] показал, что в обиходной псковской речи нелексикализованное использование номинативов на -е+сохранялось еще в начале XVII в. Для более поздних периодов фактически единственным источником, свидетельствующим о функционировании -е-форм в народно-разговорном языке, являющиеся фольклорные и диалектные записи, до сих пор почти не привлекавшие внимания специалистов.

Между тем очевидно, что еще в прошлом веке в говорах и в фольклоре сохранялись довольно значительные реликты ИП на -е. Так, в "Онежских

былинах” А.Ф. Гильфердинга и “Северных сказках” Н.Е. Ончукова, наряду с именами собственными *Садкэ, Петре, Ивашке, Марке* [26], наблюдаются существительные *паробкя* ОБ, 560 (ср. [4, с. 207]), *воронкэ* 700, *бурке* 819, *дэдке* СС, 263—264, *каръке, буръке, соловке* (правда, только в функции обращения) 315—316, *клоп-краске, мышь серке, воўк серке* 324—325 (ср. также обращение *буръкэ мой поворотистый* в былине — СРНГ, 3, 301). В олонечком говоре в конце XIX в. были зафиксированы формы *каръкэ* “карий конь” (Кулик., 34), *гнеткэ* “домовой” (СРНГ, 6, 241). Возможно, к древнему Nom. sg. masc. восходят лексикализованные формы ИП как муж., так и жен. родов — *батюшки, матушки*, которые, по некоторым сведениям, употреблялись на западном и южном берегах озера Ильмень [27, с. 10]. В псковских говорах, помимо хрестоматийной формы *псе* [28], были отмечены грамматикализованные прилагательные-сказуемые на *-и < -е*, ср.: лён *волокнусти*; собой *чисти*; Урадися, белый лён! // Бел, *вылакнисти*, // Сабой *гылависти* (Великолукский уезд) [29; 13, с. 49]. Перфект на *-ле (-ля)* в качестве живой, хотя и грамматикализованной формы еще в конце XIX—начале XX в. функционировал в некоторых гдовских говорах, в частности, сомринским [30]⁶, к числу особенностей которого принадлежит также переход ударного [а] в [о] и [о] в [а] (ср. в псковских памятниках: Колпиное — *Калпиное* ППЛ, 53; *Поставиша церковь... комену* — *камену* ПЛ, 23; на Камне ГВНП № 341 — на *Комне* ПГ № 3): *кань-то по полю побегля; Што дэлаётё? — Рока жорим. — А где взэли? — Да сом прискоколя!; Бóяля, боая, да и язык заболеля; волк-бо под воротню залезля-бо, а я взэля-бо ево да подворотней-бо.* Для данного говора, как и для говора селения Мда Гдовского уезда Псковской губернии [31], характерно обобщение архаичной флексии *-е* в муж. и жен. родах, ср.: Я в лесах *собироля* ягоды (очевидно, “собирала”); Соцыла, соцыла и не *нашлэ!* (Сомро); я *пошл’е* (в речи женщины) — *барин ушл’э* (Мда). Аналогичное влияние исконных мужских форм на женские отразилось, по-видимому, и в свадебной песне, записанной М.А. Колосовым в Каргополе: *Уговаривале-да родной татенка, // Уговаривале-да рóдная сéстрица* [27, с. 151]. Завершающим этапом отмирания формы на *-е* как показателя ед.ч. masculina является объединение ее с рефлексом *-Ъ* во мн.ч. (ср. [32]). В современном диалектном языке — насколько позволяют судить имеющиеся словари и описания — номинатив на *-е* практически не встречается, и лишь в заонежских говорах засвидетельствованы единичные лексикализованные формы *дэдке* (о мужчине среднего и старшего возраста), *гнётке, максимке* (нечистые духи) [33], а в псковских — названия лошадей по масти: *бурке, воронкэ* (ПОС, 2, 218; 4, 157).

Исчезновение рассматриваемой флексии определялось, по нашему мнению, как внешними, так и внутренними причинами. С одной стороны, присоединение новгородских и псковских земель к Московскому государству ускорило процесс нивелировки диалектных различий, а местная деловая письменность еще в большей степени, нежели раньше, стала ориентироваться на общерусские нормы; в этих условиях закономерно постепенное сокращение употребления *-е* сначала в таких авторитетных текстах, как летописи (ср., например, данные Синодального и Академического списков НЛ), а затем и в грамотах. С другой стороны, даже в окраинных говорах, едва ли испытывавших сильное воздействие общерусских норм, уже в XIX в. использование *-е*-форм было в значительной степени лексикализовано либо грамматикализовано; это связано, думается, с утратой окончанием *-е* его важнейшей исконной функции — служить однознач-

⁶ Автор весьма признателен А.Н. Шаламовой за сообщение об этой публикации.

ным показателем Nom. sg. masc.: после фонологизации мягких согласных перед гласными переднего ряда в новгородских говорах произошло совпадение ИП **o*-masculina и **jo*-neutra, а в псковских говорах, развивших яканье, — также **jā*-feminina (ср. исходное соотношение [двор'e] — [мор'e] и его последующее изменение: [двор'e] — [мор'e] или [двор'a] — [мор'a] — [бур'a]). Это совпадение повлекло за собой родовое выравнивание согласуемых и координируемых форм (в частности, образование внеродовых перфектов типа *ушле*, распространившихся и на средний род: солнце *померкле* IIIЛ, 17; пьянство до тюрьмы *довеле* [32, с. 343]) и, тем самым, разложение первоначальной морфологической системы имени в древненовгородском диалекте, характеризовавшейся, говоря словами А. Мейе, доминированием категории рода [34]. Лишившись своих былых грамматических преимуществ и не имея более никакой внутрисистемной поддержки, флексия *-e* неминуемо должна была уступить место нулевому окончанию, сменившему флексии *-ъ* и *-ь*, которые исконно существовали в новгородском диалекте как показатели ИП мужского рода **и*- и **и*-склонений, и в новых морфонологических условиях, бесспорно, более однозначно маркированному муж. род. Вполне понятно, что вытеснение архаичного окончания началось с существительных, так как именно в этом грамматическом классе имен *-e* всегда сосуществовало с *-ъ/-ь*, и позже всего затронуло гипокористики на *-ко* и *-л*-причастия, поскольку в этих группах имен флексия *-ъ* в древненовгородском диалекте не употреблялась никогда.

ИСТОЧНИКИ

- АЕ-57 — *Корецкий В.И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // Археогр. ежегодник за 1957 год. М., 1958.
- АЕ-63 — *Хорошкевич А.Л.* Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // Археогр. ежегодник за 1963 г. М., 1964.
- Валк — *Валк С.Н.* Новые грамоты о новгородо-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Ист. архив. 1956. № 1.
- ГВНИП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949.
- Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.
- ДООВС — Дополнение к Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- КДРС — Картотека "Словаря русского языка XI—XVII вв." — хранится в Институте русского языка РАН (Москва).
- Кулик. — *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- ЛА — Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полн. собр. русск. летописей. Т. 16. СПб., 1889.
- ЛИ — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.
- ЛН — Новгородская харатейная летопись. М., 1964.
- НГБ — Новгородские грамоты на бересте. М., 1953—1986.
- НЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- НПЛ — Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879.
- НVL — Новгородская пятая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. Вып. 1. Пг., 1917.
- ОБ — Онежские быliny, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.
- ПАП — *Григорьев А.Д.* Повесть об Акире Премудром. М., 1913.
- ПГ — *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.
- ПЛ, ППЛ, ППЛЛ — Псковские летописи. Вып. I—II. М.; Л., 1941—1955.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—8. Л., 1967—1990.
- ПрЛ — Пролог Лобковский, рукопись ГИМ, Хлуд., № 187 (цитируется по фотокопии).
- РПР — *Карский Е.Ф.* Русская правда по древнейшему списку. Л., 1930.
- Сл XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—17. М., 1975—1991.
- Срезн. — *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. I—III. М., 1989.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Соболевский А* Два слова о псковском говоре // РФВ 1916 № 1—2 С 139
- 2 *Соболевский А И* Исследования в области русской грамматики Варшава, 1881
- 3 *Vermer W* The mysterious North Russian nominative singular ending *-e* and the problem of the reflex of Proto-Indo-European * *os* in Slavic // Die Welt der Slaven 1991 Bd 36
- 4 *Колосов М А* Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка Варшава, 1878
- 5 *Kiparsky V* Russische historische Grammatik Bd I Heidelberg, 1963 S 77
- 6 *Николаев С Л Хелицкий Е А* Славянские (новгородско псковские) заимствования в прибалтийские финские языки *a* и *и* в рефлексах имен мужского рода // Uralo indogermanica Балто-славянские языки и проблема урало индоевропейских связей Ч 1 М, 1990
- 7 *Зализняк А А* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В Л, Зализняк А А Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.) Комментарии и словоказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.) М, 1986
- 8 *Шульга М В* Развитие морфологической системы имени в русском языке Автореф дис докт филол наук М, 1988 С 11
- 9 *Зализняк А А* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание X Международный съезд славистов Доклады советской делегации М, 1988
- 10 *Гранстрем Е Э* Описание русских и славянских пергаменных рукописей Л, 1953
- 11 *Соболевский А И* Лекции по истории русского языка М, 1907 С 192
- 12 *Шахматов А А* К истории звуков русского языка VII // ИОРЯС 1903 Т VIII С 323
- 13 *Шахматов А А* Исследования в области русской фонетики Варшава, 1893
- 14 Каталог славяно русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР М, 1988
- 15 *Шахматов А А* Исследование о двинских грамотах XV в Ч 1 СПб, 1903 С 93
- 16 *Николаева Т М* К вопросу о генезисе так называемых "зловых" форм // Именное словообразование русского языка Казань 1976 С 195
- 17 *Зализняк А А* **Огосподишь* // Вопросы кибернетики Язык логики и логика языка М, 1990
- 18 *Потебня А А* К истории звуков русского языка IV Варшава, 1883 С 25—26
- 19 *Рожественская Г В* Древнерусские надписи на стенах храмов Новые источники XI—XV вв СПб 1992 С 64, 87, 95, 110
- 20 *Колесов В В* К характеристике исходной палатальности согласных в древнепсковском говоре // Псковские говоры III Псков, 1973 С 10
- 21 *Зализняк А А* О языковой ситуации в древнем Новгороде // RLiNg 1987 V 11 С 131
- 22 *Diez J* Frequenzwörterbuch zur Synodalhandschrift der Ersten Novgoroder Chronik Halle (Saale), 1977 S 78
- 23 *Stawski F* Zarys słowotwórstwa prastowiańskiego // Słownik prastowiański T 1 Wrocław etc, 1974 S 138
- 24 *Каринский Н М* Язык Пскова и его области в XV веке СПб, 1909
- 25 *Карский Е Ф* Труды по белорусскому и другим славянским языкам М, 1962 С. 362
- 26 *Obnorsky S* Die Form des Vokativs im Russischen // ZfslPh 1924 Bd I S 115
- 27 *Колосов М А* Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия СПб, 1877
- 28 Материалы для изучения великорусских говоров Вып V СПб 1898 С 150
- 29 *Успенский М* Говор крестьян Маричельского прихода Великолуцкого уезда Псковской губернии // Живая старина 1891 Кн III С 208—210
- 30 *Кузнецов В* Сомиринский говор // Живая старина 1898 Кн II С 235—236
- 31 *Каринский Н М* Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г // ЖМНП 1916 Февраль С 234
- 32 *Филин Ф П* Об одном загадочном явлении в языке северных памятников древнерусской письменности // Prace filologiczne 1964 T XVIII Z 2 С 342—345
- 33 *Тер Аванесова А В* Акцентуация частной диалектной системы (говоры Заонежья) Автореф дис канд филол наук М, 1990 С 12
- 34 *Meillet A* Le slave commun P, 1965 P 382

© 1993 г. КОНЕЦКАЯ В.П.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЛОВ

(На материале английского языка)

Для целостного описания словарного состава, помимо системных отношений слов, необходимо знать их семантические типы. В определении лингвистического понятия "семантический тип слова" лежат различные основания, связанные с количественными и качественными характеристиками лексической семантики. Хотя строение содержания слова зависит от типа его значений и характера их семантических связей, в типологии однозначных слов первое место обычно отводится количественным факторам [1]. Наряду с однозначными и многозначными словами выделяются малозначные слова, так называемые олиго-семанты [2]. Для выявления семантических типов слов большое значение имеют исследования отношений их значений, устанавливаемых на основе регулярных семантических связей [3, с. 274–281; 4, с. 232–233; 5, с. 178–215]. И тем не менее в обосновании семантической типологии слов остаются большие трудности онтологического и гносеологического характера. Первые сопряжены с диффузностью лексической семантики, вторые связаны с разным подходом к пониманию полисемии и лексико-семантической вариативности, с различной трактовкой структурно-семантических единиц.

Примером преодоления диффузности семантики может служить схема четырех основных видов соотношения значений в составе слова, предложенная Д.Н. Шмелевым на основе различной степени регулярности метонимических и метафорических значений [4, с. 232]. Различие полисемии и лексико-семантической вариативности как лингвистических понятий при ближайшем рассмотрении оказывается не столь очевидным и последовательным.

Определяя понятие лексико-семантического варианта в связи с проблемой тождества слова, А.И. Смирницкий подчеркивал, что лингвистическая суть вопроса заключается в том, чтобы выяснить, "каковы возможные различия между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) одного и того же слова" [6, с. 6]. Многозначность понималась как тождество слова "при наличии двух или более отчетливо различных значений, выражаемых одинаковыми звуковыми отрезками" [6, с. 39]. В последующих редакциях трудов А.И. Смирницкого разграничение значений и лексико-семантических вариантов как коррелятов семантического анализа слова в различных планах не акцентировалось (см., например [7]). Вероятно, это послужило в дальнейшем поводом для свободной взаимозаменяемости терминов "значение" и "лексико-семантический вариант (ЛСВ)" в ряде исследований (например [8]).

С другой стороны, на основе концепции двухуровневой номинации различаются узуальные вторичные значения и "правила содержательного варьирования первичного (исходного) значения в трех полях – импликационном (метонимическом), симулятивном (метафорическом) и гипонимическом" [9]. Аргументируется и такой тезис – лексические значения одного слова не могут быть вариантами друг друга; они инвариантны по своей сути, так как "отображают разные классы явлений" [10]. Последнее утверждение справедливо для слов типа англ. *paper*, имеющего значения "бумага", "документ" и др. Семантика подобных

слов представляет собой иерархически организованное единство узuallyных значений, связанных отношениями семантической деривации, изоморфными словообразовательным отношениям [5, с. 187–215]. Но семантика многих слов, особенно признаков, представляет собой комплекс видоизменений основного семантического признака (инварианта). Ср., например, модификации "в малой степени" качественного признака прилагательного *faint* "слабый" в сочетаниях с существительными, обозначающими запахи (*smell, odour*), звуки (*voice, accent, rustle*), свет или цвет (*light, glow; colour, tinge, tint*), ощущения (*feeling, hope*), действия (*attempt, effort, protest*) и др. Установить последовательность конкретных модификаций без диахронического анализа невозможно, даже с учетом некоторых закономерностей, выявленных в синестетических метафорах, – ассоциативных переносах признаков из сферы осязания в сферу зрительного или слухового восприятия [3, с. 279–280]. В рамках логических концепций значения подобные прилагательные, используемые преимущественно в атрибутивной функции, и некоторые существительные типа *chance, luck* называют словами эксклюзивной семантики ("excluders") [11], так как осмысливаясь по контрасту (*simple task* "нетрудная задача", *simple pattern* "незамысловатый узор"), они исключают возможность неточного понимания.

Хотя полисемия и лексико-семантическая вариативность не нарушают семантического тождества слова, сами они как онтологические свойства полнозначного слова не тождественны, поскольку обусловлены разнородными связями структурно-семантических единиц различного уровня. Для анализа семантических типов слов целесообразнее пользоваться двусторонними единицами – словозначениями и лексико-семантическими вариантами, которые, – в отличие от односторонних единиц (значений, семантических вариантов, сем) – обладают статусом номинанта.

Словозначения как структурно-семантические составляющие многозначного слова связаны отношениями семантической деривации. В основе этих отношений лежат достаточно регулярные ассоциативные связи типа импликаций (*charm* "заклинание" → "амулет") и симиляций (*saddle* "седло" → "седловина"). При образовании нового (слово)значения происходит семантический "сдвиг" – изменение либо категориального семантического признака, как в *charm* (переход к классу конкретных номинантов), либо интегрального семантического признака, как в *saddle* (переход в другую лексико-семантическую группу), и/или изменение дифференциального семантического признака, как например, в *fox* "лиса" → "хитрец" (в данном случае переход в другой функционально-стилистический пласт). Словозначения содержат признаки собственной категории слова как определенного лексико-грамматического разряда¹, реализуя в речи собственные валентности, и в этом плане являются автосемантическими. Так, например, деривационные отношения словозначений в глаголах *to walk* "гулять" → "прогуливать" (к.-л.) и *to run* "бегать" → "водить (автобус и т.п.)" обусловлены импликационными связями категориальных семантических признаков "действие → каузация действия". Эти признаки составляют собственную категорию английского глагола и проявляются в различной валентности субъектных словозначений (*he runs fast*) и субъектно-объектных словозначений (*he runs a bus*).

Лексико-семантические варианты (ЛСВ) как структурно-семантические составляющие полнозначного слова являются модификациями семантических признаков его основного (исходного) словозначения: категориальных (*he runs fast* и *trams run fast*), интегральных (*thin skin* и *thin rain*) и дифференциальных [*fresh*

¹Разграничение "собственных" и "несобственных" грамматических категорий, предложенное В.П. Ярцевой [12], существенно также для лексико-семантических категорий и субкатегорий полнозначных слов.

flower и *fresh hand* (разг.)). Эти видоизменения в семантике управляемого слова зависят от его нормативной сочетаемости с управляющим словом². При этом во всех ЛСВ представлен семантический компонент исходного словозначения в виде свернутого отличительного признака – *to run* (признак быстрого передвижения), *thin* [признак недостаточности данного качества (тонкий, худой, жидкий, редкий, мелкий)], *fresh* [признак только что появившегося (свежий, молодой, новый, неиспорченный, неожиданный, неопытный)]. Этот постоянный компонент, обеспечивающий семантическое тождество слова, может быть интерпретирован как инвариантный. Поскольку видоизменение семантических признаков управляемого слова зависит от валентности управляющего слова, то между ЛСВ нет деривационных связей. Для них характерна "семантическая непрерывность" – свойство лексико-семантических групп, отмеченное У. Вейнрейхом [13]. Ср. ЛСВ прилагательного *clear*, обусловленные сочетаемостью с определяемыми существительными, которые обозначают элементы природной стихии (*air, water*), звуки (*voice, tone*), пространство (*passage, way*), высказывания (*message, idea*) и др. Количество ЛСВ прилагательного теоретически соответствует количеству лексико-семантических групп, в которые входят определяемые существительные (при условии определения границ этих групп). Но актуализируемые семантические варианты каждого ЛСВ не поддаются исчислению, так как их употребление по аналогии может иметь окказиональный характер. Наконец, в отличие от словозначений, ЛСВ обусловлены признаком несобственной категории (ср. *he works* и *the engine works*: глагол варьирует на основе признаков несобственной категории – одушевленности/неодушевленности субъекта действия).

Таким образом, для словозначений характерны: отношения деривации, семантический сдвиг, актуализация собственных категорий, автосемантизм. Для ЛСВ характерны: отсутствие деривации, семантическая непрерывность, актуализация несобственных категорий, синсемантизм. Следовательно, полисемия – это свойство многозначного слова, на основе которого при сохранении семантического тождества и в рамках известных деривационных связей имплицативного и симулятивного характера развиваются автосемантические единицы номинации – словозначения. Лексико-семантическая вариативность – это свойство однозначного слова, на основе которого при сохранении семантического тождества и в результате видоизменения по аналогии инвариантного семантического признака развиваются синсемантические единицы номинации – лексико-семантические варианты.

Некоторые слова обладают специфическим свойством. В них выявляются сопряженные структурно-семантические составляющие, между которыми нет отношений семантической деривации. Но в отличие от ЛСВ, эти синкретичные единицы номинации могут актуализировать одновременно семантические признаки, которые составляют собственную категорию, например, *G. Gershwin and E. Ellington (Duke) were talented musicians with a passion for music*. В данном высказывании актуализируются два значения синкретичного существительного *musician* – "композитор" и "исполнитель", что отражает действительность, поскольку речь идет о выдающихся американских музыкантах, обладавших талантом композитора и исполнителя. Но в ряде случаев возникает двусмысленность; для устранения так называемой осцилляции необходим ситуативный контекст, например, *The musicians began packing their instruments away* (речь идет о музыкантах-исполнителях, закончивших работу и укладывающих свои инструменты).

²О необходимости различать семантическое содержание валентности как части значения управляющего слова и сочетаемость слова по данной валентности как части значения управляемого слова см. [5, с. 142].

Различия в трактовке лексического синкретизма – понятия, перенесенного из грамматики, касается главным образом статуса структурно-семантических составляющих, сопряженных и актуализируемых одновременно в одной словоформе (ср. разные элементы содержания одного знака – у Л. Ельмслева [14], значения слова, реализующие валентность или разные валентности предиката, – у Ю.Д. Апресяна [5, с. 140], значения или компоненты значения – у Ю.С. Маслова [15]). Различие в статусе сопряженных составляющих объясняется не только концепциями, в рамках которых рассматривается синкретизм. Дело в том, что синкретизм может действительно проявляться на разных уровнях семантических признаков значения. На уровне категориальных признаков глагола наблюдается синкретизм признаков объекта и цели [*An insurance policy protects you (against death, injury, or theft)*]. Синкретизм проявляется и на уровне интегральных семантических признаков (*The week at summer school shattered me*). В глагольной словоформе *shattered* актуализируются признаки физической и духовной усталости. Частные случаи глагольного синкретизма признаков звучания и движения отмечены в исследовании И.В. Сентенберг, в том числе и окказиональные типа *An old limousine ... purred past* [16]. Но при необходимости ситуативный контекст позволяет выделить тот или иной признак, например, признак звучания (*I heard cars purr in the distance*). Синкретизм проявляется и на уровне дифференциальных семантических признаков. В высказывании *Ile had a lot of criminal contacts* прилагательное в значении "криминальный" может пониматься как в общем, так и в специализированном (юридическом) смысле.

Сопряженные семантические признаки являются равноправными компонентами значения и функционируют в речи как созначения, или конъюнкты. В качестве двусторонних единиц номинации (за неимением лучшего термина) они могут быть названы синкретами. Для них характерны: отсутствие семантической деривации, семантическая сопряженность, актуализация собственных категорий, обусловленность ситуативным контекстом. Лексический синкретизм – это свойство слова, на основе которого при сохранении семантического тождества развиваются сопряженные единицы номинации – синкреты, актуализирующиеся одновременно или альтернативно в зависимости от ситуативного контекста.

Итак, в полнозначных словах выделяются три типа структурно-семантических единиц – словозначения, лексико-семантические варианты и синкреты. Характер их семантических связей и отношений в составе слова и определяет его семантический тип. Для установления этих связей и тождества или нетождества существенных признаков однотипных единиц необходим комплекс критериев. Эти критерии должны учитывать наличие/отсутствие деривационных связей структурно-семантических единиц, т.е. эпидигматику слова (Э), его функции как лексико-грамматического разряда (Ф) и его семантику, включающую семантические признаки различного ранга – категориальные (К), интегральные (И) и дифференциальные (Д).

Первый критерий – эпидигматический (Э) предусматривает наличие/отсутствие отношений непосредственной и опосредованной семантической деривации. Использование этого критерия в производных словах осложняется процессами двойной деривации от производящего в разных значениях (например, *senseless* "бессознательный" ← *sense* "чувство" и *senseless* "бессмысленный, глупый" ← *sense* "смысл"). Для английского языка характерны случаи двойной деривации от одного производящего в одном значении при помощи одного суффикса, например, *reader* "читатель", "хрестоматия, книга для чтения" или в результате двойной конверсии, например, *to can* "консервировать" и "разливать в бидоны, канистры" ← *can* "жестяная банка". В семантике многих английских существительных отношения словозначений опосредованы процессами конверсии, например, *brush* "щетка" → *to brush* "чистить одежду щеткой" → *brush*

"чистка одежды щеткой". Рассматривая проблему словообразовательной омонимии и полисемии, П.А. Соболева убедительно обосновывает подобные случаи как словообразовательную полисемию, источником которой является множественная деривация [17].

Благодаря неоднократной деривации словозначения производного слова являются опосредованно мотивированными. Но они различаются по характеру преемственности семантических признаков словозначений производящего слова. Опосредованно деривационные отношения словозначений в производных типа *reader* являются дивергентными ($\Sigma <$), поскольку словозначения различаются по категориальным признакам одушевленности/неодушевленности; различие может быть и на уровне интегральных семантических признаков, как в словозначениях конвертированного глагола *to can*. Опосредованно деривационные отношения словозначений в производных типа *senseless* являются авергентными ($\Sigma \sim$), так как сохраняются без изменения семантические признаки словозначений производящего слова. Наконец, опосредованно деривационные отношения словозначений корневого и конвертированного существительных типа *brush* можно рассматривать как конвергентные ($\Sigma >$), поскольку расхождение категориальных признаков (предмет – действие при помощи этого предмета) сопровождается схождением интегральных признаков (щетка для чистки – чистка щеткой). Именно поэтому лексикографы считают возможным пренебречь деривационной историей словозначений такого типа и включают их в словарную статью исходного корневого слова.

Второй критерий – функциональный (Ф) учитывает тождество/нетождество словозначений, ЛСВ и синкретов по их функции в предложении. Они могут употребляться в двух и более функциях, присущих данному слову как лексико-грамматическому разряду. Например: *He is a dim fellow* "Он глупый парень" и *He is pretty dim* "Он изрядный тупица"; *the dim light of a candle* "тусклый свет свечи" и *the room was dim, mysterious and gloomy* "в комнате было тускло, таинственно и мрачно". ЛСВ "глухой" и "тусклый" функционально тождественны (Ф+). В тех случаях, когда словозначения закрепляются в различных функциях (ср.: *he is ill* "он болен" и *he is an ill person* "он злой человек"), они функционально не тождественны (Ф–). Для семантической типологии важны и такие случаи, когда в результате окказионального словоупотребления развивается функция, не свойственная данному слову как лексико-грамматическому разряду. Так, например, в существительном *course* "путь" развилась функция наречия в темпоральном значении – *in due course* "в свое время", ср. русск. *держите меня в курсе* (разг.) или *буду где-то в районе двух часов* (разг.). Функциональное расщепление слова, особенно глагола как "нагруженного" семиологического подкласса, сопряжено с дифференциацией его лексического значения, ср. *I got a letter* "Я получил письмо" и *I got to do it* "Я должен сделать это", *Children grow so quickly* "Дети растут так быстро" и *He grew younger* "Он помолодел (стал молодым)". Ослабление деривационных связей в семантике полнозначных глаголов, употребляющихся в функции модальных и служебных лексических единиц, сопряжено с функциональным нетождеством их словозначений.

Третий критерий – категориальный (К) учитывает тождество/нетождество словозначений и других структурно-семантических единиц по категориальному (субкатегориальному) семантическому признаку, присущему слову определенного разряда. Так, ЛСВ глагола *to dive* "нырять", "исчезать из виду", "углубиться" тождественны по категориальному признаку субъектных глаголов (К+), но они не тождественны (К–) по субкатегориальному признаку семантического субъекта, ср.: *he dived into the lake*; *the rabbit dived into its hole*; *the plane dived steeply*. Словозначения таких глаголов, как *to walk* "прогуливаться" и

"прогуливать (собаку)", *to run* "бежать" и "руководить" (ч.-л.), различны по категориальным признакам некаузативности/каузативности.

Четвертый критерий – интегральный (И) учитывает тождество/нетождество денотативно и/или сигнификативно обусловленных семантических признаков, объединяющих слова в лексико-семантические группы. Так, словозначения глагола *to assume* "принимать, брать (на себя)" и "предполагать, допускать", тождественные по субкатогеориальному признаку семантического субъекта, не тождественны по интегральному признаку (И–), о чем свидетельствует их отношение к различным лексико-семантическим группам. Словозначения существительного *envy* "зависть" (*her good looks caused envy*) и "предмет зависти" (*she was the envy of all the competitors*) не тождественны по категориальному признаку (чувство и объект чувства), но тождественны по интегральному признаку (И+).

Пятый критерий – дифференциальный (Д) учитывает тождество/нетождество структурно-семантических составляющих слова по коннотативным признакам. Дифференциация этих признаков многопланова, так как обусловлена оценочными и экспрессивно-эмотивными компонентами словозначений, вариантов и синкретов и их актуализацией в различных функциональных стилях. Ср., например, словозначения существительного *file* "напильник", "шлифовка" (спец.), "хитрец, пройдоха" (разг.) или глагола *to design* "намереваться" и "обозначать, называть" (арх.). Данные словозначения не тождественны по дифференциальному признаку (Д–). Словозначения глагола *to slog* "дубасить (к.-л.)", "вкалывать (на работе)", "тащить (с трудом)" тождественны по дифференциальному признаку (Д+), так как актуализируются в разговорной речи; словозначение "воровать (яблоки)" стоит особняком, поскольку актуализируется в школьном жаргоне.

Используя данные критерии как единый комплекс, можно выделить пять базовых семантических типов слов: моносемантический, аллосемантический, полисемантический, гетеросемантический и псевдополисемантический. Каждый из этих основных типов имеет свои подтипы и виды, обусловленные частными критериями. Помимо "чистых" семантических типов многие полнозначные слова представляют смешанный тип, который в рамках принятой терминологии можно назвать кразосемантическим (греч. *krasis* "смешение"). Рассмотрим выделенные типы слов в последовательности.

К моносемантическому типу (Ф+К+И+Д+) относятся однозначные слова, которые по своей природе не имеют различия в семантических и функциональных характеристиках. Эпидигматический критерий для них избыточен по условию. Однозначные слова семантически не мотивированны. Исключение составляют производные (*a tableful*, *wattage*) и сложные слова (*deckchair*, *drawing-board*).

Среди однозначных слов различают узкозначные и широкозначные, например, *to neigh* "ржать", *epithalamium* "свадебная песнь" и *winner* "одержавший победу". Эти слова выделяются по логическому основанию – на базе обратнопропорциональной соотнесенности содержания выражаемого понятия (интенционала) и его объема (экстенционала). В рамках моносемантического типа подобные слова могут рассматриваться как подтипы лишь на основе частного критерия – степени контекстуальной обусловленности. Узкозначные слова автоссемантчны, так как их значение денотативно обусловлено и содержит дифференциальные семы – *it (the horse) galloped away, neighing*. Широкозначные слова синсемантчны, так как их значение сигнификативно обусловлено и не разложимо на семы, ср.: *the winner received a silver cup* и *her new film is a real winner*.

К аллосемантическому типу относятся слова, структурно-семантические составляющие которых не имеют деривационных отношений. Но в ряде слов семантические связи составляющих – синкретов являются сопряженными, часто на основе взаимной импликации [например, *dismay* "смтение (тревога/испуг)",

horrible "ужасный/ужасающий"], и их одновременная или альтернативная актуализация зависит от ситуативного контекста. В других же словах семантические связи составляющих – ЛСВ обусловлены семантическим инвариантом, их актуализация зависит от сочетаемости с управляющим словом. Поэтому в аллосемантическом типе целесообразно различать два подтипа – синкретический и вариативный.

Синкреты нетождественны лишь по одному из семантических признаков – категориальному, интегральному или дифференциальному. В соответствии с этим критерием в синкретическом подтипе выделяются три вида слов. К категориальному виду (Э–Ф+К–И+Д+) относятся слова, составляющие которых нетождественны по категориальному признаку – *shivery* "дрожащий/вызывающий дрожь" (состояние/каузация состояния). К интегральному виду (Э–Ф+К+И–Д+) относятся слова, составляющие которых нетождественны по интегральному признаку – *foxtrot* "фокстрот (танец/музыка)", *twilight* "сумерки/рассвет". К дифференциальному виду (Э–Ф+К+И+Д–) относятся слова, составляющие которых различаются только по дифференциальному признаку, ср. употребление слов *precedent* "прецедент" или *gasping* "судорожный/конвульсивный" в описательном и специальном контекстах (юридическом и медицинском).

Второй подтип слов – вариативный представлен также тремя видами, выделенными на основе тождества/нетождества семантических признаков определенного ранга. Категориально-интегральный вид (Э–Ф+К–И–Д+) представлен преимущественно признаковыми словами. Различие их ЛСВ обусловлено нетождеством несобственных категорий, например, в субъектно-объектном глаголе *to spread* "распространять/ся" – субкатегориальными признаками управляющего слова – субъекта, ср.: *they spread south; the city spreads for miles; the stain was spreading, news of the wreck spread quickly*, и, кроме того, интегральными признаками объекта, ср.: *she spread the marmelade on a toast; he spread his hands; you are advised to spread the work load*. Различие ЛСВ прилагательных типа *faint, clear* обусловлено также нетождеством категориальных и интегральных признаков семантики управляющего слова – определяемого существительного. Второй вид – интегрально-дифференциальный (Э–Ф+К+И–Д–) – представлен словами, ЛСВ которых различаются по интегральному и дифференциальному признакам, например, *to paraphrase* "перифразировать" в общелитературном нормативном употреблении и "расшифровывать" (восн.) в специальном терминологическом употреблении. К третьему виду – категориально-интегрально-дифференциальному (Э–Ф+К–И–Д–) относятся слова, главным образом прилагательные, ЛСВ которых различны по всем трем семантическим признакам, например, *ugly* "безобразный" (*face, dress*), "неприятный" (*habit, talk, incident*), "опасный" (*situation, cloud*) и *ugly customer* (разг.) "вздорный, беспокойный, опасный (о человеке или животном)" или *the ugly duckling* (ирон.) "гадкий утенок".

Как можно видеть, в отличие от синкретов ЛСВ нетождественны по нескольким семантическим признакам. Для их актуализации достаточно минимального семантического контекста – сочетаемости с другим словом, в то время как для синкретов требуется ситуативный контекст.

К полисемантическому типу относятся слова, словозначения которых связаны деривационными отношениями на основе импликации и симуляции. В соответствии с этим выделяются два подтипа – импликационный и симуляционный, каждый из которых представлен тремя видами. В категориально-интегральном виде (Э+Ф+К–И–Д+) словозначения нетождественны по категориальному и интегральному признакам – *fare* "плата за проезд", "пассажир" и *poison* "яд", "губительное влияние". В интегральном виде (Э+Ф+К+И–Д+) словозначения нетождественны лишь по одному признаку – *heather* "вереск", "болото, заросшее

вереском" и *trunk* "ствол (дерева)", "магистраль", "хобот" и др. В категориально-интегрально-дифференциальном виде (Э+Ф+К-И-Д-) словозначения нетождественны по всем семантическим признакам – *steel* "сталь", "бур" (спец.), *wig* "парик", "умник" (амер. жарг.) и *ape* "обезьяна", "кривляка" (разг.). В симбиотическом подтипе выделяется еще один вид – интегрально-дифференциальный (Э+Ф+К+И-Д-), например, *trap* "капкан", "рог" (разг.).

К полисемантическому типу относятся и признаковые слова, словозначения которых связаны отношениями семантической производности по схеме радиальной деривации – *to count* "считать", "принимать во внимание", "иметь значение", "излагать дело" (юр.) или *wooden* "деревянный", "безжизненный", "неподвижный", "тупой", цепочечной – *to differ* "отличаться" → "расходиться (во мнениях)" → "не соглашаться" → "спорить" → "ссориться" и радиально-цепочечной – *lame* "хромой" → "увечный" → "слабый", "поврежденный", "вышедший из строя" (техн.), "неубедительный" → "неудачный".

К гетеросемантическому типу относятся слова, словозначения которых имеют тенденцию к семантической дивергенции за счет нетождества семантических признаков. Дивергенция может быть обусловлена либо потерей актуальных деривационных связей, как, например, в существительном *widow* "вдова", "прикуп" (карт.), "виселица" (жарг.), либо расхождением в функциях слова, например, *to grow* "расти" – *firs grow slowly* и "становиться" – *it is growing dark*. С учетом этих особенностей в гетеросемантическом типе выделяются три подтипа – гомофункциональный, полифункциональный и гетерофункциональный.

Формулы гомофункционального подтипа и полисемантического типа слов идентичны, за исключением маркеров символа эпидигматики. В гомофункциональном подтипе маркеры + и – сопряжены. Это объясняется тем, что в данном подтипе установление наличия/отсутствия деривационных связей словозначений достаточно условно. Гомофункциональный подтип является переходным звеном между полисемантическим и гетеросемантическим типами, отражающим динамику образования омонимов в результате семантической дивергенции таких слов, как *widow*, *fence*, *craft*.

В гомофункциональном подтипе различаются два вида слов в зависимости от тождества/нетождества семантических признаков их словозначений. К первому виду (Э±Ф+К-И-Д-) относятся, например, слова *widow*, *fence* "забор", "фехтование", "скупщик краденого" (жарг.), "направляющая деталь" (техн.), словозначения нетождественны по всем трем семантическим признакам. Второй вид представлен словами, словозначения которых нетождественны только по категориальному и интегральному признакам (Э±Ф+К-И-Д+) – *craft* "ремесло", "хитрость", "судно", "механизм", "приспособление" и др.

К полифункциональному подтипу (Э±Ф-К-И-Д+) относятся слова, словозначения которых обнаруживают функциональное нетождество, сопровождаемое различием категориальных и интегральных признаков. Так, например, существительное *way* "путь", "дорога" употребляется в функции наречия – *he is not built this way; the preparations were under way; this way, please*. Хотя мотивированность словозначений "дорога", "путь (этим путем)", "манера", "способ (таким способом, образом)" очевидна, но это результат не столько собственно семантической деривации, сколько – синтаксической транспозиции. В формуле это отражено в смене позиций маркеров символа эпидигматики (Э7).

К гетерофункциональному подтипу (Э-Ф-К-И-Д+/-) относятся слова, словозначения которых расходятся по функциям, сохраняя неустойчивое тождество лишь дифференциального признака. Поэтому маркеры дифференциального признака связаны знаком альтернативы (/). Словозначения в номинативной и служебной функциях слов этого подтипа не имеют деривационных связей, ср.: *He got a letter* "Он получил письмо", *I got the hint* "я понял намек" и *He got a scare* "Он

испугался", *He got angry* "Он рассердился", *He's got to do it* "Он должен это сделать". В целом ряде полнозначных глаголов развивается служебная функция глагола-связки (*it grew dark; the screen went dark, she went mad; the rivers are running dry, he ran crazy*), лексико-грамматическая функция аспектуальности с категориальным признаком кратковременности действия (*to take a step, to take a nap*) или с категориальным признаком общего действия (*to take action, to take refuge*) и др. В подобных глаголах, по словам У. Вейнрейха, развивается смысловая "почти-пустота" [13, с. 211]. Существует и другая точка зрения. Рассматривая подобные глаголы в составе так называемых аналитических лексем, В.Я. Плоткин считает, что дело здесь не в десемантизации, а в расширении семантики глаголов, приобретающих новую функцию – функцию служебного компонента. Семантическую черту подобных глаголов, как и других служебных слов в составе аналитических лексем, В.Я. Плоткин называет эврисемией, в отличие от широкозначности, связанной с широким объемом понятия [18].

В рамках рассматриваемой типологии такие глаголы являются гетерофункциональными, что предполагает различие в статусе их структурно-семантических составляющих. В номинативной функции глагольные словозначения обладают различной синтаксической валентностью (*she took the envelope, in took him half an hour; he ran a mile, he ran for parliament, he runs a theatre*), а глагольные ЛСВ – широкой сочетаемостью [*he runs fast, the motor runs smoothly; he ran away (out, off, in, down)*]. И словозначения и ЛСВ подобных глаголов характеризуются широкозначностью, хотя природа этого свойства различна. В служебной функции глаголы отличаются ограниченной валентностью и конструктивно закреплены в составе структурно более сложных единиц номинации. Их структурно-семантическая составляющая не имеет сигнификативно-демотивной обусловленности, она десемантизирована и приближается к морфеме. Словоморфема характеризуется не широкозначностью, а высокой степенью общности, присущей категориальной семантике.

В качестве словоморфемы могут выступать и существительные, например, *thing* "вещь" в словосочетаниях типа *a little thing* "малютка", *a poor thing* "бедняжка", *every little thing* "пустяк, мелочь" и др. В подобной служебной функции употребляется существительное *beggar* "нищий", например: *a good-hearted beggar* "добрый малый", *nice little beggars* "плутишки" (часто о детях), *a poor beggar* "бедняга", *an unfortunate beggar* "неудачник, бедолага", *a lucky beggar* "счастливчик", *an insolent beggar* "наглец" и др.

Псевдополисемантический тип включает такие слова, между словозначениями которых нет прямой семантической деривационной связи. Их полисемия имеет опосредованный характер. В данном типе выделяются три подтипа, различающиеся по характеру и результатам опосредованной деривации, рассмотренной выше, – конвергентный (Э>), авергентный (Э-) и дивергентный (Э<). Каждый из них включает различные виды на основе тождества/нетождества семантических признаков словозначений.

В конвергентном подтипе выделяются четыре вида слов, словозначения которых различны по всем семантическим признакам (Э>Ф+К-И-Д-) – *split* "раскалывание" ... "доносчик" (жарг.), по двум семантическим признакам (Э>Ф+К-И-Д+) – *plash* "плеск, всплеск" ... "пятно" и по одному признаку (Э>Ф+К-И+Д+) – *bandage* "бинт" ... "перевязка" или (Э>Ф+К+И+Д-) – *wish* "желание" ... "проклятие" (уст. диал.).

В авергентном подтипе представлены производные слова, словозначения которых имеют также опосредованную деривационную связь, но они не имеют тенденции ни к конвергенции, ни к дивергенции. В словах этого подтипа сохраняется тождество/нетождество признаков словозначений производящих слов

(за исключением дифференциальных признаков). В этом подтипе различаются четыре вида. К первому виду относятся слова, словозначения которых различны по всем признакам ($\text{Э}\sim\text{Ф}+\text{К}-\text{И}-\text{Д}-$) – *cracker* "крекер" (печенье) ... "ложь" (школ. жарг.) ... "дробилка" (техн.). Примерами категориально-интегрального вида ($\text{Э}\sim\text{Ф}+\text{К}-\text{И}-\text{Д}+$) служат конвертированные существительные типа *graduate* "выпускник" и "мензурка". К интегрально-дифференциальному виду ($\text{Э}\sim\text{Ф}+\text{К}+\text{И}-\text{Д}-$) относятся слова типа *strapper* "статный человек" (обыкн. о женщине) ... "конюх" ... "много работающий" (разг.). Интегральный вид ($\text{Э}\sim\text{Ф}+\text{К}+\text{И}-\text{Д}+$) представлен словами типа *deliverer* "спаситель, избавитель" ... "разносчик газет" и др.

Дивергентный подтип составляют слова, словозначения которых являются результатом множественной деривации от производящего в одном словозначении. Выделяются три вида в соответствии с тождеством/нетождеством семантических признаков словозначений. В первом виде ($\text{Э}<\text{Ф}+\text{К}-\text{И}-\text{Д}-$) словозначения различны по всем трем признакам, например, *decker* "палубное судно" ... "(палубный) матрос" (мор. проф.) ... "палубный пассажир" (разг.). Во втором виде слов ($\text{Э}<\text{Ф}+\text{К}-\text{И}-\text{Д}+$) словозначения не тождественны по двум признакам, например, *reader* "читатель" ... "хрестоматия" и др. К этому же виду относятся субстантивированные прилагательные, дивергенция словозначений которых явилась результатом сокращения словосочетаний типа $A + N$, например, *althe black* "черный цвет", "черная краска", "черное платье", "грязь", "сажа", "черное пятно", "чернокожий", "яблоко мишени". В третьем виде слов ($\text{Э}<\text{Ф}+\text{К}+\text{И}-\text{Д}+$) словозначения являются также результатом неодноразовой деривации от одного производящего, например: *to skin* "содрать шкуру" и "покрыть шкурой" ← *skin* "шкура, кожа", *to rent* "сдавать внаем" и "снимать" ← *rent* "рента", *to dust* "стирать (пыль)" и "посыпать (порошком и др.)" ← *dust* "пыль", *invaluable* "неоценимый" и "не представляющий ценности" ← *valuable* "ценный". Нетождество интегрального признака словозначений имеет специфический характер, так как основано на противопоставлении – энантиосемии. Во вторичных производных, например, *duster* "тряпка для вытирания" и "распылитель" нетождество интегрального признака словозначений теряет специфику противопоставления.

Таким образом, предложенный комплекс критериев дает основание выделить теоретически возможные 32 вида в пяти базовых семантических типах слов (нами рассмотрено 26). Но многие полнозначные слова английского языка относятся к смешанному (кразосемантическому) типу. В одном слове возможно совмещение нескольких семантических типов и подтипов, хотя и неравноценных по удельному весу в семантике слова. Смешанный тип может быть не только двухчастным, но даже пятичастным, особенно в глаголах. Развитие и соотнесенность в одном слове словозначений, лексико-семантических вариантов, реже – синкретов и словоморфем является сложной лингвистической проблемой и требует специального исследования. Поскольку в смешанном типе отражены существенные качественные и количественные характеристики семантической структуры слова, он может рассматриваться в качестве характерологической черты лексики данного языка.

Семантическая типология полнозначных слов позволяет выделить противоположные тенденции в развитии их семантики – тенденцию к конвергенции, характерную для слов синкретического подтипа, и тенденцию к дивергенции, характерную для слов гетеросемантического типа. Порогом конвергенции являются моносемантические слова узкозначного подтипа. Порогом дивергенции являются слова гомофункционального подтипа, переходящие в омонимы. Если расположить слова этих подтипов на полярных позициях воображаемой шкалы, то центральную позицию займут слова полисемантического типа, в которых процессы конвергенции и дивергенции сбалансированы. В этом плане поли-

семантический тип является наиболее "гармоничным". Это обусловлено тем, что словозначения, развившиеся на основе импликации и симуляции, наряду с конвергенцией, характерной для аллосемии, имеют тенденцию к дивергенции, типичной для гетеросемии. Хотя скалярный принцип позволяет выделить центральное и маргинальное положения базовых семантических типов слов, но они не имеют жестких границ. Тем не менее они достаточно универсальны по своим существенным характеристикам и могут служить основаниями для сопоставительного анализа лексики.

При лексикографическом описании слов, особенно смешанного типа, необходимо соблюдать последовательность, основанную на типологическом статусе структурно-семантических составляющих слова. Словарную статью целесообразно начинать с описания автосемантических составляющих – словозначений, которые представляют полисемантический тип, затем переходить к описанию ЛСВ и синкретов, представляющих аллосемантический тип, и, наконец, включить в описание словоморфемы, обусловленные гетерофункциональностью слова. При описании слов псевдополисемантического типа следует учитывать различный характер семантических связей словозначений в трех выделенных подтипах. При необходимости для упорядочения описания в словарной статье могут быть учтены и частные виды семантических подтипов.

В процессе практического обучения родному или иностранному языку важно обратить внимание на методическую обработку слов аллосемантического и гетеросемантического типов, как наиболее простых для восприятия (благодаря контексту), но наиболее трудных для нормативного употребления. Перспектива исследования семантической типологии слов тесно связана с проблемами лингвистики, лексикографии и лингвостеодики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Ахманова О С Словарь лингвистических терминов М, 1966 С 422
- 2 Олянич А В Глагольная олигосемия в современном английском языке (лингвистический статус и семантические характеристики) Автореф дис канд филол наук М, 1989
- 3 Ульманн С Семантические универсалии // Новое в лингвистике Вып V М, 1970
- 4 Шмелев Д Н Проблемы семантического анализа лексики М, 1973
- 5 Апресян Ю Д Лексическая семантика Синонимические средства языка М, 1974
- 6 Смирницкий А И К вопросу о слове (проблема тождества слова) // Тр Ин та языкознания АН СССР IV М, 1954
- 7 Смирницкий А И Лексикология английского языка. М, 1956 С 40–42
- 8 Кузнецова Э В Лексикология русского языка М, 1989 С 100–101
- 9 Пикетин М В Основы лингвистической теории значения М, 1988 С 71–72
- 10 Солнцев В М Вариативность как общее свойство языковой системы // ВЯ 1984 № 2 С 41
- 11 Hall R A Excluders // Philosophy and ordinary language Urbana, 1963
- 12 Ярцева В И Историческая морфология английского языка М, Л 1960 С 70
- 13 Вейрейх У О семантической структуре языка // Новое в лингвистике Вып V М, 1970
- 14 Ельмслев Л Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике Вып II М, 1962 С 135
- 15 Маслов Ю С Введение в языкознание М, 197 С 120
- 16 Сейтберг И В Динамический аспект лексической семантики английского глагола Дис докт филол наук Волгоград, 1991 С 167
- 17 Соболева П А Словообразовательная полисемия и омонимия М, 1980 С 82–87
- 18 Плоткин В Я Строй английского языка М, 1989 С 205–207

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1993 г. КАБАКОВА Г.И.

**ФРАНЦУЗСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА:
ПРОБЛЕМАТИКА И МЕТОДОЛОГИЯ**

Термин «этнолингвистика» входил в научный обиход Франции постепенно. Уже в 50—60-е годы это слово появлялось в работах некоторых лингвистов (Ж. Сеги, А. Шафф), но официальная история французской этнолингвистики начинается с 1969 г., когда выходит в свет первый справочник (под редакцией А. Мартине) [1], где ей отводится отдельная статья. Впрочем, ее автор, Ж. Шен, не признает за ней статус самостоятельной дисциплины, а только области знаний, представляющей равный интерес как для лингвистов, так и для этнологов. Начиная со следующего, 1970 года, разные периодические издания посвящают специальные номера проблеме взаимоотношений этнологии и лингвистики, языка и общества.

Первая такая дискуссия состоялась на страницах журнала "Langages". В своей статье "Предмет этнолингвистики" [2], на которую по сей день ссылаются те, кто причисляет себя к этому направлению, инициатор выпуска Б. Поттье очертил проблематику, определяющую, по его мнению, специфику этнолингвистики. При этом он выделил три основных области: 1) язык и картина мира (таксономии как лексические, грамматические универсалии), глоттохронология; 2) этнотеории языка, интерпретации (мотивировки, коннотации), графическое и звуковое оформление; 3) язык и коммуникация (разные типы лингвистических ситуаций, дискурсов; языковые контакты). Таким образом, Б. Поттье предложил весьма широкую трактовку задач и предмета новой области лингвистики. По сути дела, понимаемая таким образом этнолингвистика должна была бы охватить практически всю лингвистику. Дальнейшие дискуссии, а главное практическая деятельность исследователей, считающих себя этнолингвистами, значительно сузили сферу ее применения. (Правда, Ж. Калам-Гриоль в своем обзоре «Этнология и науки о языке», описывая состояние науки 1970-х гг., опирается на эту схему и расширяет ее за счет включения множества исследований по фольклору [3].)

Следующим важным этапом в осмыслении специфики этнолингвистики стали два международных коллоквиума, состоявшихся на рубеже 70—80-х годов: "Теория в этнолингвистике" и "Лингвистика, этнология, этнолингвистика" [4—5]. Целью их было собрать специалистов разного профиля — лингвистов, этнологов, социологов и т.п., интересующихся этнолингвистической проблематикой. Несмотря на то, что вторая из упомянутых встреч была составной частью съезда французской ассоциации антропологов, подавляющее большинство участников были как по образованию, так и по характеру научных занятий лингвисты. К огорчению организаторов, "чистые" антропологи на коллоквиумах не присутствовали. Одно из возможных объяснений такого безразличия кроется в исповедуемом этнологами по сей день традиционном отношении к языку лишь как

к вспомогательному коммуникативному средству, позволяющему собирать необходимую информацию. Их индифферентность отразилась, в частности, и в том, что подобный подход был сформулирован и проанализирован не представителями наук об обществе, а опять-таки лингвистами. На первой из упомянутых конференций — более теоретической, чем практической, как следует уже из названия, — были рассмотрены разные трактовки самого понятия "этнолингвистика". Пожалуй, лишь пограничное положение этой дисциплины не вызывало сомнений ни у кого из присутствующих (ее, например, сравнивали с летучей мышью — героиней басни, выдающей себя то за птицу, то за мышь в зависимости от обстоятельств).

Наибольшие споры вновь вызвало определение самого предмета исследования. И здесь необходимо выделить две главных концепции. Первая опирается на положение, высказанное еще в 1925 г. Э. Дюркгеймом: «Понятийная система, которой мы пользуемся в повседневной жизни, содержится в лексическом составе нашего языка. Эти понятия суть коллективные представления, через которые общество осмысляет собственный опыт". Эта гипотеза, как известно, была поддержана и развита, с одной стороны, Э. Бенвенистом ("язык окружает общество, содержит его в своем понятийном аппарате ... он структурирует общество, устанавливая то, что можно назвать социальным семантизмом"), а с другой — Сэпиром и Уорфом ("мы воспринимаем окружающий мир, руководствуясь грамматической структурой родного языка").

Из подобной трактовки взаимоотношений языка и общества естественным образом вытекает задача исследовать культуру данного общества через изучение его языка. До известной степени она близка позиции этнологов, для которых главным предметом исследования остается общество, экстралингвистическая реальность, воспринимаемая через призму языка. В таком случае этнолингвистика оказывается лишь вспомогательной дисциплиной, составной частью этнологии, и ее было бы точнее определить как "лингвистическую этнографию" (имея при этом в виду, что термин "этнография" имеет отчетливо негативные коннотации в современном французском научном обиходе — в отличие от "этнологии"). Она противопоставляется "этнографической лингвистике" (которую филологи часто считают "собственно этнолингвистикой"), "этнологической" или "антропологической лингвистике", объектом которой остается сам язык, в той мере, в какой он отражает традиционные "знания" (понятия, верования, но также и трудовые навыки и т.п.). В отличие от классической лингвистики язык изучается не феноменологически, но *sub specie culture*, а этнология в таком случае оказывается — в свою очередь — вспомогательной дисциплиной для этнолингвиста.

Однако такое резкое противопоставление "лингвистики этнологов" и "этнографии лингвистов" выглядит, на наш взгляд чрезмерно схематичным и на практике не встречается. Все принявшие участие в дискуссиях подчеркивали, что их интересует прежде всего взаимодействие языка и культуры. Вопрос лишь заключается в том, как, при каких условиях оно оказывается возможным.

Важным вкладом в дискуссию о статусе этнолингвистики, о ее взаимоотношениях с этнологией стала статья африканиста Э. Бонвини [6], которая с наибольшей четкостью формулирует другое понимание предмета этой новой науки. Хотя все сторонники этнолингвистики постоянно подчеркивают комплексный ее характер, в понятие "комплексный" вкладывается разное содержание. Порой имеется в виду взаимодополняемость двух разных дисциплин и присущих им методов, часто подчеркивается необходимость их синтеза, однако, на практике примеров подобного синтеза не встречается. Бонвини предлагает этнолингвистике вначале смириться с тем, что наука «промежуточная», пограничная (*interdiscipline*), и утвердиться именно в таком качестве: только тогда она сможет завоевать право стать полноценной дисциплиной. Для этого она должна изучать

в с ю "речевую реальность данной конкретной группы, без всякого исключения", т.е. обратиться и к анализу других "языков" (например, жестов, рисунков, и т.д.), составив полный список таких речевых форм и исследовав каждую форму речевой деятельности в соотношении со всеми прочими, анализируя роль каждой в процессе жизнедеятельности данной группы. Иначе говоря, такой подход трактует культуру не как контекст речи, а как главное содержание социально-исторического опыта, который может быть передан только с помощью языка.

Отправной точкой для анализа языковой коммуникации (то, что в американской традиции называется "этнографией коммуникации") служит схема анализа коммуникативного акта, предложенная Р. Якобсоном и дополненная Д. Хаймсом. Такой акт интерпретируется как составная часть всех социальных отношений в данной группе. При этом неперенным условием анализа является присутствие самого исследователя — или даже еще более активная форма его участия, вплоть до самоанализа — при акте коммуникации (Д. Рей-Ульман; Ж.К. Дэнгирар). Из этого постулата следует, что объектом анализа в этнолингвистике может стать любой речевой акт с учетом всех условий и обстоятельств коммуникации, как и любая социальная среда. Так утверждал еще в 1970 г. Б. Поттье, "полем исследования может быть как бульвар Сен-Мишель, так и Огненная Земля".

Однако в поле зрения французских ученых значительно чаще оказываются "экзотические" общества, традиционные, как правило, деревенские культуры, а отнюдь не городская среда. В этом смысле этнолингвистика оказалась парадоксальным образом преемницей установок — подчас сознательных и эксплицитно выраженных, а чаще подспудных — французской этнологии, искони ориентировавшейся на полевые исследования в многочисленных африканских колониях и лишь в последние десятилетия открывающей для себя Францию.

Именно такая ориентация отразилась в названии научного центра, созданного в 1976 г. и специализирующегося на этнолингвистических исследованиях, — "Лаборатория языков и цивилизаций, имеющих устную традицию" (Laboratoire des Langues et civilisations à tradition orale — LACITO). При этом подразумеваются языки и общества, не обладающие письменностью. В силу такой установки в задачу этнолингвиста часто входит и первичное описание структуры данного языка, диалекта и т.д., и накопление корпуса текстов. Этой проблематике в 1971 г. был посвящен специальный коллоквиум, в котором приняли участие многие ученые, впоследствии ставшие сотрудниками Лаборатории [7], а также публикация трехтомного вопросника, способствующего наиболее полному сбору полевого материала — как лингвистического, так и этнографического [8]. В этом смысле французская этнолингвистика, опирающаяся прежде всего на устные тексты, противопоставляет себя филологии, имеющей дело с текстами письменными.

Не менее важным для самоопределения этнолингвистики было обсуждение вопроса о ее взаимоотношениях с близкими ей дисциплинами. С одной стороны, вопрос может быть решен достаточно простым и формальным образом: различия заключаются в специфике предмета исследования. Если психоллингвистика изучает преимущественно субъект коммуникации, социоллингвистика — языковое поведение социальных групп, то этнолингвистика исследует язык в социокультурном контексте. Именно поэтому последняя подчас рассматривается как ответвление социоллингвистики, специализирующееся на анализе так называемых "примитивных" обществ (такую интерпретацию можно, в частности, найти в статье "Этнолингвистика", помещенной в Большом Ларуссе [9]). Более убедительно выглядит предложение Ж. Калам-Гриоль различать социоллингвистику как дисциплину, изучающую отношения между языком и обществом, и этнолингвистику, исследующую взаимоотношения общества и речи. С другой стороны, применяемые и в социоллингвистике, и в психоллингвистике во многих близких методологии свидетельствуют скорее о большом разнообразии — при разно-

голосице — в определении специфики каждой отдельной дисциплины, а значит, и об относительной условности такого разделения.

Наиболее проблематичными выглядят взаимоотношения этнолингвистики с такой разработанной во французском языкознании областью, как диалектология. В упомянутых дискуссиях участие специалистов-диалектологов оказалось достаточно маргинальным, если не считать самого Ф. Альвареса-Перейра, который подробно проанализировал состояние устной культуры в западных областях Франции [10, 11], в конференции 1979 г. участвовал Ж.К. Дэнгирар, применивший этнолингвистическую методiku в своем исследовании долины Жерса (Гасконь) [12]. С его точки зрения, специфика этнолингвистики применительно к современным диалектологическим исследованиям заключается в особом внимании к семантическому анализу и в использовании в качестве основных источников фольклорных текстов (песни, сказки, предания и т.д.), а также топонимики (насколько нам известно, мало кто из этнолингвистов обращался к анализу географической терминологии) и антропонимии.

Для Дэнгирара "этно(графическая)" и "этно(логическая) лингвистика" — две неразрывно связанные стадии единой этнолингвистической процедуры, которая основывается на фиксации и непредвзятом описании возможно более широкого круга языковых фактов, поскольку априори исследователь не может судить об их культурной значимости. Но в отличие от большинства французских этнолингвистов, работающих, повторим, с бесписьменными традициями, специалист по французской диалектологии располагает также материалом (языковым и этнографическим), допускающим и диахронический анализ. Исследование Дэнгирара, выделяется на общем фоне диалектологических работ не столько даже методикой, сколько проблематикой, подсказанной во многом "этнолингвистикой устной культуры" Ж. Калам-Гриоль. Много места в своей диссертации он уделяет морфологии фольклорного текста (прежде всего сказки), "народной металингвистике", (наподобие народной астрономии или этноботаники), т.е. традиционным представлениям о языке и речи.

Отсутствие контактов между столичными этнолингвистами или диалектологами, работающими в основном в научных центрах при провинциальных университетах, заслуживает тем большего внимания, что близится к завершению начатая по инициативе Доза грандиозная программа «Этнографических и лингвистических атласов» всех исторических областей Франции¹. Соотношение этнографического и лингвистического начал варьирует от атласа к атласу в зависимости от теоретических установок и личного выбора авторов, но в целом для всех атласов характерно разделение, даже «разведение» картографируемого материала на диалектологический (здесь преобладает лексика, но имеются также и элементы фонетики, в меньшей степени грамматики и синтаксиса) и «технологический» (предметы материальной культуры), причем последний носит характер "иллюстраций". В этом смысле атласы вполне соответствуют своему названию: они являются потенциальным богатейшим источником как для лингвистических, так и для этнографических исследований, но простое сочетание этих двух составляющих не означает появления этнолингвистического атласа. Драматизм этого крупнейшего научного проекта заключается в том, что он весьма мало используется как лингвистами, так и этнографами (отчасти в силу вышеуказанной "колониальной" ориентации французской науки, отчасти в силу непрестижности этой области знания, которая

¹ Напомним, что первым начал выходить Атлас Лионне (1950), за ним последовали атласы Гаскони (1954), Центрального Массива (1957), Шампани и Бри (1966), Эльзаса (1969), Центра (1971), Запада (1971), Юры и Северных Альп (1971), Франш-Конте (1972), Иль-де-Франса и Орлеанне (1973), романской Бретани, Анжу и Мена (1975), Прованса (1975), нижней Бретани (1977), германоязычной Лотарингии (1977), западного Лангедока (1978), франкоязычной Лотарингии (1979), Нормандии (1980), восточного Лангедока (1981), о. Реюньон (1984).

на практике означает расхождение между работами местных краеведов-фольклористов и этнологов; самоопределение "этнограф" в подобных обстоятельствах выглядит как экстравагантность).

Основная причина, однако, кроется в отторжении методологического подхода, определенного еще Жильероном и Эдмоном, основой которого является картографирование разных означающих одного означаемого. Правда, ситуация начала немного меняться в 60-е годы: Ж. Сеги, автор "Атласа Гаскони", посвятил последние годы жизни разработке теории "диалектной коммуникации", которая, однако, не получила при его жизни признания. Впоследствии многие его тезисы были развиты не только его учеником Дэнгиаром, но и группой этнологов и лингвистов из тулузского Пиренейского института антропологических исследований и из Центра Окситанских исследований при университете Монпелье. В статье "Перспективы окситанской этнолингвистики" [13] Д. Фабр, Ж. Лакруа и Р. Лафон, члены этого центра, применили методику вычисления лингвистического расстояния Сеги и сопоставили его с "демо-генетическим" расстоянием (имеются в виду, например, данные по эндогамии—экзогамии). Это сопоставление информации разного уровня позволяет перейти от традиционной диалектологии к диалектной социо- и психолингвистике (изучение устной и письменной диглоссии или даже триглоссии, языкового самоощущения носителей диалекта или малого языка и т.д.). Таким образом, этнолингвистика как способ выражения национального самосознания (а для окситанской культуры проблема эта более чем актуальна) может стать одним из аргументов в большой языковой политике.

В качестве одной из насущных задач авторы предлагают дополнить этнолингвистику речи этнолингвистикой текста, что, однако, требует четкости в функциональном определении "текста", поскольку предлагаемая ими дефиниция "культурно значимый отрезок времени" оставляет открытым вопрос о критериях. Кстати, некоторые представители "окситанской школы" — К. Равье и Ж.К. Бувье — стараются ввести в обиход термин "этнотекст": им может быть любой устный или письменный текст который содержит "этнологическую, историческую и лингвистическую информацию" ([14, ср. 15]) Но на практике любой текст подходит под это определение. И по сути, анализ мифологических текстов выходит далеко за пределы лингвистики (правда, К. Равье и не настаивает на "этнолингвистичности" своего исследования).

Подводя итоги дискуссии, организатор конференции в ЛАСИТО, Ф. Альварес-Перейре, вынужден был констатировать, что разногласие в выборе предмета исследования соответствует пестрота применяемых методик, но также и отсутствие специфических, присущих лишь этнолингвистике приемов анализа. С другой стороны, как показала практика двух последних десятилетий, отсутствие стройной теории нового направления само по себе не является препятствием для ежегодного появления все новых диссертаций, посвященных этнолингвистической проблематике.

У истоков обширной традиции "этнографии коммуникации" находится, безусловно, фундаментальная работа Ж. Калам-Гриоль "Этнология и речь. Слово у догонов", опубликованная в 1965 г. и затем переизданная [16]. В нем автор, определяя характер своего исследования, пока еще не употребляет термин "этнолингвистика" (это произойдет позже, в 1970 г., на страницах уже упоминавшегося журнала "Langages"), а использует термин М. Коэна [17] "социология речи". Объектом анализа становится "теория и практика" слова у догонов, народа, проживающего в Мали, и насчитывающего в 1950-е годы четверть миллиона; своей широкой известностью этот народ обязан многочисленным публикациям М. Гриоля [18—21], отсюда исследовательницы, и его учеников. Обильная библиография работ, посвященных догонам, обусловила и структуру "Этнологии и речи": изучению устной культуры (oralité) — как повседневной, так и ритуальной, —

предшествует разбор "теории" слова и речи, мифов, касающихся их происхождения.

В своем анализе речи Ж. Калам-Гриоль исходит из строгой структурированности картины мира в концепции догонов, о чем писал ранее и М. Гриоль, подчеркивавший, что дух порядка упорядоченности пронизывает все, даже и сам беспорядок. Главным средством организации мира служит Слово (sə), контекстуальные значения которого покрывают все области речевой — и шире интеллектуальной — деятельности, начиная от процесса зарождения мысли ("внутреннего слова" или в дословном переводе — "слова, находящегося в печени", так как печень во многих африканских культурах мыслится как центральный орган человеческого организма) вплоть до его окончательной реализации — языка, речи, повествования и даже поступка. Слово — это прежде всего Знание о мире, который устроен по образу человеческого тела, мельчайшая деталь которого имеет смысл, значение или, по выражению догонов, содержит в себе "слово о мире", а значит, подлежит "прочтению", "расшифровке", которой с увлечением и упорством предаются не только ученые, но и их информанты. Эта тотальная "символизация" (в терминологии Калам-Гриоль), "знаковость" становится в монографии Калам-Гриоль отличительной чертой не только космоса, но и описывающего его языка.

Слово, представляемое как "эманация" человеческого существа и как средство, позволяющее войти в контакт с другими, осмысляется как образ и подобие человека. Его "тело" (звуковая оболочка) состоит из четырех элементов: воды (слово немислимо без слюны, без воды, которую в виде пара можно разглядеть у рта говорящего), во:духа (дыхания), земли (она придает слову "вес", благодаря присутствию земли слово из простого шума оказывается речью), огня ("теплоты" слова). Соотношение этих важнейших компонентов, а также и такого узлового понятия, как "жизненная сила", или дух, и определяет разные модальности речи, разные типы дискурсов. В свою очередь и формирование слова в человеческом организме описывается как сложнейший физиологический процесс, в котором принимают участие практически все органы, от мозга до печени. Слово может быть описано (и прочитано) в разных кодах — на уровне физиологии оно, подобно семени, участвует и в акте зачатия, и в родах, на "технологическом" уровне оно сравнимо с кузнечным делом ткачеством, земледелием и приготовлением пищи.

Но классификационные структуры мотивируются также и мифологическим происхождением как самого дара слова, полученного предками, первыми людьми, сошедшими с неба, так и разных типов речи. Всего их 48, каждый возводится к одному из предков и означает определенную речевую ситуацию, занятие, соответствует части тела, кодируется животным и растением. При этом практически каждый тип обладает собственным рисунком-символом, цель которого — увековечить "слова", обновить их жизненную силу. И наоборот, те слова, которым догоны желают скорого исчезновения, не имеют собственных рисунков (так, например, дело обстоит со "словами при месячных", нечистом состоянии женского организма).

Собственно "социологии" или "социальной феноменологии" устной культуры посвящена вторая половина книги, где Калам-Гриоль прослеживает все этапы освоения речи ребенком. На первом этапе, находясь всецело на попечении матери, он овладевает лексикой, относящейся к человеческому телу, дому, а на втором этапе должен познать внешний мир и с помощью отца и всех окружающих перейти к диалекта матери на диалект отца (надо учесть, что диалекты догонов сильно разнятся между собой). Развитие девочки проходит через большее число этапов, маркируемых каждый раз новыми операциями на теле. Эти "переделки, усовершенствования" тела (вроде протыкания ушей, носа) служат и целям освоения ею дара речи.

Монография Калам-Гриоль по сути соединила в себе оба типа этнолингвистических исследований: условно говоря, "таксономический", или посвященный "этнознаниям" (с той оговоркой, что объектом классификации и семантического анализа выбран не сегмент материального мира, а речевая деятельность) и "этнокоммуникативный".

Эта разнovidность этнолингвистики с годами все более сосредотачивается на изучении фольклорного текста как такового. Специфически этнолингвистическим, по мнению Калам-Гриоль, является анализ с учетом двойного — лингвистического и культурного — кода, которым владеют в равной мере как исполнитель (производитель) текста, так и его аудитория. Социальная функция текста выражается в правилах и запретах, регулирующих производство текста, выбор жанра в зависимости от конкретных обстоятельств. Не меньшее внимание уделяется, помимо этого, всему "нарративному коду", т.е. совокупности жанров, а также анализу языка и стиля произведения. Исследование устной культуры подразумевает, кроме того, фиксацию (и интерпретацию) интонации и жестов, сопровождающих повествование. (Подробно эта проблематика освещается Ж. Калам-Гриоль в статье "К исследованию нарративных жестов" [22].)

Таким образом, многие исследователи имеют трехступенчатую структуру: анализ языковых (и неязыковых) средств выражения предваряет выявление морфологии текста (на основе сопоставления разных вариантов), а затем его герменевтики, "глубинной семантики". Такая схема может быть приложена к изучению всей устной культуры одного этноса или отдельного жанра: так, к примеру, К. Сейду в статье "Девиз в культуре фульбе" приходит к выводу, что девиз носит характер своеобразного лингвистического ритуала, функция которого не исчерпывается только называнием (в отличие от личного имени, клички, имени клана), но подразумевает также и заклинание [23].

Помимо анализа фольклорных жанров, этнолингвистика "устной культуры" исследует специфические ритуальные языки — язык инициационных обрядов, язык шаманов и т.д. Но наряду с этим все большее место уделяется изучению отдельных тем и мотивов фольклора, преимущественно сказачного, и мифологии. Примером тому может служить основанный и руководимый Ж. Калам-Гриоль журнал "Cahiers de littérature orale" (на сегодняшний день вышло 30 номеров), отдельные номера которого посвящались таким темам, как образ короля, дьявола, похоронные песни, литература индейцев и т.д.

Но если такой "мотивный" анализ фольклора выходит уже за пределы этнолингвистики, каков бы расширительное толкование ни придавалось этому термину, то "социология" устной культуры может стать предметом этнолингвистики. Так, в своей монографии "Литературные билингвизмы. Социальное значение устной литературы у чокосси (Того)" Д. Рей-Ульман [24] строит анализ устной культуры исходя из анализа социальной структуры общества. В той мере, в какой устройство африканского общества отличается от европейского, сам термин билингвизм наполняется специфическим содержанием. Если во Франции билингвизм подразумевает дистрибуцию литературного языка и местного наречия, то для культуры чокосси исследовательница выявляет билингвизмы разного уровня: "официального", т.е. социально обусловленное использование языка отца и/или матери, и "неофициального", в котором разные языки закрепляются за разными сферами: так, "иностраный" (вообще чужой) язык допускается в сказках и ритуалах. При этом ритуальная жизнь, находящаяся по большей части в введении женщин, происходит в ночное время. Во всех случаях билингвизм является порождением и выражением социальных отношений неравноправия: если днем он реализуется в акте коммуникаций между представителем власти и "народом", то ночью власть принадлежит предкам, от имени которых и исполняются ритуальные песни.

Отличительной чертой французской этнолингвистики является постоянное

обращение, во-первых, к американским источникам (как правило, к работам Делла Хаймса), а во-вторых, использование методик, выработанных другими гуманитарными науками. В такой ситуации этнолингвистика становится промежуточным звеном между анализом собственно лингвистическим и собственно этнологическим. Компетенция этнолингвиста необходима там, где обнаруживается недостаточность лингвистических методов, не учитывающих социокультурную реальность. Таким приоритетным объектом оказываются для этнолингвиста "языковые употребления" (*usages, pratiques langagières*), трактуемые в их социальном (а не чистом лингвистическом) аспекте.

По подобной трехступенчатой схеме — анализ лингвистический, этнолингвистический и, наконец, этнологический — строится, например, диссертация С. Зервудацки "Шутка в деревенском кафе в Греции", методологическая специфика которой определена автором как "микроэтнография коммуникации: опыт диалогового анализа" [25]. Методика американских социологов (Сякурель, Герфинкель, Сакс и др.), применявшаяся ранее исключительно к американскому среднему классу, использована автором для анализа одной минуты разговора, записанного в греческой деревне. Анализ показал отсутствие существенных отличий в функционировании диалога как интерактивного явления. Напротив, характер, а главное цель использования в устной речи таких устойчивых в греческом фольклоре жанров, как анекдот и загадка, значительно отличаются от других этнических традиций. Так, шутка, смех не являются самодостаточной языковой деятельностью, ценность остроты определяется ее адекватностью конкретной ситуации, ее продолжением в другом регистре. Автор показывает, что для построения универсальных моделей дискурса помимо уровня собственно дискурса, диалога с присущими ему правилами, надо учитывать слой существующих в культуре языковых практик. В данном случае ими становятся фольклорные жанры. При этом для этнолога важно, что они актуализируются в речи старшего поколения.

Шутка и загадка в речи стариков имеют воспитательно-иницирующий смысл (что характерно и для многих архаичных обществ). Но смех, как известно, служит лучшей защитой от страха, в данном случае перед наступлением новой цивилизации, в которой старость ассоциируется с архаизмом, а молодость с новаторством. Их верность традиционным языковым клише оказывается наиболее эффективным способом закрепления символической ценности архаизма в контексте современного индустриального общества. Альтернативой такой стратегии, по мнению исследовательницы, являются девалоризация речевого статуса старшего поколения и неизбежное вымирание всей традиционной культуры (несмотря на живость таких "экзотических" ее атрибутов, как национальная одежда и др., ср. в других областях Греции). Таким образом, объектом этнолингвистического анализа в данной работе становится функционирование в повседневной речи не столько готовых фольклорных текстов, сколько их моделей. Но определение смысла этой процедуры, ее социальной стратегии, по мысли автора, находится уже в компетенции этнолога (или антрополога).

Как мы указали в начале нашего обзора, важным течением французской этнолингвистики является то, что Поттье, а затем и Калам-Гриоль называют "изучением картины мира", иначе говоря, исследования, посвященные отдельным семантическим группам или полям. Наиболее разработанными областями оказались этнозоология, этноботаника (и отчасти связанная с ней народная медицина), поскольку они лучше всего поддаются классификации, а также потому что во Франции существует богатая этнологическая традиция изучения технологии и народных знаний о природе, связанная прежде всего с именем А. Одикура. Некоторые этнолингвистические работы, посвященные данной тематике, опубликованы в двухтомном сборнике в честь этого ученого [26].

В этой же традиции составлен трехтомный атлас "Рис в юго-восточной Азии" под общей редакцией Н. Ревель [27].

Другими важными темами семантических исследований стали выражение пространственно-временных представлений [28, 29], цветообозначения [30], названия частей тела [31, 32], терминология родства, антропонимия. Поскольку методологические установки и подходы исследователей значительно варьируют, мы позволим себе подробнее остановиться на трех диссертациях, ставших впоследствии монографиями и выполненных на разном — и тематически, и географически — материале.

Одной из редких работ, посвященных европейской традиционной культуре, является диссертация Ж. Дреттаса "Мать и орудие. К семантическому анализу современного деревенского ткачества в Болгарии" [33], удостоенная премии Французской академии. Описание терминологии этого архаичного ремесла сопровождается тщательным описанием самого технологического процесса, начиная с обработки исходного материала и вплоть до конечного продукта — тканей и традиционных узоров. При этом в поле зрения исследователя попадают и календарные запреты, регулирующие ткаческое производство, и некоторые связанные с орнаментикой фольклорные сюжеты (анализ песни о ласточке), и отчасти система социальных отношений (в частности, схема передачи знаний, наследования и т.п.). Лексикографическое описание ткачества представлено в монографии большим корпусом текстов, записанных по всей Болгарии, опубликованных как в фонетической транскрипции, так и в переводе на французский и, главное, снабженных основательным научным комментарием. Таким образом, устный диалектный текст становится объектом того, что во французской традиции называется "филологическим исследованием", т.е. анализом письменного памятника.

Выбор для анализа сегмента традиционной материальной культуры исследователь мотивирует прежде всего "зримостью, осязаемостью", материального референта. Именно поэтому такое большое место уделено в монографии изобразительному материалу: рисункам, схемам, фотографиям. Напротив, при изучении, например, демонологических персонажей в силу характера самого референта, а также специфики источника информации неизбежны семантические потери. (Отметим, однако, что сложность подобной задачи не помешала Дреттасу заняться впоследствии анализом феномена вампиризма в Греции [34] и Болгарии.) Методологические задачи заключаются в применении структурного анализа к диалектному материалу и к исследованию семантики, которой, по мнению Дреттаса, классический структурализм не уделял должного внимания. Другой важный постулат автора также во многом противоречит установкам структурализма и восходит к марксистскому типу анализа. Так, Дреттас настаивает не столько на "экзотизме", культурной специфике своего материала, сколько на его эволюции. Лексические изменения отражают изменения социальные: постепенное превращение ткачества из индивидуального, женского занятия в ремесленное мужское производство, ориентированное на рынок, сопровождается рядом семантических сдвигов, ростом числа специфических технических терминов. Подробность лексической детализации определяется, по мысли автора, общественно-историческими условиями; "слабой вербализации" женщин, занимающихся ткачеством у себя дома, противостоит обильная в основном за счет заимствований лексика красильщиков.

Если диссертация Дреттаса сосредоточена на описании одной области "этнознаний" (ethnoscience), то М. Террье, посвятивший себя изучению эскимосов, населяющих арктическую часть Квебека, в диссертации "Тело инуитов" [35] формулирует свою задачу несколько иначе (хотя речь здесь тоже идет о реконструкции традиционных знаний). В цели работы входит не только представить таксономию частей тела, показать ономаσιологические модели, но

также и выявить лежащие в ее основе концепты. Такого рода исследованию способствует сама структура эскимосского языка, агглютинативного по своей природе, в котором большая часть лексики имеет прозрачную внутреннюю форму, а язык оказывается в значительной степени метаязыком. Высоко развитая полисемия позволяет с помощью анатомической лексики описывать весь окружающий мир: прежде всего дом и транспортные средства (байдарки), орудия труда, оружие, но также и небо и море.

М. Террьер показывает также и сосуществование двух языков внутри эскимосского языка — профанного и сакрального, т.е. языков шаманов, которые содержат две параллельные структуры описания человеческого тела. Важно при этом, что в основе этих двух классификаций лежат два разных подхода. Если повседневный язык исходит из пространственной концепции тела, то для шамана важнее его "кинетика", движение: так, зрачок — это "то, что смотрит", колено — "то, что служит для ухода", стопа — "то, что опирается на землю" и т.п. Детальный семантический анализ демонстрирует, что такой термин, как *inuk* (эскимос), содержит в себе по крайней мере три узловых понятия, охватывающих как биологическую, так и социальную реальность: человеческое существо, владелец и житель.

Семантический анализ является также отправной точкой исследования Э. Клодо, посвященного терминологии родства у туарегов и полемически названного "Семантика на службе антропологии". В самом деле, компонентный анализ применительно к данной области лексики, казалось бы наиболее структурированный, дает, как показывает Клодо, весьма скромные результаты. Более плодотворным оказывается подход, при котором построению семантической модели предшествует анализ экстралингвистических фактов. И в этом смысле автору ближе позиция антропологов: "структура означающих (лингвистических знаков) коррелирует со структурой социально релевантных означаемых, язык в таком случае содержит взгляд на мир, который должен быть в свою очередь поставлен в связь с жизненным опытом социальных субъектов и функционированием общества. Для лингвистов же означающие представляют собой самоценную систему, структура которых может быть выявлена при наложении на нее означаемых" [36].

Сделав выбор в пользу первого методологического подхода, Клодо применяет двуступенчатый семантический анализ, соответствующий двум этапам познания. На первом реконструируется структура системы родства в том виде, в каком она представляется самим носителям языка. На втором эта модель сама оказывается лишь формой выражения (означающим) структуры общества, которую автор называет бессознательным означаемым (*signifié inconscient*). При этом релевантными оказываются отношения сотрудничества, благодаря которым осуществляется производство продуктов, необходимых для выживания данной социальной группы. Поэтому проанализировав характер производства, распределения, условия заключения браков, принципы наследования и другие общественные отношения, традиционно являющиеся объектом изучения социальной антропологии, Э. Клодо констатирует, что лингвистическая и социальная структуры родства не совпадают. Самым показательным является противоречие между лексически однолинейной номинацией родства, отсчитываемой от матери, и двусторонней по сути системой родства. Объяснение подобной нелогичности заключается в несовпадении идеального видения родства (по одной линии — материнской или отцовской), которое соответствует интересам общины, и реальным, "практическим" родством, преследующим свои цели, которые далеко не всегда совпадают с общественными. Таким образом, семантика трактуется как необходимое, но недостаточное средство выявления социальных структур общества.

В той мере, в какой этнолингвистика считает своей целью реконструкцию картины мира, естественным и логичным представляется переход от моно-

графических исследований, посвященных одному семантическому полю, одной области этнознаний, к обобщающим работам, охватывающим все (или многие) стороны жизни общества, т.е. к словарям и энциклопедиям.

Один из наиболее масштабных проектов — "Энциклопедия пигмеев Ака" под общей реакцией Ж. Тома и С. Баюше [37], плод совместной деятельности лингвистов, экологов, ботаников и музыковедов. Предполагается, что она будет состоять из четырех частей: введения, ака-французского этнографического словаря (11 выпусков), французского-ака алфавитного словника и тематических индексов (технология, растения, животные, социология, физиология). К настоящему времени вышло введение, в котором дается краткий очерк истории и современного состояния племени пигмеев, говорящих на языке ака, три этнографических выпуска и один том двуязычного словаря. Каждый из авторов излагает проблематику и специфическую методологию своей работы. Существенен при этом труд этноэколога С. Баюше, исследовавшего взаимовлияния естественной среды и социальной организации (проблеме приобретения и использования знаний о природе пигмеями целиком посвящена его монография "Пигмеи Ака и центральноафриканский лес" ([38], ср. [39—42])².

Задачу такой энциклопедии авторы формулируют как отражение современного состояния языка и материальной культуры пигмеев, которое позволит "узнать и, может быть, понять образ жизни Ака". Это предполагает отражение взглядов самих носителей языка на то или иное явление, но также и сопоставление их с "объективной реальностью", т.е. точкой зрения западной науки. Словарь составлен в фонологическом порядке: публикация началась с фонемы /p/. В рамках словарной статьи дается возможно более полное грамматическое описание каждой основы (грамматическая категория, затем специфические характеристики в зависимости от категории), указание на место фиксации; этнографическое толкование, которое во многих случаях подкрепляется рисунком, схемой или фотографией; семантические знания, иллюстрируемые цитатой или отсылкой к основному корпусу текстов, синонимы, антонимы; кроме того, указываются варианты слова (основы) внутри одного и того же говора или диалекта, употребления аналогичной или сходной формы в родственных языках. Статьи снабжены также перекрестными отсылками. Этнографический аспект понимается авторами весьма широко, поскольку материальная сфера (охота, собирательство) неразрывно связана с ритуальной, духовной. Так, из статьи *réngù* мы узнаем, к примеру, что термин может относиться к двум породам деревьев (*Carobolia alba* и *Dracaena mayumbensis*) и что по традиции старший из группы охотников сажает это деревце перед началом охоты; затем его смазывают кровью пойманного или убитого животного. Такое деревце, если ему своевременно приносят жертвоприношения, способствует удачной охоте.

Иной принцип организации материала положен в основу трехтомного "Тезауруса тенда" М.-П. Ферри [43]. В его задачу тоже входит максимально полное воссоздание картины мира носителей языков басари, бедик и коньяги, принадлежащих к подгруппе тенда (атлантическая группа семьи Нигер-Конго), на которых говорят в Сенегале и Гвинее. Но материал в словаре организован не в алфавитном порядке, а тематически (на что собственно и указывает название). Всего таких тем 18, они охватывают как материальную сферу (сельское хозяйство, ботаника, зоология, жилище, одежда, человеческое тело, работа и ремесла), так и духовную, интеллектуальную (религия и верования, этапы жизни,

²Этой работой открылась серия "Этнонауки", в которую, кроме того, вошли монографии [34—36]. Этноэкологические публикации французского общества лингвистических и антропологических исследований вообще довольно многочисленны. Упомянем еще монографию, посвященную естественнонаучным познаниям индейцев ваип [37].

слова и музыка, социальная жизнь), другие абстрактные термины выделены в разделы "пространство и время", "движение и перемещение". Как видим, тематические отделы вполне соответствуют классификациям, принятым в тезаурусах европейских языков. Но наряду с этим автор уделяет отдельную главу джунглям, поскольку они занимают весьма существенное место в данной культуре.

Главная проблема, которая встает перед автором любого подобного словаря-энциклопедии, — это выбор позиции. Очевидно, что житель Гвинеи не воспринимает и не членит мир как француз и что расстояние между словом и опытом, о котором писал в свое время Сэпир, будет разным в разных культурах. Эту сложность Ферри формулирует как несовпадение двух видов знаний — семантического, т.е. категориального, которое в принципе может быть усвоено человеком, посторонним данной культуре, и энциклопедического, "знания о мире", которое, будучи неисчерпаемым, всегда превосходит компетенцию иностранца. Поэтому данный тезаурус представляет собой неизбежный компромис между "европейским" способом категоризировать мироздание и туземным. Так, например, разделы ботаники и зоологии отражают местную классификацию. Другие отделы, в связи с менее очевидной структурой конкретных семантических полей, в разной мере передают точку зрения носителей тренда. Каждый тематический раздел открывается вводной статьей, в которой суммарно излагаются взгляды представителей данной культуры, скажем, на человеческий организм, из нее читатель узнает, например, что тело представляется стволом, что голове и членам приписывается большая автономия. А для того чтобы излечить больного ребенка, нужно прибегнуть к процедуре, которая называется в языке бедик "поиском тела" и состоит в опознании того духа, который вселился в тело больного. Кроме того, сообщаются сведения об использовании названий частей тела. Внутри же раздела лексический и этнографический материал группируется по аналогическому и ассоциативному принципам. Последний том отводится четырем указателям-индексам: на французском и на трех африканских языках.

Помимо собственно энциклопедических задач М.П. Ферри пытается решить и некоторые грамматико-морфологические проблемы, связанные, например, с семантикой именных классов. Благодаря тому, что объектом этнолингвистического описания здесь оказываются три родственных языка, открывается перспектива сравнительных (а в будущем и диахронических) исследований, что для подавляющего большинства африканских культур остается лишь благим пожеланием.

Вообще говоря проблема, для чего и для кого делается словарь, в частности этнолингвистический, встает перед любым автором. В одних случаях главной целью такой работы, растягивающейся на годы (если не на десятилетия), составители полагают описание цивилизации, чтобы сделать ее более доступной для последующего научного изучения либо чтобы сохранить следы исчезнувшей культуры. Этот страх исчезновения с лица земли целых цивилизаций имеет свою давнюю историю, но часто он не лишен оснований. Гораздо реже ученые готовят свои публикации с надеждой, что ими воспользуются бывшие информанты. Поэтому энциклопедия Ж.-П. Оливье де Сардана "Понятия и представления в сонгаи-зарма" [44] заслуживает особого внимания. Сознательно субъективный словник, в котором упор делается на освещение социальных отношений в ущерб материальной сфере, заглавные слова на языке сонгаи, как и тексты примеров, иллюстрирующих словарное и контекстуальное значение слова (французский служит для интерпретации термина—"понятия" и перевода читат), — все это делает, но мысли ученого, энциклопедию доступной как для носителей этих языков, так и для научных кругов.

Другой, находящийся пока в стадии подготовки, двуязычный словарь еврейско-арабского диалекта, над которым работает большая группа специалистов под руководством Ж. Бенсимон-Шукрун [45], также ставит своей задачей

дать энциклопедическое описание исчезающего языка, а тем самым и целой культуры. В этом словаре при описании слова или элемента слова (что определяется спецификой семитических языков) даются лингвистические контексты (а также и культурные и исторические), одним словом все, что позволяет восстановить специфику еврейских общин, живших в течение многих веков в мусульманской среде. Иначе говоря, двуязычный этнолингвистический словарь должен, по убеждению авторов, стремиться к наиболее полному определению как означаемого, так и означающего в максимально разнообразных контекстах. При этом контексты и трактовки одних и тех же явлений могут противоречить друг другу: так, традиционное толкование, воспроизведенное коллективной памятью, названия одной из синагог не соответствует исторической реальности, но само по себе оно характеризует ментальность общины. Работы по сбору и подготовке материала к печати ведутся по темам (чтение-письмо-книга, эстетика тела, родство, ювелирное дело, кулинарное искусство, одежда, праздник и т.д.), один из документов (традиционная кухня) опубликован во втором выпуске "Рабочих документов" группы. Исходный корпус, который будет напечатан как приложение к словарю, включает в себя как "рассказы о жизни", об обрядах (например, связанных с семейным циклом), так и молитвы, песни, заговоры, пословицы, местные предания.

Сегодняшняя ситуация носит в некотором смысле парадоксальный характер. С одной стороны, этнолингвистика сумела утвердиться в качестве самостоятельной области языкознания, она преподается как отдельная специальность в двух парижских университетах, в Страсбурге и Тулузе, "Тетради ЛАСИТО" с 1989 г. стали называться "Этнолингвистическим журналом", продолжает выходить "Америндия. Журнал по этнолингвистике американских индейцев". С другой, применение термина "этнолингвистика", как нам представляется, в большой мере зависит от традиций, сложившихся в каждом конкретном научном коллективе, от индивидуальных симпатий и в некотором смысле от моды: так, по нашему впечатлению, термин в последнее время стал употребляться гораздо реже, чем еще лет десять назад. Показателен в этом отношении сборник "Зерна слов. Сила слова и устная культура" [46], выпущенный к юбилею Ж. Калам-Гриоль, где основная масса авторов по-прежнему называет себя "этнолингвистами", но лишь в двух-трех статьях употребляется это понятие.

Такая же картина складывается при чтении упоминавшихся выше специализированных журналов. Причин тому, наверное, много. Во-первых, появление нового термина не было отражением новой проблематики, а лишь дало обозначение тем областям научных интересов, которые уже утвердились на практике. Во-вторых, ожесточенные споры вокруг терминов и порождение все новых и новых по данной модели — этнознания, этномузыковедение и даже этнограмматика — не привели к выработке ни новой теории, ни новых методологических инструментов. И наконец, третья причина кроется, думается, и в общей ситуации: в Соединенных Штатах, откуда этнолингвистика пришла во Францию, интерес к ней пропал еще раньше. Новейшая "Международная лингвистическая энциклопедия" вообще не упоминает данный термин, а выделяет три независимых направления: этнографию речи, этносемантику и этнопоэтику. Из приложенных списков литературы следует, что по-прежнему актуальна лишь последняя (соответствующая французской "этнолингвистике устной культуры") [47]. Как во Франции сложится судьба "отпочковавшихся" от этнолингвистики дисциплин — покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. La linguistique: Guide alphabétique / Ed. par. Martinet A.P., 1969.
2. Pottier B. Le domaine de l'ethnolinguistique // Langages. 1970. N° 18.
3. Calame-Griaule G. Ethnologie et sciences du langage // Les sciences du langage en France au XX-ième siècle / Ed. par Pottier B. P., 1992.

- 4 Ethnolinguistique Contributions theoriques et methodologiques / Ed par Alvarez Pereyre F P, 1981
- 5 Linguistique, ethnologie, ethnolinguistique (la pratique de l'anthropologie aujourd'hui) / Ed par Thomas JMC P, 1985
- 6 Bonvini E L'ethnolinguistique entre la pluridisciplinarite et l'unidisciplinarite // La linguistique 1981 N° 17
- 7 Les langues sans tradition ecrite Methodes d'enquete et de description // Actes du colloque international du CNRS Nice 28 juin—2 juillet 1971 P 1974
- 8 Enquete et description des langues a tradition orale / Ed par Thomas JMC Bouquiaux L V 1—3 P 1971
- 9 Grande Larousse V 6 P 1989 P 3988
- 10 Alvarez Pereyre F Fabulation et pouvoir de la parole La situation en province du Maine P, 1983
- 11 Alvarez-Pereyre F Qu'est ce que parler? Langue et societe en Sarthe et en Mayenne P 1983
- 12 Dingirard J C Ethnolinguistique de la Haute Vallee de Gers Lille 1976
- 13 Fabre D Lacroix J Lafont R Perspectives en ethnolinguistique occitane // Ethnologie française 1973 N° 3—4
- 14 Bouvier J C Ravier X Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France // Le monde alpin et rhodanien 1976 N° 1—2
- 15 Ravier X Le recit mythologique en Haute-Bigorre Aix en Provence, 1986
- 16 Calame Griaule G Ethnologie et langage La parole chez les Doghons P 1987
- 17 Cohen M Pour une sociologie du langage P 1956
- 18 Griaule M Jeux dogons P 1938
- 19 Griaule M Mascues dogons P, 1938
- 20 Griaule M Dieux d'eau Entretiens avec Ogotemmel P, 1948
- 21 Griaule M Dieterlen G Le renard pale P 1965
- 22 Calame Griaule G Pour une etude des gestes narratifs // Langages et cultures africaines / Ed par Calame-Griaule G P, 1977
- 23 Seydou Ch La devise dans la culture peule // Langages et cultures africaines / Ed par Calame Griaule G P, 1977
- 24 Rey-Hulman D Les bilinguismes litteraires Signification sociale de la litterature orale iyokossi (Togo) P 1981
- 25 Zervudacki C Une p.usanterie dans un cafe de village grec Pour une microethnographie de la communication essai d'analyse conversationnelle Lyon 1982
- 26 Langues et techniques, nature et societe 1 Approche linguistique 2 Approche ethnologique, approche naturaliste / Ed par Thomas J, Bernot L P, 1972
- 27 Le riz en Asie du sud-est Atlas du vocabulaire de la plante / Sous la direction de Revel N V 1—3 P 1988
- 28 Aspects de l'espace en Europe / Ed par Alvarez Pereyre F P 1979
- 29 L'expression du temps dans quelques langues de l'Ouest africain / Ed par Lacroix P F P 1972
- 30 Voir et nommer les couleurs / Ed par Tornay S Nanterre 1978
- 31 Les figures du corps / Ed, par Beffa M L, Hamayon R Nanterre 1989
- 32 La main et les doigts dans l'expression linguistique / Ed par Sivers F P, 1982
- 33 Drettas G La mere et l'outil Contribution a l'etude semantique du tissage rural dans la Bulagrne actuelle P, 1980
- 34 Drettas G Le cavalier glouton Contribution a l'etude de la theorie populaire de l'empirisme balkanique // Textes offerts à L. Bernot P, 1986
- 35 Therrien M Le corps inuit P, 1987
- 36 Claudot H La semantique au service de l'anthropologie Recherche methodologique et applications (étude) de la parente chez les Toauregs de l'Ahaggar) P 1982
- 37 Encyclopedie des Pygmees Aka Techniques, langage et societe des chasseurs cueilleurs de la foret centrafricaine T I Les Pygmees Aka Introduction a l'Encyclopedie P 1983 T II Dictionnaire Aka français P, 1981, T I fasc 2 Le monde des Aka, P 1992 T I fasc 3 La societe P 1992 T I fasc 4, La langue P, 1992
- 38 Bahuchet S Les Pigmers Aka et la forêt centrafricaine P 1985
- 39 L'ours polaire et les inuit P, 1986
- 40 Auberville Sallenave F Bois et bateaux du Vietnam P 1987
- 41 Skoda F Medicine ancienne et metaphore Le vocabulaire de l'anatomie et de la pathologie en grec ancien P, 1988
- 42 Grenand P Introduction a l'etude de l'Univers Wayap Ethnoecologie des indiens de Haut Oyapock (Guyane française) P, 1980
- 43 Ferry M P Thesaurus tenda Dictionnaire ethnolinguistique tenda baesari, bedik, konyagi P 1991
- 44 Olivier de Sardan J P Concepts et conceptions songhay zarma histoire culture societe P 1962
- 45 JAREL Documents de travail 1—2 P, 1991—1992
- 46 Graines de parole Puissance du verbe et tradition orale P 1989
- 47 International encyclopedia of linguistics / Ed by Bright W New York Oxford 1992

© 1993 г. ХАНТ ДЖ.

**ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
В ЛЕТНЕМ ИНСТИТУТЕ ЛИНГВИСТИКИ**

О ЛЕТНЕМ ИНСТИТУТЕ ЛИНГВИСТИКИ

Летний Институт лингвистики (Summer Institute of Linguistics — SIL) создан в США в 1934 г. Со дня своего основания он занимается проблемами описания языков малочисленных народов и перевода Библии на эти языки.

В первые годы существования лингвистические курсы читались только в летние месяцы, благодаря чему Институт и получил свое название. Теперь лингвистические курсы часто читаются круглый год, и не только в США, но и в Канаде, Великобритании, Франции, Германии, Австралии, Новой Зеландии, Японии и в Сингапуре. В университетах США такие курсы считаются аспирантскими, в других странах — приравниваются к университетским. Более короткие курсы организуются по мере надобности во многих других странах.

В последнее время SIL главное внимание уделяет проблеме распространения и повышения грамотности. Это побудило правительства Южной Америки поддерживать организацию двуязычных школ для индейцев.

SIL является одной из крупнейших лингвистических организаций в современном мире. Он насчитывает 6000 сотрудников, половина из которых — лингвисты. Работы ведутся приблизительно по 850 языкам. Примерно по 300 языкам работы завершены.

SIL финансируется церквями или спонсорами, поддерживающими отдельных сотрудников, SIL не финансируется правительствами, хотя правительственные организации иногда оказывают через SIL помощь странам третьего мира в финансировании программ ликвидации неграмотности.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Общий подход SIL к полевым исследованиям состоит в том, что каждый проект имеет дело с конкретным языком. В проекте участвуют обычно два человека. Они должны жить среди носителей изучаемого языка, учиться говорить на этом языке, вовлекать его носителей в лингвистические и антропологические исследования и использовать результаты этих исследований на благо этого народа. SIL оказывает таким проектным группам консультационную помощь.

Прежде чем начать работу над проектом, проводят различные обследования с помощью анкетирования. Оно включает в себя лексическое анкетирование, социо-лингвистическое анкетирование и тестирование билингвизма.

Приступая к осуществлению проекта, группа поселяется в выбранном месте, обучается языку, собирает фонетические и антропологические данные. После сбора данных начинается их лингвистический анализ. Он включает в себя фонологический, морфологический, лексический, синтаксический, семантический анализ и анализ дискурса. Эти исследования завершаются публикациями материалов и разработкой, а также последующей публикацией учебных пособий —

букварей, хрестоматий, фольклорных сборников. Во многих случаях сами информанты или другие аборигены входят в проектную группу, иногда, как, например, в Гане, берут на себя административное руководство проектами. В других странах поощряется создание институтов, подобных SIL.

Хотя я выше и описал в целом типичное полевое исследование, такие проекты бывают весьма разнообразными, как по трудности осуществления, так и по количеству трудозатрат. Особо трудными бывают исследования, когда лингвист и информант не владеют ни одним из языков друг друга, как например, в джунглях Южной Америки. Но и такие проекты нередко заканчивались успешно.

Мои собственные интересы лежат в области изучения различных типов мышления людей в разных частях света. Например, народы, являющиеся охотниками и собирателями, развивают некоторые когнитивные умения в гораздо большей степени, чем мы на Западе, но, с другой стороны, они не обнаруживают некоторых когнитивных способностей, свойственных европейцам. Это неизбежно оказывает часто не осознаваемое нами влияние на методику полевых исследований.

Некоторые языковые сообщества, с которыми работает SIL, очень малочисленны, и могут насчитывать менее сотни членов. С другой стороны, полевые исследования проводятся также в странах, население которых исчисляется миллионами человек. Иногда анкеты показывают, что люди, имеющие одно и то же имя, например, благодаря одному и тому же предку, не понимают друг друга. Поэтому необходимы несколько полевых исследований. В других случаях анкеты свидетельствуют, что люди, говорящие на номинально различных языках, прекрасно понимают друг друга.

При таких больших различиях проектов необходима гибкость в их организации. Если SIL суждено сыграть существенную роль в России, то, вероятно, необходимо развивать новые подходы к реализации проектов.

Др. К. ПАЙК

Др. К. Пайк, хорошо известный в СССР, работал в SIL с момента его основания. Он занимался тогда языками Мексики и позднее стал профессором лингвистики в Мичиганском университете. К. Пайк разработал модель грамматики (тагмемику) и обобщенную концепцию эмического и этического уровней описания языков.

К. Пайк в течение нескольких лет был президентом SIL, и за работу в SIL ему была присуждена Нобелевская премия. Недавно он был избран почетным членом Международной Лингвистической Ассоциации содействия преподаванию иностранных языков, организованной в Москве в июне 1990 г.

РОЛЬ SIL В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Видимо, наибольший вклад в изучение многочисленных языков, внесенный сотрудниками SIL, состоит в сборе и первичной обработке данных. Это дает возможность проверять новые лингвистические теории и модели на реальном языковом материале, способствует построению новых моделей грамматики.

На материале многочисленных лингвистических опросов, проведенных сотрудниками SIL, и комментариев к ним других лингвистов SIL издает труд под названием "Ethnologue: Languages of the world". Эта книга содержит детальные сведения о языках всего мира (численность и место обитания носителей, о звуковых и знаковых языках и др.) и регулярно дополняется, уточняется и переиздается.

Работа по сбору данных требует организации новых 2500—3000 полевых исследований, проведение которых, по всей видимости, приведет к созданию новых лингвистических организаций по всему миру.

Особый тип анкетирования, разрабатываемый SIL, представляют тесты на понимание, в частности тест, предложенный Ю. Касадом (Eugene Casad). Простые словарные анкеты часто не дают адекватного представления о том, правильно ли понимают друг друга носители различных языков или диалектов. Поэтому и понадобился новый тест.

Развиваемая лингвистами теория дискурса, охватывающая высшие уровни грамматической иерархии, родилась благодаря работе над переводами Библии. Переводчик имеет дело не только со словами или предложениями, но и с аргументами, историческими событиями, иносказаниями и пр. При этом перевод в идеале должен достигнуть того же воздействия на читателя, что и первоисточник. Теория дискурса стала очень ценным инструментом для этого.

Вслед за трудами Ю. Найды (Eugene Nida) и др. SIL сыграл заметную роль в развитии теории перевода на Западе. Большой вклад внесли в него Дж. Бикмен, Дж. Кэллоу и М. Ларсон (John Beekman, John Callow, Mildred Larson).

Сотрудник SIL С. Гудчински (Sarah Gudchinsky) разработала лингвистическую теорию обучения грамоте и подготовке букварей. Применение этой теории определяется языком и реакциями его носителей.

По просьбе правительств Южной Америки были организованы школы с преподаванием на двух языках, с тем чтобы помочь аборигенам овладеть доминантной культурой, от которой они почти полностью изолированы.

Б. Мэнн и Д. Вибер (Bill Mann, David Weber) разработали теорию пакета CADA (Computer assisted dialect adaptation).

Сотрудники SIL опубликовали и продолжают публиковать множество трудов. К сожалению, большое количество из огромного множества данных недоступны другим исследователям, но в последнее время предпринимаются усилия создать общедоступные научные архивы.

SIL И КОМПЬЮТЕРЫ

Возможности, предоставляемые компьютерами для обработки такого большого количества материала, добываемого в полевых исследованиях, всегда привлекали внимание лингвистов. Первоначально отпечатанные данные направляли на обработку в вычислительные центры развитых стран. Главным был центр в университете штата Оклахома, который изготавливал конкордансы по текстам на различных языках и готовил публикации на машине DEC PDP 8. Использование компьютеров в поле долгое время оставалось мечтой.

Во второй половине 70-х годов компьютеры уменьшились в размерах настолько, что стали походить на телевизоры, снабженные клавиатурой. Но они дорого стоили, потребляли много энергии, их память была не более 64К, они не имели графических возможностей и лингвистически ориентированного программного обеспечения. Используемые тогда принтеры были громоздки и медленны. Но несмотря на это некоторые лингвисты-полевики покупали такие компьютеры и использовали их в поле. Постепенно было разработано нужное программное обеспечение, хотя и возникали трудности с представлением необходимых лингвистам знаков и букв.

Так продолжалось до 1983 г., пока дисплеи на жидких кристаллах не пришли на смену катодным трубкам. Сначала появился крошечный TANDY 100 с экраном на 4 строки текста, затем в 1984 г. появился Sharp PC 5000 с экраном на 8 строк, с графическими возможностями, 128К памяти и с процессором 8088, на котором работала операционная система MS-DOS, v. 2. Наступила эпоха серьезной разработки лингвистически ориентированного программного обеспечения.

Решение этой задачи потребовало значительных усилий и иногда даже вызывало разочарования. Не хватало ни времени на разработку, ни памяти, чтобы создать программы, которые было бы удобно использовать. В результате многие лингвисты испытывали большие трудности или избегали использовать компью-

теры. Так было до тех пор, пока компьютер не стал похож на значительно усовершенствованную пишущую машинку. Начиная с 1985 г. все большую роль среди персональных компьютеров стал играть Apple Macintosh. Но поскольку фирма Apple не давала другим производителям лицензии на свои разработки, это послужило препятствием для создания портативных компьютеров данной технологии и открыло путь к разработке портативных компьютеров, совместимых с персональными компьютерами фирмы IBM. Хотя во многих отношениях компьютеры Apple Macintosh превосходят компьютеры типа IBM PC, отсутствие портативных компьютеров типа Macintosh с автономным питанием привело к тому, что лингвистически ориентированное программное обеспечение начали разрабатывать для IBM-совместимых машин. Среди сотрудников SIL большинство имеет портативные компьютеры с экраном CGA. Это означает, что для изображения специальных знаков необходимо разрабатывать программы, работающие в графическом режиме. Сейчас появились улучшенные экраны, так что эта проблема понемногу снимается. Иногда лингвисты жаловались на неудобство программного обеспечения. И только в январе 1991 г. я стал получать благожелательные отзывы на программы SIL от лингвистов, испытывающих трудности в обращении с компьютером.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРОГРАММЫ SIL

Большинство программ, используемых сотрудниками SIL в полевых исследованиях, написано самими же сотрудниками SIL специально для этих целей. Иногда используются также коммерческие программы и программы других лингвистов. Сначала я рассмотрю коммерческие программы.

Microsoft Word — это коммерческий редактор, широко используемый в SIL. Поскольку сотрудники SIL в основном применяют экраны CGA здесь была разработана собственная технология получения специальных знаков в Word'e, а также технология модификации драйверов принтеров для Word'a. Моя основная трудность состоит в том, что файлы Word'a несовместимы с другими программами, которыми пользуются лингвисты.

Электронные таблицы — другой тип используемых лингвистами коммерческих программ. Такие программы применяются при сопоставлении, заполнении и обработке анкет для различных тестов, а также при накоплении данных по обучению грамотности (от учета книг до учета успеваемости).

Из коммерческих программ также широко известна программа для настольной полиграфии "Publish it!" Таймворкса. Эта программа применяется для издания учебников. В Папуа-Новая Гвинея SIL работает со 140 из 800 языков, и издание дешевых книг на этих языках представляет серьезную проблему. Сейчас небольшие книги часто готовятся прямо на компьютере, который осуществляет набор, верстку и иллюстрирование. Лингвист заменяет английский текст его переводом на местный язык и делает распечатку оригинал-макета книги.

Ventura Publisher — наиболее мощный программный продукт для этих целей.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ, РАЗРАБОТАННЫЕ В SIL

Вспомогательные лингвистические программы (утилиты) — это программы для обработки любых текстовых файлов, не обязательно в лингвистических целях. Такие программы по своей природе имеют обобщенный характер и используются совместно со специфическими лингвистическими программными средствами.

Имеются два главных типа таких программ, а также множество отдельных программ специального назначения (например, для создания специальных служебных файлов или для преобразования различных файловых форматов).

Первый тип имеет название "пакет DTS" (Direct translator support). Он включает в себя многоязычный редактор ED, язык для таблиц подстановок CC (Consistent changes), форматтер текстов MS (manuscripter). Кроме того, сюда же входят программы DESIGN, SHAPES, FONTCO, KEYDEF и KEYSWAP, предназначенные для настройки клавиатуры и подготовки специальных знаков для экрана и принтеров.

Второй тип программ предназначен для анализа текстов в пакетном режиме. Эти программы образуют пакет TA (Text analysis).

ПАКЕТ DTS

Текстовый процессор (редактор) выполняет две главные функции: во-первых, с его помощью осуществляется экранное редактирование текста, а во-вторых, он печатает текст в нужном формате. В пакете DTS эти функции выполняются двумя отдельными программами — ED и MS.

ED может использоваться как простой текстовый редактор, но он обладает также мощными средствами работы со специальными знаками. Он может переключаться в графический режим для загрузки экранного шрифта и, конечно, использовать загружаемые шрифты при работе с экранами EGA и VGA. Кроме того, он может использовать и собственный метод обработки специальных знаков, при котором специальный знак представляется одним или несколькими стандартными. Сложные знаки могут образовываться путем наложения на буквы диакритик. Таким образом преодолевается ограничение компьютерного алфавита 128 или 256 стандартными знаками, и могут быть образованы слоговые графемы, например, для амхарского.

ED не является специализированным английским редактором, в нем отсутствуют средства для проверки орфографии и словарь синонимов, характерные для современных редакторов (текстовых процессоров). Существующая версия ED не может обрабатывать текст справа налево, но при использовании специального файла возможно преобразование текста на вводе. Новая версия ED позволяет определять знаки любого разумного размера, что используется в буквах со многими диакритиками, например, в деванагари в буквах с особо сложным начертанием.

Специальные знаки изготавливаются программами DESIGN и SHAPES, входящими в пакет DTS. Распознавание таких знаков, представляемых на вводе буквосочетаниями, осуществляется с помощью дополнительного файла ED.LRN.

ED может обрабатывать одновременно только один файл, его величина определяется доступной памятью.

DTS содержит альтернативную по отношению к файлу ED.LRN программу KEYSWAP, которая, будучи резидентной, отслеживает комбинации клавиш, изображающих сложные знаки. KEYSWAP настраивается с помощью программы KEYDEF. Она может обслуживать до девяти схем клавиатурного процесса.

CC может использоваться в простейшем случае для того, чтобы заменять знаки или их комбинации на специальные знаки. Но могут быть определены и более сложные контекстно зависимые подстановки. Например, последовательность пробелов заменяема на единственный пробел, причем есть возможность удалять пробелы и изменять в начале строки формат файла. Этот процесс управляется таблицей замен, которая может быть создана в виде обычного текстового файла с помощью текстового редактора, а затем откомпилирована.

MS может обрабатывать очень сложные специальные знаки, создаваемые программами DESIGN, SHAPES и FONTCO. Она печатает текст на принтере в графическом режиме или загружает в принтер нужный алфавит. MS управляется командами форматирования, располагаемыми в обрабатываемом файле. Сами эти команды могут быть определены в таблице подстановок в форме:

обратный слэш (\), за которым следуют одна или несколько (до четырех) букв и пробел. Удобство этого метода состоит в том, что такие команды могут быть определены динамически.

Поскольку в MS почти полностью реализована СС, возможна динамическая (во время печати) подмена формата. Например, файл, подготовленный латинскими или кириллическими буквами, может быть отпечатан как правильный арабский текст.

ПАКЕТ ТА

В пакете имеются пять программ: SRT, WL, DICR, IC и WS.

SRT — это очень мощная сортировка, WL предназначена для подготовки словоуказателей, DICR — обратных словарей, IC — конкордансов в интерактивном или в пакетном режиме. Программа WS сегментирует слова.

Программа SRT настраивается путем подготовки специального управляющего файла, в котором содержатся такие параметры обработки, как специальные знаки, буквосочетания, порядок сортировки слов и т.д. Для подготовки такого ans-файла используется программа ANSQ.

Пример:

Однажды пришлось сортировать немецкий словарь так, чтобы гласные с умлаутом были отсортированы, как будто они являются буквосочетаниями соответствующей буквы с буквой *e*. Это было сделано с помощью командного файла, в котором сначала выполнялась программа СС, затем — SRT, затем снова СС. Первое выполнение программы СС заменяло буквы с умлаутом на нужные буквосочетания, например, *й* на *%ие%*. Программа сортировки была настроена так, чтобы она игнорировала букву *%*. Наконец, при втором выполнении программы СС были произведены обратные подстановки.

Параметры для программ СС и SRT могут быть заданы в программной строке. Таким образом, весь процесс автоматизируется одним командным файлом.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ

Ниже я рассмотрю семь главных программ и пакетов программ, разработанных в SIL специально для его сотрудников-лингвистов. Было бы неправильно понимать это так, будто эти программы были разработаны специально под идеологию SIL. Каждая из программ реализует представления определенного сотрудника, имеющего большой опыт полевых исследований, и поэтому решает комплекс специфических проблем. Это не значит, что авторами программ были лингвисты.

Первые пять программ работают на IBM-совместимых компьютерах и перечисляются в том порядке, в котором они, возможно, использовались бы в полевом исследовании. Это программы WORDSURV, CECIL (и SPECTRUM), FINDPHON, SHOEOBOX и FIESTA.

Шестая программа, помощник переводчика, предназначена для машин Apple Macintosh и опирается на использование программы HYPER-CARD. Одним из стимулов использования машины Apple Macintosh было удобство обработки на ней арабских текстов.

Седьмая программа, скорее пакет программы, также предназначенных для IBM-совместимых машин, называется CADA (Computer aided dialect adoption). Она предназначена для преобразования текста на одном диалекте в текст на близкородственном диалекте.

WORDSURV

WORDSURV (текущая версия 2.4) написана сотрудником SIL Д. Уимбишем (John Winbish). Она предназначена для лексикостатистического и фоностати-

стического анализа сопоставительных списков слов сравниваемых языков или диалектов.

Если сравниваются десять языков или диалектов, то возможны 45 сопоставительных вариантов. Если необходим один час, чтобы провести лексико-статистический анализ любой пары языков, то необходима неделя, чтобы проанализировать все 45. Анкета, содержащая 50 списков, потребовала бы для обработки 1275 вариантов 7 месяцев. При использовании WORDSURV основное время уходит на ввод данных в компьютер, например, 10 списков вводятся за 10 часов, а 50 — за 50 часов. Таким образом, анкета, содержащая 50 списков, может быть обработана за семь дней вместо семи месяцев, причем компьютер ведет расчеты тогда, когда исследователь отдыхает.

К сожалению, WORDSURV не работает с CGA, поэтому специальные знаки можно обрабатывать только на EGA и VGA.

CECIL

CECIL (текущая версия 1.2A) и соответствующая программа SPECTRUM написаны Ф. Брассетом (Philip Brassett) специально для SIL. Программа работает со специальным оборудованием CECIL INTERFACE 55 (CI-500), именуемым в обиходе "CECIL-box". Этот прибор связывает магнитофон с компьютером, что создает походную фонетическую лабораторию с автономным питанием.

CECIL оцифровывает и запоминает звуковую речь. Скоростью обработки речевого сигнала управляет программа, обычно она равна 20 килогерцам, что позволяет записывать трехсекундные кванты речи. Лингвист имеет возможность наблюдать осциллограмму речевого сигнала и просмотреть любой ее участок вплоть до одного цикла. Длительность звука измеряется с точностью до одной тысячной секунды. Речевой сигнал или его часть воспроизводятся с нормальной скоростью, с замедлением в три и в пять раз. Кроме того, выдаются графики изменения громкости, частоты колебания голосовых связок, изменения качества звука с цифровой индикацией частоты и громкости.

Графики, выдаваемые CECIL, могут совмещаться. Таким образом, например, изменения громкости и частоты сравнимы, и наблюдаемы зависимости, если они существуют. Два высказывания могут быть также наложены друг на друга. Так сравнивают речевые сигналы различных дикторов или одного и того же диктора.

CECIL может использоваться этномузыковедами, хотя и не была сконструирована для этих целей. В этом случае на эксперимент накладывается ряд ограничений, так что исследоваться может только сигнал солиста без аккомпанемента либо сигнал одиночного инструмента без аккордов в полосе от 50 до 500 герц длительностью до 10 сек. (в этномузыковедении нужен анализ звучания длительностью, скажем, одну минуту).

SPECTRUM получает на вход бинарные файлы речевых сигналов, выдаваемые CECIL, вычисляет спектры частот всего сигнала или его части. При расчете спектрограмм программа совершает до 75 000 вычислений на сигнал длительностью в одну секунду (в не более чем 250 интервалах по 300 вычислений в каждом). Неудивительно, что такое количество вычислений может длиться минуты в зависимости от быстродействия компьютера и настройки программы. И CECIL, и SPECTRUM удобны в использовании, имеют удобные меню, обеспечивают как общее, так и ситуативно-контекстные объяснения и подсказки (help). Язык меню может быть изменен без recompilации программ. Имеются три учебника, один из которых называется "Сбор и акустическая интерпретация фонетических данных".

Обе программы работают на компьютерах с экранами CGA, DSCGA и EGA. "CECIL-box" имеет автономное питание на батареях, подключаемых к параллельному порту, имеет стандартный, поставляемый вместе с ним интерфейс, выдает байтовую оцифровку и может обрабатывать не только сигналы,

записанные в полевых условиях, но и студийные записи. Для использования необходим матричный принтер, совместимый с принтерами типа Epson или Toshiba, предпочтительно 24-игольчатый.

Этот прибор изготавливается в SIL, так как не существует приемлемых промышленных продуктов такого назначения; если таковые появятся на рынке, в SIL, видимо, напишут для них новые программы, аналогичные описанным выше.

FINDPHON

FINDPHON (FF, текущая версия 5) написана сотрудником SIL Д. Бивеном (David Bevan), и хотя она до сих пор не совсем готова, она способна выполнять некоторые весьма полезные функции, встречающиеся в фонологическом анализе. Полная разработка программы будет, видимо, завершена в ближайшие месяцы.

Программа принимает на вход транскрибированные фразы или отрывки текстов вместе с различного рода примечаниями к ним, такими, как код записи, ударения, перевод, классификационный идентификатор и т.п.

Программа проста в эксплуатации, имеет развитую систему меню, встроенный редактор, работающий со знаками Международной фонетической транскрипции. Редактор обладает мощными средствами контекстного поиска, приспособленными для целей фонологического анализа; он, например, имеет возможность поиска контекста с точностью до класса (скажем, по аргументу F для поиска фрикативных). Результаты могут быть отредактированы, отсортированы и напечатаны.

Сейчас разрабатываются процедуры поиска минимальных пар и генерации контрастных оппозиций.

FF работает на машинах с экранами CGA, DSCGA и VGA и требует использования 24-игольчатого принтера, совместимого с принтерами типа Epson или Toshiba.

SNOEBOX

SNOEBOX (текущая версия 1.2A) написана сотрудником SIL Дж. Уимбишом (John Wimbish). Сначала она была задумана как программа для работы с лексическими базами данных, но позднее была дополнена такими функциями, как ввод подстрочника и ведение картотек. Программа ведет до семи баз данных одновременно и рабочий текстовый файл. При вводе подстрочника образуются один или несколько словарей и выбираются данные из нескольких баз. Одновременно в другие базы данных заносятся данные, например, грамматические пометы или примечания.

Сейчас базы данных индексируются только по одному ключевому полю, но этот недостаток компенсируется двумя достоинствами: мощным групповым поиском и переменной длиной записи.

SNOEBOX используется также при анализе антропологических или социолингвистических данных.

Программа имеет весьма дружелюбный пользовательский интерфейс с развитой системой меню и help'ами, снабжена хорошим учебником, где описывается не только сама программа, но и возможные лингвистические процедуры над накоплением и использованием этой программы материалом.

SNOEBOX работает на машинах с экранами CGA, EGA или VGA. С экраном CGA возможно переключение в графический режим, таким образом, на всех экранах воспроизводятся специальные знаки. Поскольку SNOEBOX использует большое количество данных, она требует много оперативной и дисковой памяти, и только для очень небольших применений могут использоваться гибкие диски.

FIESTA (текущая версия 4.5n) написана сотрудником SIL Дж. Олсопом (John Alsoop). Эта программа предназначена для быстрого поиска, просмотра, сравнения и редактирования больших текстов, которые могут быть разбиты на субтексты переменной длины (не более 2500 байтов). Такие субтексты, например, предложения, рассматриваются как отдельные записи и снабжаются специальными маркерами. Каждая запись содержит до 180 помеченных полей.

FIESTA — важный инструмент лингвистического анализа, поскольку обладает интерактивностью, быстрым откликом. На базе данных объемом 1 Мб. поиск длится доли секунды на достаточно быстром компьютере. Кроме поиска на больших текстах FIESTA используется также для индексирования словарей и библиографических картотек. Программа может индексировать каждое слово документа и запоминать его в двух байтах. Программа работает с файлами до 180 Кб. Большие файлы индексируются кусками по 180 Кб. и затем сливаются. Это довольно медленная процедура, но в будущем мы надеемся ее ускорить.

Файлы с подстрочниками, создаваемые программой SHOЕВОХ, могут быть проиндексированы программой FIESTA и благодаря этому обеспечивается более быстрый доступ к файлам.

FIESTA первоначально предназначалась для лингвистов, занимающихся переводом Библии. Им были нужны мощные средства проверки перевода, но программа предусматривала и другие процедуры: 1) поиск и представление на экране контекстов заданных слов, фраз или цепочек знаков, включая контексты разрывных слов; 2) представление на экране полного или частичного списка слов к тексту или списка слов, содержащих заданные буквосочетания; 3) представление списка слов с заданной слоговой структурой; 4) подсчет частот заданных слов, фраз или цепочек знаков; 5) контекстнообусловленное изменение написания или удаление из всего текста заданного слова или части слова, замена целых фраз; 6) сортировка записей по заданному полю, переписывание знаков в полях в обратном порядке, что позволяет получать обратные словари.

FIESTA работает на машинах с экранами CGA, EGA или VGA, причем в CGA возможно переключение в графический режим, что обеспечивает обработку специальных знаков.

FIESTA работает одновременно только с одной базой данных, причем каждая должна находиться в своей субдиректории, но поскольку базы данных могут быть велики, много больше 1 Мб., и данные должны храниться на диске, нужен жесткий диск.

ПОМОШНИК ПЕРЕВОДЧИКА

Помощник переводчика был разработан для переводчиков, которым нужен арабский шрифт вместе с английским и другим алфавитом. Он позволяет переводчикам работать на экране с параллельными текстами, а также накапливать словарные данные, например, содержащие решения об определенных написаниях или переводных эквивалентах.

CADA

CADA (computer assisted dialect adaptation) — пакет программ, разработанных сотрудниками SIL, преимущественно докторами Б. Манном (Bill Mann) и Д. Вибером (David Weber) с целью упрощения адаптации текстов на одном языке или диалекте к восприятию носителями другого. Первоначальные эксперименты были проведены среди носителей многочисленных диалектов высокогорных индейцев кечуа в Перу. Записи на различных диалектах были использованы для реконструкции протокечуа, и адаптированные тексты написаны на этом протоязыке. Поскольку кечуа — агглютинативный язык,

в программе имеется процедура идентификации морфем и их корректной подстановки формами других диалектов. В дальнейшем планируется создать процедуру синтаксических преобразований, необходимую для многих неагглютинативных языков.

Пакет состоит из двух главных программ, AMPLE и STAMP. Первая программа анализирует входной текст на исходном диалекте, а вторая выдает синтез текста на целевом варианте. Для каждой из программ имеется свой учебник; есть также обучающий материал для совместного использования обеих программ.

НЕОБХОДИМЫЕ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ РАЗРАБОТКИ

Лингвисты SIL получили определенные преимущества от использования большого количества мощных программных средств, но это вовсе не значит, что такие средства имеются для всех возможных областей применения ЭВМ. Имеются три области, для которых явно не хватает программных средств.

Одной из таких областей для разработок является специализированный программируемый редактор для записи антропологических и других данных. Было бы хорошо, если бы такой редактор работал совместно с программой, подобной SHOЕВОХ, чтобы в нем были реализованы и другие возможности, но при этом в SHOЕВОХ нужно было бы улучшить алгоритм группового поиска данных.

Программируемый спецредактор должен иметь возможность задавать на экране вопросы пользователю и предоставлять в меню варианты ответов, а также принимать решения о следующих далее вопросах в зависимости от полученного ответа.

Предварительная версия такого редактора уже существует и однажды была использована в Восточной Африке для записи словаря самими информантами. Информант получал инструкцию: "Введите слово". После этого ему задавались все новые и новые вопросы, отвечая на которые информант заставлял редактор формировать очередную словарную статью в нужном компьютерном формате, о котором пользователю ничего не было известно и о котором он мог и не думать.

Второй областью применений является программа для отображения схем дискурса. В SIL имеются две такие программы, а именно, CHARTER и ALLIGN, но я не уверен, достаточно ли они удобны и развиты.

Третьей областью является конструирование компьютерных букварей, и я надеюсь что такая программа скоро появится.

ОБУЧЕНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Хотя программы и должны быть ориентированы на потенциальных пользователей, не следует думать, что все или хотя бы большинство лингвистов могли мыслить как программисты. Поэтому для лингвистов нужно разработать методику первичного обучения использованию компьютеров.

Многие лингвисты, включая работников университетов, до недавнего времени избегали пользоваться компьютерами. Поэтому первой задачей в обучении лингвистов является завоевание доверия и передача им начальных знаний компьютерного дела. Вторая задача — обучение пользованию одной или двумя нужными им программами, чтобы постепенно сложилось представление о практической пользе компьютеров.

Лингвисты заняты вопросами лингвистического анализа фактов языка, а не вопросами функционирования программного обеспечения. В большинстве же учебников обсуждаются вопросы, как использовать соответствующие программы, а не задачи лингвистического анализа. К счастью, это положение начинает меняться.

Сейчас, когда программы приобрели дружественный интерфейс, а компьютеры подешевели, все большее число лингвистов используют их для решения профессиональных задач, а не только для редактирования текстов.

НОВЫЕ РАЗРАБОТКИ КОМПЬЮТЕРОВ И ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В последние годы рынок компьютеров был и интересен, и несколько хаотичен, такое положение сохранится и далее. Запад переживает период экономического спада. Люди не покупают новых компьютеров. С другой стороны, на рынке появились новые типы компьютеров. Более того, компьютеров на рынке стало больше, чем потенциальных покупателей. Поэтому цены быстро падают и будут падать. Даже такие большие компании, как IBM и Compaq, сократили цены на 25%.

Для тех, кому нужен портативный компьютер с автономным питанием, есть новая модель 386SX размером с блокнот (30 × 26 × 5 см), с жестким диском на 20 Мб. с VGA-экраном на жидких кристаллах, с 1 Мб. оперативной памяти, с батареей на 2—3 часа работы, весом около 3 кг и стоимостью от 2500 до 3000 долл. Эквивалентный настольный компьютер можно купить за две трети этой цены. Эти компьютеры уже не могут стать меньше, они снабжаются стандартной клавиатурой и экраном подходящего для работы размера. Но они будут продаваться с еще большей оперативной и дисковой памятью, с процессорами, требующими еще меньше энергии.

Старые портативные компьютеры с экраном CGA на жидких кристаллах, с одним или двумя гибкими дисками продаются по цене менее 700 долл.

Есть и новые перспективные разработки. Для IBM совместимых компьютеров на рынок поступает графический пользовательский интерфейс Windows 3.0, а скоро и Windows 3.1, операционная система MS DOS 5 и новые маломощные (экономные) процессоры. Фирма Apple наконец-то приступила к производству дешевой версии своего компьютера Macintosh, и теперь в половине ее продаж будет этот компьютер.

CELLAR — НОВАЯ ГЕНЕРАЛЬНАЯ РАЗРАБОТКА

Сотрудник SIL Г. Саймонс (Gary Simons) возглавляет разработку нового программного обеспечения для полевых исследований. Новый проект CELLAR (Computing environment for linguistic, literacy and anthropological research) представляет собой попытку связать воедино все ранее разработанные программные процедуры и методы, чтобы увеличить их мощность и придать им большую согласованность. Срок разработки первой полной версии — январь 1995 г.

Ядром разработки является язык программирования высокого уровня, специально предназначенный для лингвистических задач. На этом языке можно будет программировать ввод и отображение большого набора алфавитов, накопление в базах данных лингвистических данных различных типов, включая гипертекстовые связи, дружественный пользовательский интерфейс, обработку фонетических данных.

Это ядро представляет собой оболочку, под которой можно будет писать конкретные прикладные программы, при этом для лингвистов должно обеспечиваться удобство, понимание вычислительной ситуации и быстрый доступ к данным.

CELLAR можно будет использовать только на более мощных компьютерах, чем те, которыми мы обычно пользуемся, — с более быстрыми процессорами, с большей памятью, с экранами с большей разрешающей способностью и с более емкими жесткими дисками. Портативные компьютеры, о которых мы говорили выше, постепенно развиваются в этом направлении, но все-таки это не те компьютеры, на которых будет работать CELLAR.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

SIL счастлив сделать свое программное обеспечение доступным академическим учреждениям по вполне умеренной цене. Во многих случаях мы счастливы даже подарить его, но не хотелось бы, чтобы это было понято как обязательство.

Поскольку условия, в которых работают сотрудники SIL, весьма различны, наше программное обеспечение также довольно гибко, приспособляемо к различным задачам и алфавитам, но в то же время оно должно быть простым и удобным в использовании. Эти требования, конечно, конфликтуют друг с другом, но нам в большинстве случаев удавалось достигнуть разумного компромисса.

Было бы интересно узнать, какое программное обеспечение появится в ближайшие годы, когда пакет CELLAR будет готов к широкому использованию.

Иногда я мечтаю о программном обеспечении и технике, которые были бы в моих руках, если бы те одиннадцать лет, которые я провел в полевых исследованиях в Гане, случились лет на пятнадцать позже. Тогда бы многие вещи я сделал лучше. Программы SIL уже внесли свой заметный вклад в лингвистические исследования ученых многих стран, и этот вклад будет несомненно расти.

АДРЕСА SIL

Euroasia Area Director, SIL, Horsleys Green, High Wycombe, HP14 3XL, England.

SIL Executive Vice-president, International Linguistics Center, 7500 W. Camp Wisdom Road, Dallas, TX 75236, USA.

Перевел с английского *Андрющенко В.М.*

РЕЦЕНЗИИ

The Non-Slavic languages of the USSR. Linguistic studies / Ed. by Aronson H. Chicago University press. 1989. 302 p.; The Non-Slavic languages of the USSR. New series / Ed. by Aronson H. Chicago University press. 1992. 292 p.

В отечественной науке пока еще недооценивается та значительная работа, которая во все возрастающем масштабе ведется по языкам бывшего СССР в дальнем зарубежье, и в частности в США. Между тем, даже если оставить в стороне медленно прогрессирующее здесь восточнославянское языкознание, последнее десятилетие ознаменовалось явной активизацией исследования таких языков, как кавказские, уральские, тюркские и некот. др. Так, в настоящее время соответствующие лингвистические дисциплины представлены в США именами Г. Аронсона, Р. Аустерлица, Дж. Грешпина, Б. Комри, Дж. Никольс, А. Хэррис, Д. Холиски и ряда других авторов, уже немало лет посвятивших разработке их проблематики, но с научным творчеством которых наше знакомство остается в целом совершенно недостаточным.

Одним из изданий, систематически публикующих работы американских и некоторых других зарубежных исследователей по названным языкам, является серия сборников, выходящих в свет под обозначенным выше грифом и содержащих обычно материалы организуемых в Чикагском университете международных конференций по неславянским языкам народов бывшего СССР (ранее они выходили в свет в отдельных выпусках *Folia Slavica*). Очередные два сборника этого профиля, один из которых (далее — LS I) завершает их предшествующую серию, а второй (далее — LS II) открывает новую, знакомят с материалами конференций, состоявшихся в Чикаго в 1987 и 1989 гг., прочитанных в свое время в форме докладов. Особенностью обеих рецензируемых публикаций является то обстоятельство, что центр тяжести представ-

ленных в них исследований падает на кавказские языки.

Кавказоведческие работы строятся здесь на материале всех семей автохтонных языков Кавказа, представленных примерно в равной пропорции. Несмотря на разнообразие рассматриваемых в них вопросов, во многих случаях они затрагивают достаточно актуальную проблематику науки как синхронного, так и диахронного плана. Так, если в последнем отношении наибольший интерес представляют тесно взаимосвязанные статьи Дж. Никольс и В. Шульце-Фюрхоффа, посвященные разным этапам истории системы именных классов в нахско-дагестанских языках, то в плане синхронии наиболее существенны, на наш взгляд, две публикации Г. Аронсона, затрагивающие важнейшие вопросы грамматической структуры грузинского глагола.

Статья Дж. Никольс "Нахские свидетельства истории рода в нахско-дагестанских языках" (LS I, с. 158—175) построена на совокупности наблюдений над функционирующими в последних именных классификациями и их синтактикоморфологическими проекциями. С учетом показаний фонетики анлаута субстантивов автор формулирует гипотезу, согласно которой, если оставить в стороне оппозицию одушевленного ~ неодушевленного (или человека ~ нечеловека), то здесь не видно скольконибудь однозначных семантических оснований классного разбиения имен. Согласно Дж. Никольс, хотя именная классификация должна была возникнуть еще до распада нахско-дагестанского прасостояния (о чем отчетливо свидетельствует репертуар классных экспонентов в согласуемых с именами членах предложения), механизм классной коор-

динации складывался здесь уже в условиях его существенной дифференцированности. В соответствии с традиционным мнением предполагается, что морфологический тип праязыкового состояния был весьма отличен от его современных продолжений и характеризовался, в частности, более выдержанным префиксальным строем. В осторожной форме автор указывает на соблазн приписать последующее развитие классного согласования и суффиксации в этих языках воздействию со стороны индоевропейских еще в эпоху бронзы, которое проявилось также в словарных заимствованиях, подобных нах.-даг. *(p)stawr- "бык" при и.-е. *(s)tauro-s.

В. Шульце-Фюрхофф (ФРГ) в статье "Как могут окаменеть классные показатели. К функциональной диахронии морфологических подсистем в восточнокавказских языках" (LS II, с. 189—233), обращается к одному из фундаментальных вопросов нахско-дагестанского языкознания. Разделяя распространенное в науке мнение о четырехклассной системе распределения имен в праязыковом состоянии, он подчеркивает необходимость трактовки соответствующего процесса с учетом закономерностей как фонетического, так и морфолого-синтаксического изменения. Далее автор формулирует тезис, согласно которому имена, содержащие окаменелые классные экспоненты, исторически должны были являться не субстантивами, а атрибутивами (и здесь он мог бы сослаться на работы Б.Б. Талибова и В.М. Иллич-Свитыча), и строит правдоподобную иерархию степеней способности классного экспонента к окаменению, из которой следует, что наиболее подверженными этому процессу должны были быть слова, содержащие рефлексы показателей III и IV классов. В заключение автор справедливо указывает, что для получения исчерпывающего списка движущих сил рассматриваемого процесса предстоит сопоставить целостные лексические системы этих языков, как в семасиологическом, так и в ономазиологическом планах.

Еще более широкую сравнительно-историческую проблематику затрагивают в сборниках две статьи Дж. Коларуссо (США). В одной из них (LS I, с. 20—55) содержится опыт обобщения абхазско-адыгского материала корневых и грамматических морфем, мыслящийся автором как первое приближение к рекон-

струкции праязыкового состояния. Помимо форм, представленных лишь в части из этих языков, здесь приводится список из более чем 60 общих для них лексем (главным образом — субстантивы, глаголы и числительные), реконструируемые в свете данных сравнительной фонетики. Несомненно, вместе с тем, что многое здесь еще потребует серьезных коррективов. В частности, статья служит еще одним свидетельством недостаточности удовлетворительного состояния методики семантической реконструкции, свойственного и другим кавказоведческим исследованиям [ср., например, реконструкция таких семантем, как "осел" (№ 42), "приемный ребенок" (№ 45), "раб" (№ 64), "писать" (№ 67) и некот. др.]. Бросается в глаза и безоговорочная проекция в праязыковое состояние целой серии адъективов (ср. №№ 31, 36, 56, 59, 68), тогда как широко представленный еще в современных абхазско-адыгских языках именной синкретизм заставляет в этом усомниться.

В публикации того же автора "Филические связи протоиндоевропейского и протозападнокавказского" (LS II, с. 13—34) предпринята попытка показать отдаленное родство обеих лингвистических семей. В ее фокусе оказывается сопоставление некоторого числа грамматических и корневых морфем (последних здесь около двух десятков), предвещающее списком формально-типологических аналогий между ними. По мнению Дж. Коларуссо, соответствующее праязыковое состояние, называемое им протопантийским, имеет временную глубину около 10 тыс. лет. За автором, решительно отвергающим другие гипотезы о внешних генетических связях севернокавказских языков как grand lumping schemes¹, едва ли, однако, последует кто-либо из кавказоведов, не говоря уже об индоевропейцах. Статья отчетливо демонстрирует, насколько различна в настоящее время методическая и материальная оснащенность индоевропейской и абхазско-адыгской компаративистики, не позволяющая сколько-нибудь равноценного соположения их результатов.

Наконец, еще два диахронических

¹ Неясно, как относится автор к своему предшественнику, выдвигавшему гипотезу о принадлежности адыгских языков к числу индоевропейских (см. [1]).

исследования принадлежат продуктивно работающему картвелисту К. Тьюиту. В первом — "География грузинского аффикса *-qe*" (LS I, с. 283—302) — рассматривается история одного из загадочных явлений грузинской морфологии. Будучи, по-видимому, впервые засвидетельствованным в письме Давида Агмашенебели, датированном 1125 г., он затем распространился по грузинской языковой области, не затронув только ее крайний северо-восточный ареал. В поисках основных факторов, обуславливающих его функционирование, автор подтверждает вывод, согласно которому суффикс в первую очередь связан с обозначением одушевленного косвенного объекта, а также с правилами топикализации в предложении. Признавая, что генезис морфемы остается неясным, К. Тьюит полагает, что ключ к решению этой задачи способно дать его функционирование в роли показателя Aktionsart'a в ферейданском и мтиульском диалектах.

В другой его статье — "Категория числа в общекартвельском" (LS II, с. 245—284) — предпринимается опыт реконструкции этой грамматической категории в праязыковом состоянии. Опираясь на согласованные показания картвельских языков, К. Тьюит приходит к заключению о давности способов выражения плюралиса в глаголе, подчеркивая, однако, очень слабое развитие числового согласования, преодоленное только в эпоху грузинско-занского единства. Автор разделяет гипотезу о едином происхождении некоторых именных и глагольных признаков числа, требующую, на наш взгляд, более основательной аргументации. С его общим выводом о том, что в целом способы выражения этой категории претерпели в картвельских языках глубокие преобразования, нельзя не согласиться.

Среди исследователей синхронного плана выделяются две публикации известного американского картвелиста Г. Аронсона. В статье "Словоизменение и деривация в грузинском спряжении" (LS I, с. 1—19) автор задается вопросом о соотносительном месте обоих в формально разграниченных ранее четырех конъюгационных типах (ср. [2]). Опираясь на процедуру, предложенную Э. Станкевичем [3], он устанавливает, что наиболее слабо парадигматическое спечение глагольных рядов выражено в III и IV спряжениях и, напротив, более четко — в I и II, хотя и в последних налицо глагольные

словоформы, связанные по существу деривационными отношениями (ср. связи между рядами настоящего и будущего времени, словоформы которого образуются посредством присоединения превербов к формам презенса).

Во второй — "Об обозначении O_3 в грузинском языке" (LS II, с. 1—17) — Г. Аронсон, исходя из необходимости разграничения понятий валентности и персональности картвельского глагола, подчеркнутой Т.М. Гамкрелидзе (см. [4]), polemизирует с исследователями, существенно расширяющими совокупность средств передачи 3 лица объекта в этом языке. В итоге дистрибутивного анализа функционирования материала он приходит к выводу о неадекватности формулировок о "префиксе" \emptyset - как прямообъектном показателе 3 лица (в отличие от \emptyset - как признака 2 лица субъекта, имеющего отчетливую дистинктивную функцию). Лишены подобной функции и факультативные префиксы *s-//h-*, а также версионные форматы *a-* и *e-*. И лишь преф. *u-* может считаться (с некоторыми оговорками) дистинктивным признаком 3 лица объекта. Думается, что здесь было бы излишним добавить, что в плане диахронии префикс *s-//h-* иллюстрирует процесс отмирания некогда функционально вполне определенной величины.

В статье "Частица *-a* в удинском" (LS II, с. 135—156) А. Хэррис оспаривает распространенный (думается, по некоторой внешней аналогии с картвельскими данными) в специальной литературе взгляд, квалифицирующий эту морфему в качестве вопросительной частицы. Анализируя ее употребление в составе вопросительного предложения, она приходит к выводу о том, что это скорее особый согласовательный элемент — вариант морфемы 3 лица ед. числа. Автор апеллирует при этом к тому, что он налицо в предложении наряду с вопросительным словом, что он оказывается в дополнительной дистрибуции с личным показателем 3 лица ед. числа *-ne* и что содержащийся в предложении глагол является прямым, а не инверсивным.

Публикуемые в сборниках две работы В. Фридмана продолжают серию его исследований по анализу грамматической структуры лакского языка. В одной из них (LS I, с. 106—120) автор предлагает упорядочить широко варьирующую у разных дагестановедов терминологию

в обозначении восьми прошедших времен лакского глагола. В другой — "Лакское именное склонение: 40 или 50 падежей (LS II, с. 118—139) — предпринимает опыт разграничения падежных морфем и их алломорфов, с одной стороны, и "продуктивных" и "непродуктивных" показателей, с другой. В итоге своего исследования автор получает парадигму в составе 10 грамматических и адвербиальных падежей и 30 или 36 локативов (что связано с возможностью двойного описания части последних). На наш взгляд, работа служит образцом выявления статического и динамического в синхронном состоянии языка.

Отметим, наконец, еще две работы, примыкающие к кавказоведческому циклу. Р. Штемпель (ФРГ) в статье "Еще раз о древнеармянском транзитивном перфекте" (LS I, с. 209—216) возвращается к структурно-типологической интерпретации неоднократно обсуждавшихся ранее древнеармянских построений типа *nora gorceal é z-gorc* "он сделал работу". Констатируя довольно очевидный параллелизм развития индоевропейской пассивной конструкции в армянском и иранском языках, автор не без основания воздерживается от квалификации этого построения в качестве эргативного (вместе с тем, отказ от признания его активного характера не согласуется с трактовкой организующего его глагола как переходного). Д. Тестен в статье "Ибн-Руста и Бакри об осетинах и абхазах" (LS II, с. 235—244) на базе филологического анализа текстов обоих арабских авторов X столетия делится своими соображениями о локализации названных этносов на Кавказе².

Несмотря на очевидную неравноценность охарактеризованных выше материалов, отражаемую, в частности, и различным масштабом рассматриваемой проблематики, их авторы так или иначе затрагивают актуальные вопросы кавказского языкознания. В ряде случаев эти работы выявляют заметный контакт с лингвистической теорией и, прежде всего, с конкретными методическими приемами современного исследования. Учитывая то обстоятельство, что наши зарубежные коллеги, в частности, американские, значительно лучше осведомле-

ны о наших работах, чем мы об их трудах, не будет преувеличением признать, что через некоторое время это может сказаться на лидирующем положении отечественной науки (особенно в сфере нахско-дагестанского языкознания).

По ходу презентации содержания обоих сборников уже были высказаны некоторые конкретные соображения, возникающие при их чтении. Складывается, вместе с тем, и некоторое более общее впечатление о состоянии современного западного кавказоведения. Бросается в глаза, в частности, что среди рассмотренных публикаций нет ни одного материала по интереснейшей проблематике ареального взаимодействия языков Кавказа, что служит характерным свидетельством все еще слабого внимания к ней со стороны не только наших кавказоведов (среди минимума работ этого плана, вышедших в свет за два последних десятилетия, отметим известную монографию М. Йоба [5] и отдельные статьи Р. Бильмайера и Х. Фенриха). Между тем, это негативным образом сказывается и на исследованиях генетического характера, по-прежнему нередко оперирующих неисконным материалом позднего происхождения. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, также по существу характеризующее и отечественную науку, что кавказское языкознание остается по сей день крайне слабо связанным с данными смежных наук — этнографии, истории, археологии — способными делать его выводы (особенно, когда это касается диахронии) более достоверными. Наконец, следует заметить, что хотя западные исследователи широко используют специальную литературу на русском и грузинском языках, заметно их незнание с некоторыми (далеко не всегда недавними) отечественными изданиями, что, на наш взгляд, говорит о нестабильности существующего научного обмена.

В заключение остается отдать должное большой организаторской деятельности проф. Г. Аронсона в объединении усилий американских и других зарубежных лингвистов в изучении неславянских языков бывшего СССР, а также в проведении соответствующих конференций и оперативной публикации их материалов. Хотелось бы надежду, что сложившаяся в Чикагском университете традиция издания сборников подобного рода будет продолжена.

² Среди публикуемых в сборниках материалов по другим дисциплинам заметное место принадлежит баллистике и тюркологии.

- 1 *Shawket Mufti (Habžoga)* Die Sprachwissenschaft des Tscherkessischen Einleitung und Lautlehre Heidelberg, 1978
- 2 *Aronson H* Georgian a reading grammar Columbus (Ohio), 1982 P 40
- 3 *Stankiewicz E* The interdependence of paradigmatic and derivational patterns // *Word* 1962 18

- 4 *Гамкрелидзе Т В* "Валентность" и персональность" глагола // *Лингвистический сборник*. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- 5 *Job D M* Probleme eines typologischen Vergleichs iberokaukasischer und indogermanischer Phonemsysteme im Kaukasus Frankfurt/M, Bern, 1977

Климов Г А

Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. I: A—O, II — P—Ž. Rīga: Avots, 1992. 638 + 667 llp.

Серия этимологических словарей и.-е. языков пополнилась новым интересным изданием: впервые издан фундаментальный двухтомный этимологический словарь латышского языка. До последнего времени разрозненные этимологии латышских слов можно было найти только в четырехтомном толковом словаре латышского языка Мюленбаха—Эндзеллина [1] и, конечно, в стандартных этимологических словарях и.-е. языков, в журнальных заметках и в сборниках (ср., например [2—6]).

Отдельная словарная статья рецензируемого словаря включает соответствия в различных и.-е. языках (особенно в славянских) и определенный и.-е. корень, к которому автор относит анализируемое слово (в том виде, в котором этот корень представлен в "Этимологическом словаре индоевропейских языков" Ю. Покорного; к сожалению, новейший индоевропейский словарь С. Манна [7] в работе К. Карулиса не нашел никакого отражения). Кроме того, в ряде случаев в отдельных словарных статьях содержится краткая история соответствующего латышского слова в диалектах и в литературном языке; некоторые статьи содержат перекрестные ссылки в пределах рецензируемого словаря, а также семасиологические параллели того или иного перехода значений (хотя далеко не везде и не в наиболее важных случаях). Автор исходит по традиции из положения о том, что слово может иметь одну-единственную этимологию. Совершенно не учитывается так называемая множественная этимология слова (в эксплицитном виде она разрабатывается в Н. Топоровым): согласно этой концепции, отдельные этимологические решения можно рассматривать как различные степени

приближения в матрице этимологической относительности. Отсутствуют в словаре К. Карулиса и ссылки на мифологическую символику именно такой подход, как показывает практика, дает редкую возможность проникнуть в самую суть этимологической траектории слова и ввести ее в русло общечеловеческой культуры. Следует отметить, однако, что рецензируемый словарь содержит ряд новых и интересных этимологий латышских слов, предлагаемых впервые. Вместе с тем в нем много и традиционных этимологий, которые далеко не всегда отвечают современному состоянию разработки истории соответствующего слова. Список литературы, которым заканчивается каждая словарная статья, обычно довольно полон, хотя в ряде случаев в нем отсутствуют ссылки на новейшие зарубежные этимологические исследования. В качестве приложения ко второму тому дан выдержанный в нормативных традициях очерк "Индоевропейские языки и этимология", в котором рассматривается основная проблематика индоевропейистики и этимологического анализа и.-е. языков (и.-е. праязык, прародина индоевропейцев, и.-е. фонетическая система, этимология и история слов, история латышской этимологии и др.)

Рассмотрим некоторые латышские слова, которые допускают этимологические решения, отличные от приводимых в рецензируемом словаре, а также слова, вообще не имеющие в нем этимологии (ср [8—9]).

1. Понятие "класть" (> "лежать") соотносится с понятиями "бросать, кидать, толкать, бить, резать" (ср. др.-англ. *snidan*, букв. "резать", но глосса "accumbere", русск. *лежать*, но русск

диал *ложить* "резать, кастрировать", русск диал *класть* "кастрировать" ср *кладенный мерин*) < "гнуть" Однако именно значения "толкать, бросать, бить" соотносятся со значением "coire" В этой связи следует принять во внимание лтш *gulēt* "лежать" (литов *prigulėti* "coire", ср гот *gilþa* "Sense"), но др-инд *kulam* "потомство", хет *kul* "семя, потомство", тох *A kulī* "женщина", др-в-нем *geile* "Hoden", ирл *gaol* "Liebe", др-сев *goli* "ausgelassene Frohlichkeit" Ср семасиологические параллели нем *liegen* "лежать", но др-ирл *lingim* "прыгаю", ср-в-нем *lingen* "идти вперед", новоперс *alextan* "прыгать", *be-leziun* "танцую", хет *ha-lugas* "посольство", *ha-luga-* "быстрый" (ср нем диал *Lehe* "Sense") С другой стороны, ср др-сев *liggja* "coire"¹, греч *Ληκάω* "coire", др-инд *lanka* "liederliches Wieb", ср еще др-инд **dhengh-* "лежать", но др-инд *tok* "piogeny" Как показал С Креш [10], значение "резать" часто переходит в значение "обманывать" (ср нем *liegen* "лежать", но *lugen* "обманывать" вполне возможно, что эти немецкие слова являются метатезой от корня, представленного лтш *gulēt* "лежать", или, наоборот, латышское слово — метатеза от немецкого) Ср также русск *голый*

Следует иметь в виду, что фаллические действия у язычников приравнивались к сакральным (ср лат *сиплиус* "vulva" < **kud-nos*, но русск *чудо*, др-инд *ret-* "semen", но лат *ritus* "ритуал, сакральное действие") Их результатом могло быть не только очищение (огнем), спасение, исцеление, но и порча (не только физическая, но и моральная) Ср в связи с этим лтш *gūla* "Krankheit", лтш *gurt* "krank sein", и-е **ghol-* "harm", авест *zīnah* "несправедливость" Сакральный характер рассматриваемых слов подтверждается и следующими примерами др-инд *ghelā-* "вино" (сакральное возлияние), русск *гул* (= "звук" [11]), и-е **kel-* "огонь, гореть", хет *kuls* "receive, observe, obey, protect" (ср также литов *guldyti* "класть", но также "кастриро-

вать")² Ср семасиологические параллели алб *dergjet* "лежать", но авест *družaiti* "обманывать", *droaga* "обман", *druhyati* "вредить", хет *i-stark* "больной"

С другой стороны, следует иметь в виду, что язычники, принося жертву богам, клали ее в огонь ср нем *liegen* "лежать", *legen* "класть", но др-англ *lieg* "огонь" (ср, с другой стороны, др-англ *lās* "жертвоприношение", др-англ *ling* "идол, которому поклонялись язычники, образ божества"), ср еще алб *dergjet* "лежать", но греч флорис "пламя" Значение "огонь" также соотносится со значением "гнуть"

2 Весьма интересна дихотомия жизни и смерти в понимании язычников Жизнь, согласно древним представлениям, черпает свои силы в смерти и смертью очищается и обновляется В мире происходит вечное перевоплощение смерть переходит в жизнь, а жизнь в смерть При этом души умерших переправляются в загробный мир в кораблях или лодках (интересно при этом, что значение "корабль" нередко уравнивалось со значением "человек" ср, например, англ *man-of-war* "военный корабль") по реке или по морю, проходя на своем пути несколько "дверей" В и-е языках намечается следующая цепочка значений "двигаться, передвигаться" → "река, вода (символ спасения)" → "душа (человек)" → → "новый, свежий (воскресший к жизни из смерти или перешедший к смерти из жизни)" Рассмотрим в этой связи лтш *jauns* "новый, молодой" (гот *juggs*, англ *young*, нем *jung*, русск *юный*, авест *yvan* и др) Ср и-е **deu-* "in Bewegung setzen" — и-е **ueg-* "sich bewegen" — и-е **ug-* "feucht, flussing, Fluss" — хет *ug*

² С лтш *gulēt* "лежать" интересно сопоставить еще с др-сев *gola gala* "издавать звуки", но др-сев *galinn* "bezaubert", англ *gult* "вина, порок", др-англ *cwield* "вечер, ночь" (дихотомия ночи—смерти и дня—жизни) Следует указать, что слова со значением замороженный, находящийся в религиозном экстазе, опьяненный (сакральным действием) могут приобретать значение "святой" ср и-е **ghētu* "Wein", но др-англ *hālig* "святой" Типологически ср лтш *skurbs* "пьяный", но арм *surb* "святой", и-е **ebhros* "пьяный, вкушивший сок божественного растения сомы", но кельт **reb* "сакрального действия", алб *rumbull* "круглый" (> "святой"), лтш *rumbilis* "кольцо", лтш *iebi* "to charm away", и-е **robh* "strong"

¹ Ср также русск *на гулять* (ребенка о женщине) Типологически энгя *rit* "класть" но нем диал *Fud* "vulva"

"death", инд.-арийск. *ungha-* "sleep" (= "death") — и.-е. **ieu-* "trennen, fernhalten" (др.-инд. *yu-*). Интересны также следующие сопоставления: и.-е. **ieu-* "angewiesene Stätte, richtiger Weg", **ieuos-* "Satzung, Fug, Verordnung, Recth" (ср. языческие представления о Вселенной как середине Мироздания и об окружающем ее Хаосе), тох. АВ *yok* "cheveux; couleur" [ср. инд.-арийск. *jungha-* "beard, moustache, pubic hair" (волос считался символом жизненной силы, связи верхнего, среднего и нижнего миров, а также символом судьбы; краска была символом всего сверхъестественного, символом чуда)], тох. А *yokām* "rope (хет. *ig* "дверь"): речь идет о дверях, которые проходила лодка с душами умерших на своем пути в загробный мир), тох. А *yuk* "vincere" (смерть побеждает жизнь, а жизнь побеждает смерть). С другой стороны, ср. и.-е. **iek-* "heilen", **ieg^hā-* "Kraft, Jugendkraft" (ср. литов. *jėga* "сила"; лтш. *jega* "понятие, представление": речь идет о Мировом Разуме)³. Вместе с тем интересно принять во внимание англ. *jug* "сосуд" (= "корабль, судно"); ср. типологически чеш. *sud* "vat, tub" > "ship"; греч. κῆρυξ "ship" < др.-инд. *kumbha-* "pot". Ср. также: и.-е. **iek-* "говорить" (> "творить; обновлять"), тох. А *oik* "человек", русск. (баба)-*яз* "злой дух".

Приведем семасиологические параллели. Ср. тох. А *tarp* "пруд, водоем", но нем. *sterben* "умереть", русск. *труп* — русск. *троня*, нем. *Tropfen* "капля", но литов. *tartpti* "процветать", *tarpas* "промежуток, зазор", русск. *терпеть, торопиться, торопеть, трепать*. Ср. также лтш. *tarps* "червь" (= "змея" — символ Вселенной, а также символ благости). Еще пример. Латышское слово *virš* "человек" соотносится, с одной стороны,

³ В антропоморфной модели Вселенной голова считалась центром деторождения, в связи с чем слова со значением "разум, понимание, ум" соотносятся со словами, имеющими значение "родить; половые органы": ср. лтш. *gudrūs* "умный", но валл. *sydio* "coïge", лат. *cinnius* "puerendum" (< **kud-nos*); типологически ср.: нем. *klug* "умный", но англ. диал. *cleck* "родить"; гот. *handugs* "умный", но и.-е. **ken(d)-* "родить"; русск. *думать*, но др.-инд. *dumah-* "Geschlechts-theile": гот. *hugjan* "думать", но и.-е. **kuk-* "puerendum"; др.-инд. *ret-* "semen", но др.-англ. *rædan* "думать, размышлять"; др.-русск. *удъ* "penis", но русск. *ум* (**ud-men*).

с тох. А *wäl* "мертвый", а с другой — с тох. А *wir* "новый, свежий". Ср., кроме того: др.-англ. *wer* "сосуд" (= "корабль"), хет. *war* "вода"⁴. Можно указать также на гот. *ga-leiþan* "передвигаться", но, с одной стороны, лат. *letum* "смерть", авест. *para-raeþ* "умирать", а с другой, серб.-хорв. *lédina* "новь, целина", литов. *lydinas* "новь", болг. *ледина* "новь". Ср. также русск. *ладья* (лодка, в которой перевозились души умерших), англ. *lad* "парень" (= "человек"), кимр. *lliant* "поток, море", др.-ирл. *lind* "пруд"⁵, др.-англ. *ladian* "очищаться" (от грехов), *lid* "корабль". Далее интересно сопоставить и.-е. **nau-* "корабль; плыть на корабле", но **nau-* "смерть" и **neu-* "новый, свежий". Ср. еще: тох. А *kolam* "корабль" (хет. *kil* "jug"), но, с одной стороны, прусск. *gallan* "смерть", а с другой — хет. *kul* "seed, descendants", др.-инд. *kulam* "род", инд.-арийск. *kora* "новый"; русск. *молодой* — лат. *mortuus* "мертвый" — лат. *mare* "море"; лат. *amnis* "река", но лат. *anima* "душа"; англ. *sail* "плыть", но нем. *Seele* "душа". Ср. также: русск. *co-суд, судно*, но валл. *hud* "волшебство" (= "порча"), нем. *ge-sund* "здоровый", др.-англ. *sund* "See", тох. А *šont* "путь", др.-инд. *sadai* "ist krank".

В связи с представлением древних о

⁴ Ср. еще: др.-англ. *swerian* "клясть(ся)"; др.-англ. *zwir* "узкий проход в горах" (также в современных диалектах).

⁵ Отметим, что вода могла, согласно представлениям язычников, выступать не только как спасительное, священное начало, но и как источник зла, гибели, смерти (дихотомия "жизнь—смерть"). В этой связи следует указать, что русское слово *объегорить* не имеет никакого отношения к имени собственному *Егор*, а соотносится с др.-англ. *éagor* "поток воды, течение", лтш. *ezers*, русск. *озеро*. Типологически ср.: лат. *aqua* "вода", но хет. *ak* "умереть"; тох. А *tarp* "пруд", но нем. *sterben* "умереть"; кимр. *lliant* "поток, море", но лат. *letum* "смерть", авест. *para-raeþ* "умереть"; др.-англ. *woel* "река, море", но тох. А *wäl* "умирать". С другой стороны, русск. *объегорить* можно сопоставить с русск. *игра* (культурное действие): в процессе сакрального акта божество посылало не только исцеление, но и проклятие, смерть врагам. Типологически ср. нем. *Spiel* "игра", но лтш. *peļ* "поричать"; лтш. *gīoāt* "играть", но др.-англ. *ludian* "обманывать", русск. диал. *луд* "обман", ср. лат. *ludus* "игра". Ср. русск. *обыграть*. Ср. также лтш. *īiens* "вода", но и.-е. **od-* "ненавидеть".

постоянном перевоплощении всего живого и неживого во Вселенной интересно учесть следующие примеры: лтш. *mit* "менять(ся)" (**men-*), но и.-е. **men-* "двигаться, передвигаться", лат. *mānes* "души умерших", др.-инд. *manu-* "душа", инд.-арийск. *monna-* "be silent" (< "thaw, be fluid"). Типологически ср.: др.-сев. *skipta* "(из)менять(ся)", но швед. *skipp* "корабль", хет. *kab* "left, unfavorable" (> "deadly"), хет. *qāblū* "middle" > ("good, alive"); англ. *boat* "лодка", но швед. *byta* "(из)менять(ся)", прусск. *bitai* "вечер, ночь" (> "смерть"); ср. далее: и.-е. **kel-* "лодка, корабль" (русск. *челн*), но **kel-* "менять(ся)" < "крутить" (типологически ср. нем. *wenden* "крутить, но *Wandel* "перемена, изменение"), прусск. *gallan* "смерть", (<**kel-*), осет. *coeryp* "жить"; греч. *καράβος*, *καράβιον* "судно" (ср. русск. заимствование *корабль*; возможна, однако, связь с русск. *короб*), которое представляет собой композитум, первая часть которого соотносится с инд.-арийск. *kora* "новый, молодой" (ср. выше: и.-е. **kel-* "челн"), а вторая -- с тох. А. *rape* "музыка, гармония" (ср. также хет. *libbu* "середина"); возможно, к тому же корню относятся и лат. *columbus* "голубь" (вместилище души, а также символ смерти). Ср. еще: нем. *Nachen* "лодка, челн", нем. *nass* "мокрый, сырой" < (**nek-*), и.-е. **nek-* "to die", лтш. *nākt* "kommen, sich bewegen", но русск. *возникнуть*, русск. *нагой* (душа без оболочки тела), англ. *snake* "змея" (букв. "голый"); змея — символ Вселенной; она сбрасывает кожу, обновляется), русск. диал. *снага* "сила" (божественная), лтш. *nikns* "злой, яростный", русск. *нега*, *нежный*. Ср. также нем. *nüchtern* "трезвый" < и.-е. **nek-* "голый, пустой" + корень, представленный литов. *tyrai* "пустыня", литов. *tyras* "чистый" ("пустой"). Относительно второй части немецкого слова ср. русск. *трезвый* (и.-е. **ster-* "schwellen" > **ster-* "leer"; типологически ср. др.-инд. *śúná-* "вздутый", но арм. *sup* "порожний", др.-инд. *śunū* "пустой"). К тому же корню относятся: др.-англ. *teors* "penis" ("geschwollen"). др.-англ. *þurs* "Riese". В связи с лтш. *nikns* "злой, яростный" важно учесть переход "быстрое движение" > "ярость" > "(божественный) Свет", "Слово" > "мировой Разум".

Интересно, что дорога, путь (в загробный мир) были символами судьбы, страдания, боли (символика дороги совпадает с символикой волоса). Ср. в этой связи: лтш. *cel's* "путь", русск. *колея*, лат. *callis* "тропинка", но нем. *qālen* "мучить", русск. *зло* (**kel-*); ирл. *slige* "дорога", но и.-е. **leig^h* "больной"; нем. *Weg* "дорога", но нем. *Weh* "боль"; англ. *path* "путь", но русск. диал. *путать, нетать* "мучить, терзать"; брет. *hent* "дорога", но и.-е. **kad-* "зло"; др.-англ. *rād* (совр. англ. *road*) "дорога", но русск. *страдать* (с *s-mobile*); лат. *sēmita* "дорога, тропа": в этом слове *se-* представляет собой отрицательную частицу, используемую по соображениям табу, а корень соотносится с др.-сев. *meiða* "to hurt", др.-литов. *ap-maitinti* "to wound", гот. *ga-maidans* "crippled"; русск. *тропа*, но русск. *терпеть*; русск. *след*, др.-англ. *lidan* "путешествие"; гот. *ga-leiþan* "идти, двигаться", но нем. *Leiden* "страдание"; польск. *droge* "дорога", но др.-инд. *droaga-* "враг".

Как мы уже говорили, вода считалась *prima materia*: погружение в нее давало возможность приобрести первозданные свойства, возродиться. Отсюда соотношение таких слов, как русск. *купать* и *купить* "приобрести", а также *копить* "хранить, сохранять" (все эти слова соотносятся с и.-е. корнем **keup-*, **kup-* "гнать, резать": ср. русск. *скопить*, *скопец*, *скупой*). Русск. *купать* соотносится с представлением о воде как плетении ("плетение вод"); *купить* буквально означает "получить, обрести" ("сжать пальцы"). Ср. семасиологические параллели: хет. *war* "вода", но и.-е. **uer-* "брат"; лат. *aqua* "вода", но др.-англ. *āgan* "иметь, владеть"; русск. вода, лтш. *ūdens* "вода", но др.-англ. *oðel* "имуущество"; кельт. *dobrun* "вода", но русск. *добро* ("имуущество"). Понятие "покупать", как и понятие "вода", соотносится с понятием "гнать": ср. гот. *bugjan* "покупать", но и.-е. **bheugh-* "гнать"; и.-е. **ker-* "резать" ("гнать"), но тох. А. *kuryar* "покупать"; и.-е. **pel-* "резать" ("гнать"), но **pel-* "продавать, покупать, зарабатывать"; русск. *купить*, но и.-е. **keup-* "гнать" (ср. лтш. *kėpt* "haften"). Ср. еще: и.-е. **ap-* "вода", но и.-е. **ap-* "достигнуть, схватить, получить", алб. *tahem* "купать", но др.-англ. *læccan* "ergreifen, fassen",

empfangen" (ср нем *hegen* "лежать"), русск *купать*, но *купить* (ср лат *subare* "лежать" и лтш *gibi* "падать в обморок, лишиться чувств" — религиозный экстаз) Вода — символ творения Ср русск *купать*, но др-англ *scéapan* "творить"

3 Латышское слово *mats* "волос" < и -е **mek-to* соотносится с перс *mahi* "рыба" (ср **mek-* "понимать" < "мировой Разум") Ср семасиологические параллели русск *волос* (**uel-*), но нем *Wels* "сом", др-англ *fāh* "волос" но др-англ *facg* "камбала", др-англ *ripe* "волос", но русск *рыба*, греч *δριξ* "волосы", но русск *треска*, англ *hair* "волосы", но англ *herring* "сельдь" Рыба как обитатель воды считалась символом спасения и соотносилась с Центром⁶, Серединой, которые символизировали Космос и соответственно святость Все святые места (например, храмы) считались расположенными в Центре Вселенной и отождествлялись с последней Мировая река, мировое древо, мировая гора располагались в Центре Вселенной [ср лтш *mats* "волос" и др-англ *тада* "червь" > "змея" (символ Вселенной), но также и -е **medh-* "середины" (ср др-инд *medha-* "жертвоприношение")]

Волосы могли символизировать связь трех миров (верхнего, среднего и нижнего), жизненную силу, а также судьбу и божества, приносящие несчастье В этой связи интересны следующие сопоставления русск *волос* (**uel-*), но лтш *vilt* "обмануть", лтш *vellata* "дьяволица, чертовка", тох *A wal* "смерть", греч *κομη* "волосы", но литов *kamuoti* "му-

чить", ср русск *оскомина*, тох *A saku* "волосы", но др-англ *sacu* "грех, преследование", кельт **gai-* "волосы", но и е **kad-* "зло", лат *pilus* "волос", но др-сев *spilla* "вредить", др-англ *fāh* "волос", но др-англ *fāege* "приговоренный к смерти" В этой связи интересно обратить внимание на русское слово *подкузьмить*, которое, как показывает фактический материал, не имеет никакого отношения к имени собственному *Кузьма*, а соотносится со славянским корнем **kosmъ* "волосы" (ср русск *косматый*, *космы*) Ср также русск *щетина*, но др-англ *sceadðan* "вредить"

3 Как известно, в древности мальчик-перенец нередко приносился в жертву богам (мальчиков обычно сжигали на костре) Ср в связи с этим лтш *dels* "сын" < **deff-al-*, но и -е **dheg-* "гореть, жечь" (ср, с другой стороны, тох *A talke* "жертвоприношение") Элемент *-al* в этом слове также означает "гореть, жечь" Ср семасиологические параллели лат *filium* "сын", но др-англ *bel* "Feuer, Brand", лат *puer* "мальчик", но нем *Feuer* "огонь" (возможно, к тому же корню относится и лтш *puisis* "мальчик"), др-англ *snihht* "мальчик", но и -е **kenk-* "гореть, жечь", др-сев *drengr* "мальчик, юноша", но греч *φλόκις* "огонь, пламя", литов *dirgūs* "жгучий", ново-ирл *buachail* "мальчик", но и -е **bhok-* "гореть, жечь", ирл *tacc* "мальчик", но кельт **teg-*, **tog* "огонь", русск *мальчик*, но лат *im-molo* "приносить в жертву", лат *in-fans* "ребенок", но греч *φανη* "факел" (ср лат *fanum* "храм" обряд жертвоприношения производится в храме типологически ср др-англ *symbol* "сакральный акт, сакральное празднество" < **sem-* "гореть" + др-инд *bala-* "ребенок", возможно, однако, что первый элемент этого слова соотносится с русск *сын*, а второй — с др-англ *bel* "костер", ср далее русск *ребенок*, но кельт **reb-* "сакральный акт"), др-сев *piltr* "мальчик", но и -с **pel* "гореть, жечь", др-русск *om-рок*, но лат *rogus* "огонь", греч *τέκνον* "ребенок", но и -е **teg-* "гореть, жечь", нем *Kind* "ребенок", но англ *kindle* "зажигать", литов *vaikas* "ребенок" < **ueid-* (ср др-англ *sweoðol* "огонь") + **kai-* "гореть, жечь"

⁶ Ср также соотношение значения "рыба" и "дерево" (мировое древо, приравниваемое к Вселенной) русск *рыба*, но англ *shrub* "куст", русск *щука*, но лтш *kuoks* "дерево", и е **bhago-* "бук", но др-англ *facg* "камбала", и -е **perk-* "дуб", но англ *perch* "окунь", др-англ *bears* "окунь", но русск *бор*, брет *load* "лес", но англ *cod* "треска", ирл *cail* "дерево", но прусск *kahs* "сом" С другой стороны, интересна связь слов со значением "рыба" и слов со значением "волшебство" ср **pesk-* "рыба", но ново-ирл *riseog* "волшебство", ирл *pisac* "чары", русск *рыба*, но валл *rheibes* "ведьма" Ср вместе с тем и е **gdi* "рыба" (лтш *zivs* "рыба"), кельт *gai-* "волосы", англ диал *gad* "радуга, небо", авест *gaefi* "Вселенная", лтш *skaitis* "число", тох *A kaç* "число" (символ Мироздания)

4. Интересный метафорический образ связан со словами, обозначающими внутренние переживания человека (верить, надеяться, чувствовать и др.). В большом количестве случаев слова с указанными значениями соотносятся со словами, обозначающими внутренние органы человека: речь идет об антропоморфной модели Вселенной, согласно которой внутренние органы считались местилищем мирового Разума. Ср. лтш. *jūst* "чувствовать", но др.-англ. *éosen* "кишка"; лтш. *cērēt* "надеяться", но лат. *cōr* "сердце"; ср. типологически: новоирл. *suill* "надежда", но русск. *селезенка* (ср. также лат. *solor* "утешать"); гот. *galaubjan* "верить", но ср.-в.-нем. *lip* "желудок", ср. нем. *Leber* "печень"; тох. А *rik* "верить", но др.-англ. *būc* "живот"; гот. *wēns* "надежда", но лат. *venter* "живот"; англ. *hope* "надежда", но брет. *kof* "живот"; др.-англ. *rēdan* "думать, полагать", но др.-англ. *réada* "желудок у скота"; литов. *taukas* "живот", но литов. *tikėti* "верить" (ср. др.-инд. *takati* "ein bestimmtes Teil der weiblichen Genitalien"); др.-англ. *sméagan* "думать, полагать, чувствовать", но нем. *Magen* "живот".

С другой стороны, интересно, что слова со значением "верить, вера" могут соотноситься со значением "дерево": ср. лтш. *cērēt* "верить", но ирл. *ceirt* "яблоневое дерево", др.-англ. *ceart* "лес"; русск. *веруть*, но лтш. *veris* "густой лес", алб. *vere* "дерево", тох. А *wārt* "лес". Типологически ср.: и.-е. **pyk-* "ель", "сосна", но тох. А *puk* "верить"; русск. *дерево*, но прусск. *druwit* "верить", *druwi* "вера"; др.-в.-нем. *ga-laubjan* "верить", но др.-ирл. *luib* "куст".

Наконец, слова со значением "верить" могут соотноситься со словами, имеющими значение "рогатый скот" (небожитель, объект поклонения, символ неба). Ср. лтш. *cērēt* "варить", но лат. *cervus* "олень"; лтш. *luōps* "скот", но др.-в.-нем. *gi-louban* "верить" (ср. алб. *lope* "корова", нем. диал. *Lob* "скот"); лат. *credere* "верить", но и др.-англ. *hriðer* "скот"; лат. *fides* "вера", но литов. *bandà* "скот" (ср. нем. *binden* "связывать", типологически ср. лтш. *cērēt* "верить", но и.-е. **ker-* "связывать", особенно животного, приносимого в жертву); лтш. *ticēt* "верить", но др.-англ. *ticcen* "Zicklein".

5. У индоевропейцев голубь считался птицей, символизирующей или предвещающей смерть, гибель. Ср. в этой связи: лтш. *balodis* "голубь", но др.-сев. *ballr* "опасный, страшный" типологически ср.: русск. *голубь*, но тох. А *klop* "опасность" (к тому же корню относится и русское слово *глулый* — первоначально "пораженный божеством, потерявший разум от страха перед божеством или явлением природы)]; ср. также др.-англ. *bealu* "гибель; зло"⁷; немецкое слово *Taube* "голубь" соотносится с гот. *dumba* "немой" (букв. "замерший в религиозном экстазе"), русск. диал. *дыбеть* "болеть, чахнуть, умереть", а также и.-е. **dheub-* "глубина, дно, бездна" (т.е. нижний мир, преисподняя, местилище душ умерших): типологически ср. русск. *голубь*, но русск. *глубокий*, а также прусск. *gallan* "смерть" (< **ghelbh-*; ср. и.-е. **guelbh-* "матка, чрево, бездна"). Возможно, однако, что нем. *Taube*, англ. *dove* "голубь" соотносятся с и.-е. **dyū-* "два" > **dyū-(b)*: двойка считалась символом всего земного, тленного, злого (в этой связи интересно указать на исл. *dybbje* "женщина": о женщине как символе зла см. [12]). Ср. далее: гот. *ahaks* "голубь", но лат. *aeger* "больной", тох. А *ekro* "больной; перс. *kabutar* "голубь", но др.-инд. *ghabira, ghabana* "глубокий", и.-е. **kab-* "зло".

6. Дерево в древности считалось (как гора или вода) местилищем душ или духов (добрых и злых). Ср. лтш. *kidks* "дерево", но гот. *skohsl* "demon"⁸, др.-англ. *ceart* "лес", но русск. *черт*; русск. *колода*, но русск. *колдовать*; русск. *ветла*, но др.-инд. *vetala* "demon"; русск. *сосна*, но иран. **šōš-* "дыхание, дух"; др.-инд. *rohi* "дерево", но гот. *iōhsn* "дух"; прусск. *garian* "дерево", но литов. *kerai* "чары"; др.-инд. *varana* "дерево", но русск. *ворожить*.

7. Весьма интересны апеллятивы, образованные от натурального ряда чисел. Их изучение дает возможность установить этимологию целого ряда индоевропейских (и в частности латыш-

⁷ Ср. также исл. *bella, belda* "schaden, zerstören".

⁸ С латышским словом *kydks* "дерево" следует еще сопоставить лтш. *kaukas* "домовой, гном".

ских) слов, а также сложные взаимосвязи между ними.

Число "один" (и.-с. **aindh-*, лтш. *viens*) соотносится с и.-е. **ḥen-*: русск. *внешний* (т.е. стоящий посреди Хаоса: единица символизировала Вселенную), англ. *swain* "парень, человек" (антропоморфная модель Вселенной: ср. также хет. *ḥen* "соиге"), лид. *in-* "делать, творить"; с другой стороны, ср. др.-сев. *ond* "дверь" (несколько дверей, т.е. выходов в Хаос, на пути следования лодки с душами умерших); греч. *αἴθος* "цветок" (символ Вселенной); греч. *ἄνθρωπος* "человек" < **and-* "один" (символ Вселенной) + русск. *труп* (антропоморфная модель вечно сменяющихся микромиров); ср. др.-инд. *adi* "начало" + корень, представленный др.-англ. *gipe* "волос" (связь верхнего, среднего и нижнего миров); осет. *udd* "душа", др.-инд. *udu* "звезда" (ср. инд.-арийск. *udua* "пустой": звезды мыслились древними как "дырки в небе"); др.-инд. *anda-* "Ноден"; осет. *aeddag* "внешний"; др.-инд. *addhá-* "надежный"; литов. *udis* "ткань".

Число "три" входит в заимствованное латышское слово *trumpis* "kozyрь" + корень, представленный греч. *οὐφῶλος* "пуп" (пуп считался центром Вселенной, а число "три" символизировало святость, благодать: отсюда понятно и первоначальное значение таких слов, как англ. *triumph*, русск. *триумф*). Однако в качестве второго элемента рассматриваемого слова мог выступать корень, представленный греч. *ὄμφη* "голос, звук; глас богов, оракул" (подробнее о символике звука см. [11]).

В качестве семасиологической параллели можно указать на русское слово *kozyрь*, восходящее к корню, представленному др.-англ. *husl* "жертвоприношение" (жертвоприношение рассматривалось как приобщение к Вселенной, к Божественному Мирозданию). Др.-англ. *husl* в свою очередь можно сопоставить с хет. *ku-* "платить" + хет. *suris* "жертвоприношение".

Что касается латышского слова *trumpis* "kozyрь" (это слово не приводится в словаре К. Карулиса, хотя многие заимствования в латышском языке в нем этимологизируются), то оно соотносится с **trei-* "три" + лтш. *ipe* "река" (мировая река, согласно поверьям, протекала по

середине мироздания). Важно также учитывать связь понятия воды с понятием узла ("плетение вод"): узел считался символом чуда, волшебства, победы над силами зла. Что же касается приведенного выше др.-англ. *husl* "жертвоприношение", то это слово можно сопоставить с лтш. *guž*, русск. *гуз* "зад, задница" (> "половые органы"). Дело в том, что фаллические действия в древности приравнивались к сакральным, в том числе и к жертвоприношению как умиротворению божества. Ср. в этой связи чеш. *kouzla* "колдовство, магия".

Латышское заимствованное слово *čilvēks* "человек" можно истолковать как сложное слово, состоящее из корня, представленного лтш. *kails* "один, одинокий" (единица — символ Мироздания)⁹ + корень, представленный др.-англ. *wah* "столб" (поклонение столбам); ср. также лат. *vox* "голос" (звук как творящее начало, как проявление божественной силы). Корень, обозначающий число "семь" в индоевропейском, можно сопоставить с комбинацией др.-инд. *sepaḥ* "penis" + тох. *A iām* "рожать, создавать", а корень, обозначающий "четыре" (**kuoiuor-*), — с комбинацией корней, представленных лтш. *kuðks* "дерево" ("мировое дерево") + и.-е. **ter-* "дерево" (ср. также комбинации др.-англ. *swædan* "говорить" + и.-е. *ḥer-* "издавать звуки" или авест. *gāēru-* "мир, мироздание" + **ḥer-* "мир, мироздание")¹⁰.

8. Мифологическое время — Хронос — у индоевропейцев — символ божественного сотворения Мироздания. Время представлялось "отцом вещей" наряду со Словом, оно нерукотворно и вечно. Время отождествлялось с числом, с кругом, с мировым древом, с горой, с земноводными, с водой, с огнем. Показательно, что слова со значением "время" соотносятся со значением "Вселенная": ср. лтш. *gads* "год", др.-сев. *skeið* "время", но авест. *gāēru-* "Вселенная"; лтш. *laiks* "время", но др.-инд. *loka-* "Вселенная". Типологически ср. тох. *A preke* "время", но др.-англ. *feorh* "Вселенная"; лат. *mōrā* "время", но русск. *мир*; ср. также лтш. *virš* "человек" (уравнивается с микрокосмосом в антро-

⁹ Ср. др.-англ. *haeleþ* "человек".

¹⁰ В отношении образования апеллятивов от числительных в индоевропейском см. [13].

поморфной модели Вселенной), но русск. *время* < **uer-men*, др.-инд. *vela* "время". Ср. семасиологические параллели соотношения значений "человек" и "время": др.-англ. *byre* "промежуток времени", но алб. *burrë* "человек"; др.-англ. *þrag* "время", но др.-сев. *drengr* "человек"; др.-сев. *leið* "промежуток времени", но др.-англ. *leod* "люди"; русск. *час*, но хет. *hassis* "человек"; др.-англ. *tid* "время", но др.-англ. *þeod* "народ". Значение "время" могло также соотноситься со значением "середина" (согласно мифопоэтической традиции, середина олицетворяла основной Принцип Вселенной): ср. лтш. *mēts* "время", но и.-е. **medh-* "середина, средний" (ср. др.-инд. *medhá-* "жертвоприношение"); ср. семасиологические параллели: прусск. *kerdan* "время", но и.-е. **kerd-* "середина"; и.-е. **uet-* "время", но литов. *vidus* "середина"; и.-е. **sem-* "год, месяц", но и.-е. **sem-* "половина" (> "середина").

Значение "время" может соотноситься со значением "дерево" (мировое древо). Ср. лтш. *kuòks* "дерево", но алб. *kohë* "время"; др.-сев. *skeið* "время", но осет. *qād* "дерево"; прусск. *kerdan* "время", но др.-англ. *ceart* "лес"; и.-е. **uer-men* "время", но лтш. *veris* "лес, роща", тох. А *wärt* "лес".

Понятие времени соотносится и с понятием колдовства, чуда: ср. лтш. *brīnūms* "колдовство", но др.-англ. *byre* "промежуток времени" (ср. тох. А *perne* "внешний, находящийся вовне" < "отдаленный от центра, относящийся к Хаосу"); типологически ср. и.-е. **ue(n)t-* "время", но англ. *wonder* "чудо"; лтш. *ērms* "чудо", но лат. *mōrā* "время"; тох. А *pukāl* "год", но нем. *Spuk* "злой дух", англ. *puck*, *spook*; др.-англ. *þrag* "время", но лат. *striga* "ведьма" (ср. кельт. *trigið* "музыка" — символ вселенской гармонии).

Поскольку время символизирует Вселенную, оно неизменно соотносится с понятием жертвоприношения, являющимся связующим звеном между нижним и верхним мирами. Ср. лтш. *mēts* "время", но др.-инд. *medhá-* "жертвоприношение"; ср. семасиологические параллели: осет. *dug* "время", но и.-е. **dhugh-* "жертвоприношение"; нем. диал. *Hirti* "время", прусск. *kerden* "время", но русск. *жертва*; лтш. *laiks* "время", но др.-англ. *lāc* "жертвоприношение"; др.-англ. *sāl*

"время"¹¹, но гот. *saljan* "приносить в жертву"; др.-англ. *sið* "время", но гот. *saifþs* "жертвоприношение".

Понятие времени может соотноситься с понятием "волос" (символ силы, в том числе и божественной, а также связи нижнего, среднего и верхнего миров): ср. лтш. *mēts* "время", но лтш. *mats* "волос"; др.-инд. *vela* "время", но русск. *волос*; др.-англ. *fāece* "промежуток времени", но др.-англ. *fāh* "волос"; греч. ρολή "мгновение", но др.-англ. *rūpe* "волос"; греч. κρός, но англ. *hair* "волос(ы)".

Слова со значением "время" соотносятся со значением "говорить (Логос = Вселенная)": ср. лтш. *mēts* "время", но др.-инд. *matī* "молитва"; и.-е. **uer-men* "время", но и.-е. **uer-* "говорить" (ср. **uer-* "огонь", хет. *war* "вода"); тох. А. *preke* "время", но др.-англ. *spræcan* "говорить"; др.-сев. *leið* "время", но др.-англ. *leod* "песня"; др.-англ. *mæl* "время", но норв. *mål* "речь"; др.-сев. *skeið* "время", но лтш. *žadas* "слово".

Интересное соотношение значений "время" — "язык" (ср. лтш. *mele* "язык", но гот. *mel* "время" (ср. англ. диал. *melt* "язык"); осет. *dug* "время", но др.-англ. *tung* "язык"; др.-инд. *kala-* "время", но литов. *kal-ba* "язык" (ср. хет. *haluga* "язык"); лтш. *laiks* "время", но лат. *lingua* "язык"¹². Отметим, что названия метеорологических явлений нередко носят фаллический характер и соотносятся с понятием "язык"/"фаллос" (рассечение неба языком или фаллосом божества): ср. лтш. *mele* "язык", но русск. *молния*; типологически ср. англ. *thunder* "гром", но др.-англ. *gyðran* "рожать", *iūdor* "потомство".

Следует иметь в виду, что символом

¹¹ Вполне возможно, что латышское слово *vesels* "здоровый, целый, невредимый" представляет собой сочетание корня, представленного др.-англ. *sāl* "счастье, здоровье" + представленная в санскрите отрицательная частица *ve-*, которая здесь не имеет никакого значения и используется по соображениям табу. Ср. англ. *sail* "плыть на корабле"; др.-англ. *sār* "больной, испытывающий страдания, умирающий".

¹² Ср. также лтш. *valoda* "язык", но др.-инд. *vela* "время". Понятие "язык" может еще соотноситься с понятием "огонь": ср. лтш. *valoda* "язык", но др.-англ. *sweoðol* "Feuer"; др.-англ. *tung* "язык", но и.-е. **teg-* "гореть"; лат. *lingua* "язык", но др.-англ. *lieg* "огонь".

чудодейственной силы в древности считалась краска (жрецы обычно обмазывались краской) ср лтш *melns* "черный", и -е **mel-* "краска", но др-англ *mæl* "время", типологически ср осет *dig* "промежуток времени", но др-англ *déag* "краска", чеш *rok* "время", но перс *reng* "краска", др-англ *fāce* "промежуток времени", но и -е **peig-* "краска", др-англ *þrag* "время", но и -е **dergh-* "краска", англ *spell* "промежуток времени", но литов *spalva* "краска"

В ряде случаев значение "время" соотносится со значением "сторона, направление" (последние имели магическую силу) ср лтш *paksis* "сторона", но др-англ *fāce* "промежуток времени", типологически ср лат *mōrā* "время", но чеш *směr* "направление", лат *tempus* "время", но и -е **tep-*, **teb-*, **toib-* "сторона" (кельт **toib-* "святой"), др-англ *sið* "время", но англ *side* "сторона"

Слова со значением "время" могут соотноситься со значением "число" (символ Вселенной, символ вечности) ср др-инд *kala-* "время", но лтш *kails* "один, одинокий", др-сев *skeið* "время", но лтш *skaitis* "число", и -е **penk-* "пять", но др-англ *fāce* "промежуток времени", ср тох *A pukal* "год", и -е **kuetuo-* "четыре", но др-сев *skeið* "время" + **uer-(men)* "время", **septm-* "семь" (< **kseptm-*) < **kes(p)-tm* (ср русск *час*) + др-англ *tima* "время", хет *mehur* "время", но хет *mahru* "first", др-англ *sæl* "время", но лат *solus* "один"

Интересна связь слов со значением времени со словами, имеющими значение "металл" (фаллический символ, олицетворяющий Вселенную) ср лат (из греческого) *metallum*, но лтш *mētis* "время" + + корень, представленный др-инд *vela* "время" (ср относительно второго элемента этого слова также русск *волос* — символ фаллической потенции), типологически ср греч *σίδηρος* "металл", но др-англ *sið* "время" + **uer (men)* "время", др-сев *leið* "время", но англ *lead* (название металла), ирл *tān* "время", но англ *tin* (название металла), др инд *varīṣṭa* (название металла), но и -е **uer-(men)* "время" + **ista-* "Hoden"¹³

Отметим также связь слов со значением "время" и "душа" ср лтш *dvēselē*, русск *душа*, *дух*, но осет *dig* "время", ново-перс *qest* "время, срок", но нем *Geist* "душа", тох *A preke* "время", но др-англ *feorh* "душа", др-англ *sæl* "время", но нем *Seele* "душа", англ *soul* "душа", и -е **uet-* "время", но осет *udd* "душа"

Слова со значением "время" соотносятся также со значением "святой" ср и -е **kuent-* "святой", но др-сев *skeið* "время" (**kuet-*, **kuet-*), тох *A pukal* "год", но др-инд *punga* "святой"

9 Слова со значениями "хороший" и "плохой" тесно связаны между собой и отражают особенности ориентации в пространстве (как уже говорилось, движение в определенном направлении и пространственное расположение предметов и живых существ по отношению друг к другу в древности имели магическую символику) В этой связи интересно рассмотреть латышское слово *labs* "хороший", "правый" [14], которое непосредственно соотносится с хет *libbu* "середина" Согласно мифопоэтической традиции, жизнь считалась порождением Логоса, Божественной мысли (Мирового Разума), претворяющихся в Слове (звук) и свете Вполне понятно поэтому, что указанное латышское слово соотносится с корнем, представленным гот *liban* "жить", литов *laupsė* "хвалебная песнь", и -е **lap-* "свет, огонь" (ср также **lep-* "камень" — символ Мироздания) Типологически ср кельт **math-* "хороший", но и -е **medh-* "середина", литов *geras* "хороший", но и -е **ker(d)-*, середина" (ср также осет *coeryn* "жить") С кельт **math-* "хороший" следует сопоставить др-инд *mada-* "дух, одухотворенность" ("жизнь"), др-инд *matī* "песнь, молитва", лтш *mats* "волос" С латышским словом *labs* можно еще сравнить англ диал *lebb* "желудок теленка" (фаллическая символика) С другой стороны, представлено противоположное значение этого корня — русск *слабый*¹⁴ Следует также учесть лат *labor* "(сакральное) действие", лат *liber* "книга" (первоначально

"время" лтш *lat* "бронза" но и е *uet (men)* "время"

¹⁴ Ср еще ирл *shab* 'гора' Типологически ср и е **ier* "камень", но русск (велико)лениный авест *asan-* "камень", но хет *assus* "хороший" литов *uola* "камень", но англ *well* "хорошо"

¹³ Ср также др-сев *skeið* "время", но литов, *ketus* "чугун", лтш *skārds* "un", но прусск *kerdan*

"волшебство, божественная тайна", типологически ср др-англ *gūna* "буква", но также "тайна") Относительно соотношения значений "хороший" и "плохой" со значением движения ср греч *káλος* "хороший", но **kel* "плохой" — русск, зло, злой (и -е **kel-* "двигаться, перемещаться"), лат *bonus* "хороший", но др-инд *dhan-* "двигаться, бежать" С другой стороны, ср лтш *l'aus* "плохой", прусск *aulaut* "die", но гот *ga-leiþan* "идти, двигаться", нем *bose* "злой", но др-сев *buzja* "стремительно двигаться вперед", нем *ibel* "плохой, злой", но др-в-нем *uoba* "быстрое движение", швед *ond* "плохой, злой", но нем *wandeln* "бродить, ходить", русск *гадкий*, но англ *gad* "бродить, двигаться", Ср еще литов *geras* "хороший", но и -е **kei-* "двигаться"

10 Латышское слово *lieta* "вещь" соотносится с нем *Lied* "песня" Дело в том, что в древности звук воспринимался как символ творения, символ вещей-тотемов Ср типологически тох А *wrām* "вещь", но и -е **wei-* "говорить", ниже-нем *sak* "вещь", но *saken* "утверждать, объявлять", русск *вещать*, но вещь, тох А *wantae* "вещь", "предмет", но и -е **wend-* "говорить", англ *chat* "говорить, беседовать", но др-англ *ceatta* "вещь", хет *metiца(н)*- "речь, слово, вещь", но *meta-* "говорить", лат *dicere* "говорить", но англ *thing*, нем *Ding* "вещь" Вместе с тем понятие вещи-логоса соотносится с фаллическими терминами ср англ *thing* "вещь", но греч *τῆκτω* "рожать", лтш *ikt* "наслаждаться", тох А *wrām* "вещь", но осет *waryn* "рожать", лтш *heta* "вещь", но др-англ *léod* "народ", русск *люди*, с фаллическими понятиями соотносятся и слова, имеющие значение "издавать звуки" Ср лтш *daina* "песня", но ирл *din* "род", типологически ср русск *песня*, но и -е **pes-nis* > *penis*, греч *λέγειν* "говорить", но греч *ἄγκω* "coire" ирл *guth* "голос", но ирл *gouthim* "coire", литов *taryti* "говорить", но др-англ *teors* "penis", и -е **wer-* "издавать звуки", но осет *waryn* "рожать", и -е **kuk-* "rudendum", но литов *kaukti* "издавать звуки", др-англ *swedān* "говорить", но валл *cydio* "coire", кельт *irigio* "музыка", но брет *serch* "наложница, конкубина" (< **stergh-*), тох А *kat* "звук", но др-англ *hætan* "coire"

В связи с тем, что время выступает как творческое начало, становится понятным соотношение "время"—"вещь" др-сев *leid* "время", но лтш *lieta* "вещь", осет *dug* "время", но нем *Stuck* "вещь", гот *þeihs* "время", но англ *thing* "вещь", др-сев *skeiþ* "время" но др-англ *sceatta* "вещь"

11 В мифопоэтической традиции гриб символизирует не только плодородие, долголетие, потомство, но и небо (гром, молния, ураган), в связи с чем понятен переход значений "гриб" > "судьба"

В свою очередь, согласно поверьям язычников, судьба соотносится с понятием "образ" судьба человека изображалась божеством на лбу человека, на его ладонях, на коре и листьях деревьев Ср в связи с этим лтш *sēne* "гриб", но хет *senā* "образ, изваяние" [< **sen(d)*, ср лат *sidus* "звезда" (как источник знания о будущем)], др-англ *ragu* "гриб", но лтш *laime* "счастье, судьба" < **leg-men* (ср др-англ *lieg* "огонь"), но др-англ *ling* "образ, изваяние"¹⁵, ср, с другой стороны, русск *гриб*, но русск *жребий*, чеш *houba* "гриб", но др-русс *кобь* "судьба", лат *fungus* "гриб", но и -е **dhugh-* "судьба" Вместе с тем интересно сопоставить лат *fungus* "гриб", но гот *dauhts* "сакральное действие" (на нем решалась судьба урожая, отдельных людей и др), лат *hōlētius* "гриб", но гот *dulþs* "сакральное действие" Возможно также, что лат *hōlētius* "гриб" соотносится с лтш *burtis* "буква" (таинство)

12 Латышское слово *zvaigžnē* "звезда" (а также русск *звезда*) можно этимологизировать как удвоение и-е корня **k^uei-* "worauf achten, hochachten, eheren" + корень, представленный др-инд *udu* "звезда" (ср др-русс *удъ* "penis") С другой стороны, соединение указанных корней дает и-е корень **gōi-* "рыба" (рыба как символ неба и как символ божества) Вместе с тем следует учитывать, что согласно представлениям язычников, звезды — это "дырки" в небосводе ср и-е **k^uei-* "bohren, stechen" Важно иметь в виду также **k^uei-* "schutzen"

С точки зрения мифологического мышления звезды выступали как женское

¹⁵ Ср также англ *lichen* "гриб, лишайник"

начало ср. и.-е. **k^hen(n)d-* "звезда" > **k^hen-* (др.-англ. *swēn* "женщина"); типологически ср.: англ. *star* "звезда", но др.-англ. *ðr* "девушка"; хет. *mul* "звезда", но лат. *mulier* "женщина", алб. *hyll* "звезда", но тох. А *kuli* "женщина", греч. *θηλεια* "женщина", но лат. *stella* "звезда"

Звезды соотносятся с Числом как основным жизненным принципом мироздания: ср. лтш. *zvaigznē* "звезда" (русск. *звезда*), но хет. *hantezzis* "первый" (ср. и.-е. **k^hent-* "святой"); англ. *star* "звезда", но и.-е. **ter-* "три"; алб. *hyll*, но лтш. *kails* "один, одинокий", др.-англ. *tungol* "звезда", но нем. диал. *Stuege* "двадцать", хет. *wallas* "звезда", но норв. *val*, дат. *ol* "восемьдесят". Звезды были объектом поклонения, к ним обращались с молитвенными словами: ср. лтш. *zvaigznē* "звезда", русск. *звезда*, но хет. *handas* "преклоняющийся перед Богом, почитающий Бога", типологически ср.: др.-инд. *nahsatra-* "звезда", но хет. *nahsaras* "поклоняющийся Богу" [15]

13. С древнейших времен охотники приманивали птиц и других животных, издавая искусственные звуки, напоминающие их брачный крик. Для этого пользовались листьями и корой деревьев. В языке это отразилось в следующей семантической универсалии: "лист — дуть [этимологически понятие "лист" также восходит к понятию "дуть", букв. "раздуться" (о почках деревьев), распускаться)] — обманывать" (охотник особым образом дул на лист и издавал звуки, приманивающие птиц и зверей). Ср. лтш. *lapa* "лист (дерева)", но англ. *leep* "обманывать"; лат. *folium* "лист", но лат. *dolus* "обман", русск. *лицм*, но нем. *List* "хитрость"; авест. *vareka-* "лист", но серб.-хорв. *pre-variti* "обманывать" (ср. и.-е. **uer-* "издавать звуки", русск. *врать*); алб. *gjethe* "лист", но др.-сев. *veida* "охота"; тох. А *kaṃ* "звук", но англ. *game* "дичь" В древности считалось, что охота находится под покровительством богов, которые могли "заколдовать" зверя, благоприятствовать охоте или испортить ее Ср. англ. *spoil* "добыча", но англ. *spell* "чары", ср.-в.-нем. *spiel* "дичь"; нем. *jagen* "охотиться", но и.-е. **iag-* "поклоняться божеству"; ср. также нем. *Laub* "листва", но гот. *lubja-leisa* "колдовство". Понятие "дуть, раздуть" соотносится, с другой стороны, с понятием

"огонь" (ср. лтш. *lapa*, литов. *liepsnà* "Brand, Feuer"). Огонь же был не только символом очищения, но и символом порчи (отсюда значение "обман", т.е. "моральная порча"). Интересно русск. *надуть* "обмануть" Следует указать на тот факт, что от ср.-в.-нем. *blājen* "дуть было образовано в охотничьем языке существительное *blāt* "свист, производимый с помощью листа (ср. нем. *Blatt* "лист") или коры для приманки зверя" Ср., с другой стороны, русское заимствование *бла́т* [16].

Нет сомнения в том, что рецензируемый двухтомный "Этимологический словарь латышского языка" К Карулиса является значительным вкладом в сокровищницу индоевропейской этимологической мысли и важным событием в латышском языкознании. Систематизация разнородного и трудоемкого языкового материала, хорошее знание специальной литературы, неустанный творческий поиск автора и многочисленные новые интерпретации латышских слов, критическая оценка этимологических решений прошлого — все это говорит о том, что перед нами зрелое лингвистическое произведение, которое имеет не только большую теоретическую, но и огромную практическую ценность Балто-славянское языкознание обогатилось ценным трудом, в котором оно уже давно очень нуждается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Muhlenbach K, Endzelins J* Lettisch-deutsches Wörterbuch 1—4 Riga, 1923—1932
- 2 *Jēgērs B* Baltische Etymologien // *Commentationes Balticae* Bd 4—5, Hf 3 Bonn, 1958
- 3 *Hamp E* On two Baltic etymologies // *Baltistica* 1979 XV
- 4 *Ivanov V V, Toporov V N* A comparative study of the group of Baltic mythological terms from the root **vel-* // *Baltistica*, 1973, IX
- 5 *Karulis K* Eine lettische Worfamilie in historisch-semasiologischer Sicht // *Donum Balticum* Stockholm, 1970
- 6 *Сабаллускас А* Относительно происхождения названий растений в балтийских языках // *Rākstu krājums Veltījums akad prof J Endzelinam* Riga, 1959
- 7 *Mann S* An Indo-European comparative dictionary Hamburg, 1987
- 8 *Meier H* Etymologische Aufzeichnungen Anstosse und Anstossiges Bonn, 1988
- 9 *Jēgērs B* Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter // *KZ* 1966 Bd 80
- 10 *Kroesch S* Germanic words for "deceive" A study in semantics Göttingen, 1923

11 *Маковский М М* "Картина мира" и миры образов (Лингвокультурологические этюды) // ВЯ, 1992, № 6

12 *Маковский М М* Теория языка Фридриха Ницше и современные лингвистические концепции // ВЯ, 191, № 1

13. *Маковский М М* Лингвистическая комбинаторика М, 1988 С 130—138

14 *van Leeuwen-Turnovcova L* Rechts und links in Europa Ein Beitrag zur Semiotik und Symbolik der Geschlechterpolarität Berlin 1990

15 *Scherer A* Gestirnenamen bei den indogermanischen Volker Heidelberg, 1953

16 *Dalby D* Lexicon of the mediaeval German hunt Berlin, 1965 (s v blät)

Маковский М М

Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1991. 247 с.

В рецензируемой монографии (ее первая часть выпущена тем же издательством в 1989 г.) исследуются некоторые явления морфологии, словообразования и синтаксиса с точки зрения их отмеченности в функционально-стилистическом отношении.

Анализируемые языковые явления (чередование фонем, ударение, словообразование отвлеченных существительных, синтаксические отношения логической обусловленности) представляются весьма разнородными и поэтому возникает сомнение: можно ли объединить их в монографическом исследовании? Однако в рассматриваемой книге – в этом ее оригинальностью и новизна – объединяющим началом является не языковое поле наблюдений, что свойственно большинству лингвистических работ, а строго определенный, функционально-стилистический аспект анализа: общее, разделяемое всеми авторами монографии представление о тех типах речи, которые могут быть выделены в современном русском литературном языке.

Первая глава – "Морфология" – открывается наблюдениями Н.Е. Ильиной над функционированием морфологических вариантов глаголов непродуктивного класса на *-ать* типа *маишт* – *махают* (с. 5–31). В последние десятилетия утвердилась и стала едва ли не общепринятой точка зрения, согласно которой варианты на *-аю* у непродуктивных глаголов являются результатом воздействия многочисленного I продуктивного класса. Функционально-стилистический анализ приводит исследователя к иным и, на наш взгляд, хорошо аргументированным выводам. Характер варьирования основ у глаголов I непродуктивного класса определяется прежде всего подчиненностью нормам в кодифи-

цированном литературном языке, принадлежностью глаголов к разговорной речи и просторечию, соотношением с образительными средствами в ткани художественного произведения, употреблением в поэтическом языке равновозможных форм глаголов. Выводы автора убедительно подтверждаются большим корпусом хорошо подобранных примеров. Особенно удачны и выразительны иллюстрации из поэтической речи и тонкие наблюдения над образительной функцией вариантов глагольных форм (с. 20–21).

В функционально-стилистическом аспекте русское ударение специально еще не изучалось. В разделе, написанном В.Л. Воронцовой (с. 32–72), представлен опыт решения этой новой и, безусловно, актуальной задачи: на материале имен существительных здесь последовательно сопоставляется акцентуация различных речевых сфер. Внимание автора привлекают прежде всего активные процессы перестройки акцентуации существительных женского и мужского рода в кодифицированном литературном языке (ударение существительных среднего рода в середине XIX в. в основном стабилизировалось). Основная причина акцентной эволюции – в грамматикализации русского ударения, в формировании акцентной оппозиции словоформ ед. и мн. числа. В развитии этой тенденции немало отступлений и ответвлений – автор обстоятельно рассматривает их, но ее общий характер обнаруживается достаточно строго и последовательно. В описании этого динамически развивающегося процесса В.Л. Воронцова опирается на данные своей монографии [1] на выводы историков языка (В.В. Колесова [2] и др.). Основным компонентом метаязыка исследования и анализа служат акцентные схемы

А.А. Зализняка [3]. Однако символы типов ударения не имеют соответствующего пояснения и необходимых иллюстраций (дается только ссылка на с. 36) и это значительно осложняет восприятие данного раздела. Наиболее интересными представляются наблюдения над ударением в разговорной речи и просторечии, в специальных речевых сферах, в поэтических произведениях нашего времени. Именно этот новый материал позволяет обнаружить и показать функционально-стилистический аспект русского ударения.

Рассматривая реализацию побочного ударения в разных типах речи (с. 72–92), С.Н. Борунова polemизирует с теми исследователями, которые считают это средство чисто фонетическим, не имеющим фонологической значимости. О фонологическом характере побочного ударения свидетельствуют, по мнению автора, такие противопоставления, как смысловые: *чёрно-бу́рый медведь* – *чёрно-бу́рая лиса* и грамматическое: наречие *круго́м* – предлог *круго́м* – существительное *кру́гом*. Вслед за Р.И. Аванесовым С.Н. Борунова определяет иерархию факторов, обуславливающих побочное ударение: 1) словообразовательный, 2) ритмический, 3) стилистический. Влияние этих факторов обнаруживается как на лексическом, словарном, уровне, так и в разных типах речи. На уровне словаря слово приобретает свой ритмический рисунок, свою произносительную схему, которая может изменяться в результате его функционирования в разных типах речи и под воздействием текстовых факторов. Воздействие разных типов речи в значительной степени предопределено словарем, так как сложные слова (основной носитель дополнительного ударения) являются принадлежностью главным образом специальной речи. Влияние текстовых факторов более последовательно, чем в разговорной речи, проявляется в публичной речи: здесь обычно представлен полный стиль произношения, что и обуславливает обилие акцентно выделенных слов – носителей побочного ударения. Наблюдения С.Н. Боруновой существенно уточняют и корректируют (ср. полемику с Русской грамматикой 1980 г. – с. 75–76) широко распространенные представления о побочном ударении.

Структура второй главы – “Слово-

образование” – заметно отличается от строения двух других глав: здесь представлен раздел (“Пути и перспективы изучения словообразования в функционально-стилистическом аспекте”, с. 93–102, автор Е.И. Голанова), который, по-видимому, должен рассматриваться в качестве общего обзора литературы предмета. Предлагаемую характеристику работ предшественников и их выбора путей и перспектив исследования трудно считать достаточно полной и убедительной. Труды многих ученых (А.Н. Гвоздева, А.И. Ефимова, Д.Э. Розенталя и др.) получают преимущественно негативную оценку. В конкретных случаях с такой оценкой нельзя не согласиться. Однако опыт предшествующих исследователей вызывает интерес не тогда, когда показывается субъективность или ошибочность их взглядов (с позиций более позднего времени сделать это совсем нетрудно), а тогда, когда он привлекается для того, чтобы обнаружить логику развития научной мысли. А это – собственно главное – как раз и не показано.

В следующем разделе главы (автор Е.И. Голанова) анализируются словообразовательные средства, выражающие категорию отвлеченности в разных типах речи (с. 102–131). Наибольший интерес здесь вызывают наблюдения над употреблением имен на *-ирование* и *-ировка*. А.А. Дементьев [4, 5] полагал, что среди однокоренных существительных преобладают имена на *-овка* (*-ировка*), которые вытесняют имена на *-ование* (*-ирование*). Материалы автора раздела убедительно показывают, что имена на *-(иров)ка* значительно уступают по употребительности более продуктивному типу на *-(ирова)ние*, особенно в общелитературных, публицистических текстах. Это явление получает хорошо аргументированное объяснение. По наблюдениям Е.И. Голановой, меньшая активность и распространенность имен на *-(иров)ка* обусловлена ограничениями семантического и морфонологического характера. Существительные на *-(иров)ка* не образуются от глаголов с обобщенно-отвлеченным значением (*третировать*, *дезертировать*, *редактировать* и т.п.). Кроме того, эти имена образуются, как правило, от глаголов с *наконечным* ударением (ср.: *пломбирова́ть* – *пломбирова́ка*,

гравировать – *гравировка, сервировать* – *сервировка* и т.п.). Такие глаголы (их около ста) составляют лишь 10% всех глаголов на *-ировать*. Другие наблюдения этого раздела или вполне предсказуемы (ср.: "... имена на *-ие* представлены во всех функциональных разновидностях... общелитературного языка" – с. 107), или же имеют частный характер (ср.: "существительное *озвучание*, а также встречающиеся причастия *озвучающий, озвучаемый* не соответствуют литературным нормам" – с. 126).

В заключительной части главы представлен раздел "Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного русского языка", написанный Е.А. Земской (с. 192–164). Словообразование относительных прилагательных (ОП) получает здесь принципиально новое освещение: ОП служат исходным материалом для разработки оригинальной теоретической концепции "... о деятельном характере словообразования, о том, как словообразование используется для выражения разного рода мыслительных (когнитивных) процессов, в том числе и процесса наименования" (с. 133).

Принято считать, что сочетание ОП с существительным сближается со словом, что эта расчлененная номинация во многом подобна однословной номинации. Е.А. Земская занимает диаметрально противоположные теоретические позиции: "... своеобразие славянских ОП заключается в том, что они могут рассматриваться как свободно конструируемые единицы, близкие синтаксическому построению, а не слову" (с. 133).

Обосновывая новый подход к решению рассматриваемой проблематики, автор отмечает прежде всего тот факт, что в языке XIX в. свободное синтаксическое функционирование ОП ослабевает. Однако в наше время (вторая половина XX в.) в некоторых сферах языка (терминологическая и профессиональная речь, публицистика, разговорная речь и поэтический язык) наблюдается повышенная активность ОП. Функционально-стилистический аспект исследования представлен в сопоставительном анализе функционирования сочетаний с ОП в профес-

сионально-терминологической речи и в неспециальной речи.

Е.А. Земская убедительно показывает, что в профессионально-терминологической речи сохраняются утраченные общелитературным языком конструкции, в которых прилагательное определяет существительное со значением действия-процесса и является характерным его обстоятельством выражения характеристик. Ср.: *комбайновая уборка, пастбищное содержание, спиртовое брожение, тракторные измерения, йодная недостаточность, сувенирный кубок, ночная смена, хлорвиниловая пленка* и др. Все эти типы конструкций выделяются и классифицируются в результате строгого трансформационного анализа. Очень показательно, что самым распространенным для профессионально-терминологической речи является такой тип сочетаний, в котором прилагательное выражает отношение к предмету, являющемуся частью, деталью, приметой другого предмета. Ср.: *касетный магнитофон, маятниковые часы, кнопочный переключатель, поплавочные удочки* и др. Ср. также тип отношений "обратный" предыдущему: *магнитофонная кассета, часовой маятник* и др. Будучи необходимой принадлежностью профессионально-терминологической речи, такие сочетания в процессе их длительного и привычного употребления обретают приметы стилистической приемлемости, нормативности, тогда как постоянно возникающие новые, но совершенно аналогичные им сочетания вызывают нередко отрицательное отношение. Так, по наблюдениям Е.А. Земской, негативно оцениваются сочетания *потребительская конференция, сельдь тихоокеанская ящичковая*, но совершенно обычными признаются их аналоги: *читательская конференция; бутылочное, пакетное молоко*.

В неспециальной речи сочетания с ОП могут выражать самые различные виды отношений. Представить их в виде закрытого списка невозможно. В разговорной речи эти отношения нередко связываются говорящим с каким-то частным случаем, и поэтому понять их помогает только широкий контекст и знание предситуации. Ср. приводимые автором примеры: *Я сегодня в голову лук*

втирала и часа два ходила с луковой башкой; Как твоя капустаная нога? (поврежденная при уборке капусты). Совершенно очевидно, что такого рода примеры, а их необозримое множество, свидетельствуют о том, что семантика ОП дана не в слове, а в свободно образуемой конструкции.

Значение ОП рассматривается автором раздела в нескольких аспектах. Отсубстантивные ОП могут иметь широкое недифференцированное значение отношения и качественное значение. Ср.: *Это он с зеркальным попугаем* хотел драться (т.е. отраженным в зеркале) и *зеркальная гладь реки*. Развитие качественного значения зависит как от семантики существительного, сочетающегося с ОП, так и от семантики самого прилагательного. Ср.: а) *книжный магазин и книжная романтика, бумажный пакет и бумажная душа* и т.п.; б) *лачужный Шанхай, автомобильная Калифорния*.

Противопоставленность качественно-характеризующего и собственно относительного значения наиболее ярко выражается в конкуренции между прилагательными с суф. *-н-* и *-ов-*. Ср.: *пыльный, грязный – пылевой, грязевой*. Прилагательные с суф. *-н-* могут обнаруживать то относительное, то качественное значение, тогда как прилагательные на *-ов-*, как правило, склонны к выражению чистого отношения. Процесс размежевания однокоренных прилагательных с суф. *-н-* и *-ов-* охватывает значительный круг производных и имеет ярко выраженную тенденцию к дальнейшему развитию: автор раздела приводит целый ряд прилагательных, не зафиксированных современными словарями.

Рассматривая семантику отсубстантивных прилагательных с суф. *-н-*, *-ов-*, Е.А. Земская полемически обосновывает ранее высказанное ею суждение о том, что ОП имеют словообразовательное значение широкого недифференцированного отношения, которое выражается формулой "относящийся к тому, что названо базовой основой". Принципиально важным является следующий вывод исследователя: "те значения, которые могут быть выражены словосочетаниями, включающими ОП и разнообразные существительные, не являются значения-

ми самих прилагательных: это значение словосочетаний, в составе которых происходит конкретизация общего значения недифференцированного отношения" (с. 157).

В наше время, как отмечает Е.А. Земская, ОП активизируются не только в русском языке, но и в таких языках (немецкий, английский, французский), в которых этот класс прилагательных не является столь представительным. Это объясняется тем, что современные развитые языки испытывают потребность в средстве, предназначенном для выражения абстрактной категории отношения, а ОП – это, по-видимому, наиболее удобное и универсальное средство выражения данного значения.

Наблюдения Е.А. Земской, интересные и значительные сами по себе, открывают новые перспективы в изучении и интерпретации некоторых труднорешаемых проблем, выходящих за пределы теории словообразования. Рассмотрим в этом отношении особенности предикативного функционирования прилагательных. Известно, что ОП в составе сказуемого используются крайне редко. Как объяснить этот немаловажный для грамматики факт? Именной предикат выражает, как правило, или качественно-оценочное, или идентифицирующее значение. Качественный признак ОП обычно не достигает той степени концентрации, которая делала бы возможным и необходимым его актуализацию и, следовательно, преобразование обычной для них адекватной функции в функцию предикативную. Идентифицирующее значение выражается, как правило, словоформами имени существительного. В этом случае возможная для ОП синтаксическая позиция замещается обычно их семантическими аналогами – предложно-падежными словоформами. Значит, для активного функционирования ОП открытой оказывается только сфера адъективации. Но здесь с ними конкурируют предложно-падежные словоформы, образующие свободно конструируемые единицы. Эта оппозиция в сфере адъективации приводит к тому, что ОП или становятся единицей, способной выражать значение конкурирующих предложно-падежных словоформ, или превращаются в компонент аналитической номинации (составные термины и близкие к ним описательные наименования). Следовательно, вывод Е.А. Земской (с. 133) не только

находит свою аргументацию в собственно синтаксических (по необходимости кратких) рассуждениях, но и придает последним дополнительную объяснительную силу, объединяя решение сложных вопросов словообразования, номинации, синтаксиса.

В заключительной, третьей главе – "Синтаксис" (с. 165–238) – Е.Н. Ширяев анализирует отношения логической обусловленности (ОЛО), способы их выражения и распределения по сферам языка. Автор ставит перед собой задачу дать по возможности полное описание в одной системе всех способов выражения ОЛО (причинных, следственных, условных, целевых, уступительных) и последовательно соединить это описание с функционально-стилистическим анализом каждого из способов. Новизна и научная значимость этой задачи определяются прежде всего тем, что в центре внимания исследователя оказывается привлекаемый в полном объеме материал разговорной речи (РР), который ранее либо вообще не использовался, либо использовался лишь эпизодически. Необходимость такого материала обуславливается тем, что, во-первых, многие способы выражения ОЛО распространены только или преимущественно в РР, во-вторых, многие способы выражения ОЛО, выступая в неразговорных сферах, сохраняют тем не менее свою разговорную окраску и, следовательно, без привлечения разговорного материала невозможно понять и представить особенности структуры и функционирования этих способов выражения ОЛО.

Исходным и основополагающим конструктом работы Е.Н. Ширяева является суждение о том, что первичной формой выражения ОЛО следует считать форму сложноподчиненного предложения (с. 172–178). На этом хорошо аргументированном положении естественным образом базируется предлагаемый автором метод исследования: "... чтобы дать анализ структурно-семантических особенностей вторичных способов, необходимо и достаточно указать, чем вторичный способ отличается от первичного" (с. 178).

В системе вторичных способов выражения ОЛО центральное место занимают бессоюзные сложные предложения. В сопоставлении с первичным способом (сложноподчиненное предложение) они отличаются соответственно эксплицитностью / имплицитностью ОЛО и выражен-

ностью / невыраженностью смысловой зависимости предикативных конструкций. Эти свойства бессоюзных предложений обуславливают их наиболее яркую и примечательную особенность: возможность недифференцированных отношений в данных построениях. Ср.: *Отметель будет – лыжня испортится опять*. Здесь могут быть представлены и отношения условия (*если*), и отношения следствия (*так что*), и, наконец, отношения причины (*так как*). Союзов или союзных слов, выражающих такое комплексное значение, в русском языке нет, и поэтому такие бессоюзные сложные предложения не имеют точных аналогов среди союзных. Как показывает Е.Н. Ширяев, в бессоюзном сложном предложении не могут быть изолированы от причинных следственных отношения (ср.: *Меня не было вчера в институте / я ничего не знаю*), уступительные отношения всегда сопровождаются противительными (ср.: *Хотел прийти / не пришел*).

Основной сферой функционирования бессоюзных сложных предложений является, как известно, РР. Они могут выражать любое отношение (дифференцированно или в недифференцированном комплексе), однако регулярность и активность бессоюзных предложений с разными ОЛО различна. Регулярны и активны предложения с причинными, причинно-следственными и условными отношениями, менее активны предложения с недифференцированными уступительно-противительными отношениями и, наконец, наимного реже, а в некоторых разновидностях только в единичных случаях отмечаются предложения с целевыми отношениями. Бессоюзные предложения, как убедительно показывает автор главы, всегда несут на себе печать разговорности и ориентируются на выражение имплицитного смысла, поэтому они практически не употребляются в строгих функциональных стилях – научном и официально-деловом.

Особо и более детально Е.Н. Ширяев рассматривает бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями (с. 190–201). Здесь обращает на себя внимание весьма значимое, на наш взгляд, наблюдение: в РР в данном типе конструкций заметно преобладают личностные бессоюзные сложные предложения, в которых обуславливаются действия самих говорящих либо некоего третьего лица.

В перазговорных сферах автор различает стандартные и нестандартные бессоюзные предложения: с прямыми причинно-следственными отношениями и опосредованными отношениями, когда причинно-следственные связи входят в более широкий недифференцированный комплекс. В публицистических текстах и научно-популярной литературе употребляются только стандартные предложения. Этот тип предложений является доминирующим и в языке художественной литературы, однако при имитации РР здесь широко используются и нестандартные бессоюзные предложения с причинно-следственными отношениями. Особенно показательным и интересным является следующее наблюдение: "... в поэтических стихотворных текстах не только широко представлены как стандартные, так и нестандартные бессоюзные сложные предложения..., но и явно проявляет себя тенденция использовать формальные и семантико-синтаксические особенности бессоюзных сложных предложений даже более широко, чем это имеет место в самой РР" (с. 199).

Другие вторичные способы выражения ОЛО анализируются с меньшей обстоятельностью, иногда эскизно, но всегда в строгой последовательности и логической обусловленности. В составе сложных построений характеризуются сложносочиненные предложения со следственными отношениями (они возникают только при союзе *и*), сложные предложения с экспликаторами ОЛО (типа: *следовательно, зато, однако*), сложные предложения с несвободной формой (типа: *Сделай он это, все было бы хорошо*).

В составе простых построений рассматривается выражение ОЛО в предложениях с зависимым пропозитивным компонентом, с пропозитивным существительным в им. падеже, со специальным предикатом, с пропозициями неполной номинализации, с обособленными членами. Всякое простое предложение с ОЛО, — подчеркивает Е.Н. Ширяев, — отличается от сложноподчиненного предложения, первичной формы выражения ОЛО, прежде всего тем, что пропозиции (одна или обе) выступают в нем в свернутом виде: а) с пропозитивным зависимым членом (*Он валился с ног от усталости*), б) с пропозитивным членом — существительным в им. падеже (*Усталость валила его с ног*),

в) в предложениях со специальным предикатом (*Поражение клапана ведет к нарушению его функции*).

В предложениях первого типа зависимый пропозитивный компонент представлен чаще всего существительным в косвенном падеже с предлогом. Здесь ОЛО могут выражаться эксплицитно — с опорой на специализированные средства (ср. предлоги: *вследствие, ввиду, благодаря, на основании, с целью* и т.п.) или имплицитно — с опорой на семантику всего предложения. Это противопоставление характеризует общую картину функционально-стилистических возможностей данных предложений. Эксплицитное выражение ОЛО — характернейшая примета научного и официального стиля. Во всех других сферах языка — в РР, в художественной литературе, в публицистике — возможны как эксплицитные, так и имплицитные конструкции.

В предложениях со специальным предикатом некоторые существительные и глаголы прямо называют тот или иной тип ОЛО (ср.: *причина, цель, условие, объясняется, обуславливается* и т.п.). Основная сфера функционирования таких предложений — научный функциональный стиль. В языке художественной литературы они обычно служат средством стилизации под научное изложение.

Характеристика специального предиката, выделяемого Е.Н. Ширяевым, дает новое освещение некоторым синтаксическим явлениям. Так, например, хорошо известен тот факт, что в наиболее ранних случаях употребления творительного предикативного последовательно и регулярно представлено слово *причина*. Однако предпосылки и логика развития творительного предикативного отвлеченных существительных еще не получили достаточно убедительного объяснения. Есть основания думать, что специальный предикат стремится получить свою формальную маркированность.

Среди других наблюдений Е.Н. Ширяева особо следует выделить характеристику ОЛО в предложениях с обособленными членами. Эти построения отличаются тем, что а) в них представлен особый тип свернутой пропозиции, б) ОЛО в предложениях с обособлением являются имплицитными. Эта новая и, на наш взгляд, перспективная интерпретация данных конструкций хорошо согласуется с известными положениями А.М. Пешковского и существенно уточ-

няет теоретические позиции современных исследователей (ср. полемику с "Русской грамматикой" 1980 г. — с. 232–233).

Основные результаты синтаксической главы монографии наглядно представлены в двух развернутых четких и строгих таблицах.

В рецензируемой книге можно отметить некоторые недочеты композиционного и технического характера. Отдельные теоретические положения требуют развернутого дискуссионного обсуждения. Однако оценивая монографию в целом, следует подчеркнуть главное: открывая перспективы функционально-стилистического аспекта лингвистического анализа, рецензируемая книга станет необходимой и надежной опорой в формировании и развитии нового научного направления в грамматических исследованиях.

1. *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. М., 1979.
2. *Колесов В.В.* История русского ударения // Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
3. *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
4. *Дементьев А.А.* О словах типа *колка*, *регулировка* в русском языке // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 26.
5. *Дементьев А.А.* Очерки по словообразованию существительных в русском языке // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 27.

Чернов В.И.

Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке) / Semantics or syntax? (Answering wh-questions in Russian). München: Verlag Otto Sagner, 1990. 206 S. (Slavistische Beiträge. Bd. 268)

Рецензируемая монография вышла в свет на двух языках: русском и английском. Формально английский текст является аннотацией, однако и по своему объему (около 30 с.), и по композиции, в точности соответствующей исходному делению на главы, а главное, по стилю, это — сокращенный авторский перевод.

Монография посвящена одной из узловых проблем теории диалога — логико-семантическому анализу вопросов с вопросительными словами. Композиционно работа делится на три главы: 1. Логико-семантические средства описания вопросов на естественном языке; 2. Логико-семантический анализ вопросов со словом *какой*; 3. Логико-семантический анализ вопросов со словом *где*. Имеющиеся приложения посвящены вопросам типа *Где N?* (ср. *Где Аня?*) и вопросам о причине и цели.

Рамки исследования устанавливаются автором с сознательным введением следующих двух ограничений. Первое ограничение связано с выбором уровня языкового анализа: из трех возможных

подходов к анализу частных вопросов — синтаксического, семантического и прагматического — выбран семантический. Автор справедливо считает недостаточным чисто синтаксический — так называемый "заместительный" подход, при котором порождение ответа осуществляется путем замены вопросительного слова в вопросе на языковое выражение с заданными синтаксическими характеристиками. Заместительный подход (а) не учитывает возможности существования лингвистически правильных ответов, не воспроизводящих синтаксическую структуру вопроса (ср. *Где твоя рубашка? — Я ее в шкаф повесил*), и (б) не объясняет семантическую неадекватность некоторых синтаксически правильных ответов (ср. *Какие цветы растут в саду? — *В саду растут красивые цветы* вм. *Розы, тюльпаны и маки*).

С другой стороны, в работе не исследуются и прагматические критерии выбора допустимых ответов из множества семантически правильных.

Прагматический уровень не затрагивается как не поддающийся пока достаточной формализации. Вместе с тем автор совершенно справедливо полагает, что изучение семантических условий правильности диалога должно предшествовать изучению прагматических условий правильности, поскольку последние имеют менее жесткий характер.

Второе ограничение связано с выбором конкретного объекта исследований. В работе исследуются вопросо-ответные пары, в которых вопрос представляет собой вопросительное предложение, содержащее одно вопросительное слово и имеющее стандартную семантику, а ответ является удачным, полным и прямым. Ограничение объекта исследований, впрочем, также связано с выбором уровня описания, так как изучение контекстно-зависимых или семантически нестандартных вопросо-ответных пар потребовало бы более продвинутого прагматического анализа.

В центре семантического подхода, защищаемого автором, понятие *о п р о с и т е л ь н о й п е р е м е н н о й*, представляющей собой формальный аналог понятия "содержания вопроса" или "того, о чем задается вопрос". Вопросительная переменная — это переменная в семантической структуре языкового выражения, попадающего в сферу действия вопросительного слова, которая связана оператором вопроса. Особой заслугой автора мне представляется следующее важное уточнение понятия вопросительной переменной: оператор вопроса может связывать не только переменные в глубинно-синтаксической структуре предложения, но и переменные в лексикографическом толковании лексемы. Это уточнение носит настолько принципиальный характер, что в целом семантический подход к анализу местоименных вопросов, защищаемый в работе, можно было бы назвать лексикографически ориентированным.

Эта лексикографическая ориентация, характерная для Московской семантической школы (ср. [1, 2]), к которой принадлежит автор, прослеживается и в концептуальной части работы, и — тем более — в разделах, посвященных конкретным описаниям вопросов с вопросительными словами *какой, как, где* и вопросов о причине и цели. Исследование конкретного материала не только иллюстрирует развиваемый автором подход к анализу вопроса, но и обладает

самостоятельной лексикографической ценностью.

Показателен в этом смысле анализ *какой-вопросов* с предметным именем. Автор выделяет, в частности, группы имен, для которых существенной лексикографической информацией являются сведения о возможных способах индивидуализации объекта среди ему подобных. Такими способами могут быть, в частности: (а) указание на имя (*писатель Бальзак, город Тула*), (б) указание на место в упорядоченном множестве, например, на номер (*глава вторая, дом восемь дробь один*), (в) указание на место в родо-видовых связях — сортах, породах, и т.п. (*собака лайка*). Для таких предметных имен семантически правильным ответом на *какой-вопрос* будет ответ, содержащий указание на такой индивидуализатор: *Какая колбаса сегодня в продаже? — Докторская. В каком городе родился Пушкин? — В Москве.*

Еще один пример тонкого использования лексикографической информации — семантический анализ предикатов в составе *где-вопросов*. Выясняется, что правильная интерпретация локативного вопроса типа *Где Р?* нетривиальным образом зависит от того, входит ли переменная в ассертивную или в презумптивную часть толкования предиката *Р*, а также от того, является ли соответствующая валентность обязательной или факультативной. Без привлечения этой информации не удастся объяснить, например, почему вопрос *Где ты его нашел?* означает "Где он находился?", а вопрос *Где ты его искал?* означает лишь "Где, по твоему предположению, он мог находиться?".

С тем же вниманием к деталям лексического значения строятся описания *где-вопросов* с глаголами движения, с нулевой связкой, партитивных ответов на *где-вопросы* и т.д. (Ориентироваться в множестве лексикографических наблюдений, которые содержатся в книге, помогает имеющийся в ней "Указатель лексем".)

На читателя, находящего удовольствие в подобных лексико-семантических штудиях, книга безусловно действует стимулирующе. Отчасти поэтому обращают на себя внимание несколько досадных небрежностей, допущенных в работе.

Так, разбор альтернативных точек зрения представляется недостаточно подробным. Например, более полно могли бы быть рассмотрены pro и contra подхода, разработанного в рамках теории "Government and Binding" (в частности, соотношение семантических, синтаксических и референциальных параметров вопросительной переменной). Некоторые достижения "сторонников" автора тоже учтены недостаточно полно. Не получили, например, должной оценки работы З.М. Шаляпиной, связанные с проблемой отражения в толковании слабых валентностей лексемы (ср. [3]). Некоторые положения требуют более развернутой аргументации: мотивировки типа "по ряду причин мы выбрали то представление, которое ближе к подходу Оквиста—Хинтики" (с. 12) по меньшей мере сомнительны.

Не соблюдено единообразие в оформлении примеров. В примерах их художественной литературы автор указан лишь в Приложении 1, где искусственные примеры сознательно не используются. Однако явные цитаты используются

в качестве примеров и в других разделах работы, но без указания автора, что не вполне эстетично.

Огорчительны и опечатки. Впрочем, обо всех этих погрешностях имеет смысл говорить, лишь имея в виду в высшей степени положительную общую оценку работы.

В заключение остается лишь посоветовать на то, что будучи изданным в Мюнхене, этот труд обречен остаться недоступным большинству соотечественников автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апрелян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
2. *Мельчук И.Г.* Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1974.
3. *Шаляпина З.М.* Синтаксис и семантика в системе англо-русского автоматического перевода АРАП // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Ч. 1. М., 1982.

Подлеская В.И.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Первый международный конгресс по диалектологии и геолингвистике состоялся 26—29 апреля 1993 г. в Будапеште. Международный оргкомитет возглавил М. АLINEI, венгерский национальный оргкомитет — профессора Ш. ROTH и Й. KISH. Проведению конгресса оказали поддержку президент Венгрии, министр образования и культуры Венгрии, президент Венгерской академии наук и искусства.

В работе конгресса приняли участие ученые Венгрии, Нидерландов, Италии, Польши, Японии, Франции, Испании, Словакии, Словении, Дании, Австрии, Латвии, Ирландии, Англии, США, Финляндии, Румынии, Украины, Норвегии, Швеции, Канады. Среди представителей России — член-кор. РАН Э.Р. Тенишев и д.ф.н Г.А. Климов, избранный в Будапеште одним из вице-президентов Международного общества диалектологов и геолингвистов.

На конгрессе работало девять секций. Значительная часть докладов секции "Диалектология и теоретическая лингвистика" была посвящена методам, применяемым в диалектологии: так называемому сетевому методу и кластерному анализу для определения диалектных границ, количественным методам для построения более полной лингвогеографии Англии, пересмотру методов, предложенных Бартоли для изучения итальянских диалектов, возможностям применения в диалектологии подходов, разработанных в порождающей грамматике и лингвистике текста, а также методам изучения пограничных диалектных зон, критериям разграничения языка и диалекта, возможностям и ограничениям применения технических средств в современных диалектологических исследованиях. Обсуждались также роль

истории языка для венгерской диалектологии, соотношение диалекта и литературного стиля, фонетические различия между нидерландскими диалектами, проблемы вариативности структуры сложных слов в каталонских диалектах.

На секции "Лингвистические особенности региональных диалектов" рассмотрены, в частности, фонетические аспекты языка сибирских менонитов, диалектное членение Корсики, сицилийский вариант итальянского языка, морфологические и синтаксические особенности одного из венгерских диалектов Словакии, некоторые черты баварского диалекта. Голландские диалектологи рассказали о своих исследованиях северного (нидерландского) и южного (фламандского) вариантов стандартного голландского языка.

В секции "Диалектная лексика, лексикология, лексикография" были заслушаны следующие доклады: об английских заимствованиях в гэльских языках Ирландии и Шотландии, об Ольстерском словарном проекте, о венгерских элементах в словацких диалектах Венгрии, о диалектизмах в венгерских фамилиях, особенностях брабантского и лимбургского диалектов. Доложены результаты социолингвистических исследований в одной из областей Словении и Норфолке, шаги итальянских диалектологов по пересмотру диалектной лексикографии XVIII—XIX вв. в аспекте сохранения языка и диалекта, реестр сохранившихся в английском США и Канады географических названий из языков американских аборигенов.

Секция "Лингвистические атласы и геолингвистика" рассмотрела проблему влияния русского языка на лексику финно-угорских языков в России, второй вопросник Лингвистического Атласа Европы (ЛАЕ), лингвогеографические аспекты в диалектологических изыска-

ниях на Кавказе, Украине, в Латвии. По материалам ЛАЕ были сделаны несколько докладов (например, о слове *подсолнух* в языках Европы). На секции "Языковые контакты (многоязычие)" говорилось о переключении и смешении кодов в северорусском цыганском диалекте, многосторонних контактах диалектов в Дунайско-Карпатском языковом ареале, венгеро-швабском двуязычии в одной деревне под Будапештом, контакте языков и интерференции в Закарпатье, судьбе старых французских заимствований в диалектах центральной части Норвегии, а также о средневековых языковых контактах в романском ареале.

На секции "Изменения в региональных диалектах и социолектах" обсуждены, например, следующие вопросы: степень диалектизации как объективный фактор исследования языковых отношений, социолингвистические аспекты диалектологического изыскания, соотношение городской речи и фольклора, место диалектов в художественной литературе, изменения в языке финнов, живущих в Америке, гиперпуризм венгерских эмигрантов и венгерских меньшинств вне Венгрии, диалектные элементы в языке венгерских студентов, диалектные особенности Корсики, Италии, Венгрии, Румынии. Работа секции "Вариативность в региональных диалектах" была посвящена, в частности, проблемам вариативности в двуязычных языковых общностях, региональной вариативности в немецком и голландском языках, интерференции в каталонском языке. В докладах секции "Диалектные слова-

ри" рассмотрены типология и возможности создания систематических диалектных словарей. Ряд специальных аспектов национальной диалектной лексикографии проанализированы учеными из Швеции, Дании, Италии, Латвии. Представлен словарь албанского диалекта на Украине.

Ученые, выступившие с докладами на секции "Диалектология и образование", обменялись мнениями, в частности, о месте диалектологии в филологическом образовании (в том числе и в преподавании романской филологии), о соотношении между диалектом, стандартным языком и разговорной речью, которое существует в венгерской средней школе.

На пленарных заседаниях был прочитан доклад М. А л и н е и "О значении археологии для современной диалектологии", выступили Ф. А й н о у (Япония) с докладом "Компьютерная диалектология", Л. Д е м е (Венгрия) с докладом о достижениях венгерской диалектологии, В. В о й т (Венгрия) на тему "Фольклор и диалектология". В своем выступлении П. В а н Р е е н е н (Нидерланды) подвел итог дискуссии между Блумфилдом и Клоке о так называемой голландской экспансии, подтвердив с помощью ЭВМ правоту последнего.

На заключительном заседании было принято решение о проведении Второго международного диалектологического конгресса в Амстердаме в 1996 г.

Голубева-Монаткина Н.И. (Москва)

16 февраля 1993 г. в Москве состоялось расширенное заседание Научного совета "Русский язык: история и современное состояние" при Отделении литературы и языка Российской академии наук на тему "Перспективы развития русистики".

Чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова (Москва) открыла заседание вступительным словом, в котором кратко остановилась на тех традициях отечественного языкознания, которые, с ее точки зрения, следует развивать и обогащать. Сюда относятся такие

сильные стороны русского языкознания, как утверждение статуса лингвистики в качестве самостоятельной науки, имеющей свой собственный опыт и свою методологию; понимание языка как естественной системы со всеми сложными и многоступенчатыми признаками, принадлежащими такой системе; строгое разграничение формы и значения языковых единиц и понимание природы языкового знака в духе асимметрического дуализма; ответственность выводов, всегда опирающихся на большой и тщательно исследуемый материал; историзм в объяснении языковых явлений и понимание нормы как живой и

изменчивой категории; осторожность решений и отсутствие стремления "закрыть проблему" только на основе собственных разысканий; скромность научного поведения, принципиальное неприятие саморекламы, уважительное отношение к трудам своих предшественников и постоянное внимание к их выводам и полученным ими результатам. Эти характерные черты отечественной русистики обеспечили ее жизнеспособность, оригинальность и силу.

Может ли существовать общая концепция развития русистики? Сомнение в положительном ответе на этот вопрос было заложено в самом названии доклада чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулова (Москва) "Перспективы развития русистики: миф или реальность". Рассуждения автора состоят из двух частей: первая содержит критику возможности создания "концепции развития русистики", вторая посвящена поискам тех оснований, на которых такая концепция тем не менее могла бы строиться. Рассмотрев развитие основных концепций и направлений в лингвистике за последние десятилетия, докладчик определил различный характер перспектив развития языкознания: перспектива, открывающаяся перед целым направлением в науке; перспектива исследований отдельных ученых-лингвистов и перспектива развития науки, ориентированной на зарубежные лингвистические школы. Далее был дан подробный обзор тех исследований, которые ведутся сейчас русистами: здесь вырисовывается картина разнообразия интересов, множественности направлений и объектов исследования. Результаты таких трудов, будучи в дальнейшем обобщены и систематизированы, покажут современное состояние русистики и приоритетные направления в ее развитии.

В докладе И.С. Улуканова (Москва) "О функциональной и генетической классификации лексики древнерусского языка" рассматривались возможности использования материалов новых исторических и этимологических словарей для создания исторической лексикологии русского языка. Тезаурусный характер "Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.)" дает возможность с достаточной достоверностью определить сферы функционирования лексики этого периода в разновидностях языка Древней Руси; определение функционально-генетического статуса слов от-

крывает перспективы изучения лексики с разных точек зрения: семантической, словообразовательной, морфологической, синтаксической.

Ж.Ж. В а р б о т (Москва) в докладе "Изменение слова как показатель системных лексических связей" развивал тезис, согласно которому гнездовая система слова, наряду с системами лексико-семантических групп, может служить базой для синхронного описания и исторического исследования лексики: системный характер гнезда подтверждается фактами изменения лексем под влиянием форм и значений родственных слов.

В докладе "О некоторых принципах историзма в современной русистике" С.П. Лопушанской (Волгоград) были рассмотрены такие принципы историзма, как взаимодействие плана содержания и плана выражения в процессе эволюции русского языка, его подсистем, динамика изменений отдельных единиц языка и коррелятивных связей между ними, верификация результатов диахронического анализа с помощью статистической обработки материала по количественным и качественным параметрам.

В докладе Е.М. Верещагина (Москва) "Что является предметом истории книжно-письменного языка Древней Руси (XI—XIII вв.)?" анализировались бытовавшие в Киево-Новгородской Руси XI—XIII вв. книжные жанры: скриптурный, литургический, вероучительный, проповеднический, житийный, канонико-юридический, исторический, научный и бытовой. Предпочтение какой-либо одной группе из этих источников способно привести к искаженным представлениям о природе книжно-письменного языка. Докладчик приходит к выводу, что во всех этих жанрах отражается православная духовная культура с ее специфическими отличиями от культуры византийской.

Выступивший в дискуссии по актуальным вопросам исторической русистики В.Б. Крысько (Москва) говорил о необходимости создания исторической грамматики древнерусского языка нового типа, базирующейся на массиве материалов картотеки "Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.)", а также на материалах всех новейших исследований с опорой на обобщения теоретико-исторического характера, сделанные в последние два десятилетия.

В докладе А.В. Бондарко (С.-Петербург) "Об одном из возможных подходов к изучению грамматических значений" основное внимание было уделено интенциональности как понятию, отражающему связь грамматического значения с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности. Интенциональность трактуется как способность данного значения выступать в виде семантической функции, являющейся одним из актуальных элементов выраженного речевого смысла. Проблема интенциональности, по мысли автора, относится к тому направлению анализа, которое стремится связать сферу системных языковых значений с процессами, актуальными для речевого акта.

В докладе Л.П. Крысина (Москва) "О перспективах социолингвистических исследований в русистике" были представлены некоторые актуальные направления в изучении современного русского языка под социальным углом зрения: социальная дифференциация языка, с особым вниманием к углубленному анализу современного состояния и коммуникативного статуса некодифицированных подсистем; анализ речевого общения в малых социальных общностях, с выделением групповых шаблонов речевого поведения; исчисление и изучение типовых ситуаций речевого общения, различающихся статусно-ролевыми характеристиками коммуникантов, их коммуникативными интенциями, выбором средств и способов общения и т.п.; социолингвистический и семантический анализ предикатов, воплощающих в себе иллокутивные намерения говорящих; создание социолингвистических портретов современных носителей языка.

Е.Н. Ширяев (Москва) в докладе "Культура речи и эффективность общения" говорил об основных идеях близкой к завершению коллективной монографии с одноименным названием. Теория культуры речи разрабатывается в трех направлениях: нормативном, этическом и коммуникативном — в опоре на основные положения функциональной лингвистики и теории речевых актов.

Категория "языковой личности" в докладе М.В. Ляпон (Москва) "Языковая личность: самооценка, само моделирование" рассматривается как естественный отклик коллективного

исследовательского сознания на самые существенные потребности современной науки о языке и человеке. Данная категория представляет собой синтез языковедческого и психологического знания. Этот тезис опирается на разработанную К.Г. Юнгом классификацию человеческих типов, в основе которой лежит противопоставление интроверсии и экстраверсии. Специфика интровертированной языковой личности складывается из совокупности признаков, характерных для ее речевого поведения, таких, как тенденция к вербализации самоконтроля за своим речевым поступком, внимание к своему собственному образу как потребителя языка. Предметом самооценки может быть собственная языковая интуиция. Анализ текстов, иллюстрирующих эту направленность интровертированной языковой личности, дает, как показывает автор, ценный материал для постижения сущности составляющей языковой способности человека.

В докладе «Нужен ли сегодня "Поэтический Ожегов"?» В.П. Григорьев (Москва) говорил о необходимости создания словаря, предметом которого будет эстетическая значимость слова (а также гносеологическая, этическая и др.), его художественный потенциал, индивидуально-художественные особенности словоупотребления русских поэтов XX в. В опоре на тезис М.М. Бахтина о слове как "аббревиатуре" высказываний докладчик раскрыл разнообразные возможности представления в таком словаре внутреннего потенциала слова, раскрывающегося под пером поэта как своеобразное "уплотнение реальности" (О. Мандельштам).

Л.И. Скворцов (Москва) в докладе "Исследования в области русской социальной диалектологии (жаргоны, арго, сленг)" развивал тезис о необходимости создания сводных словарей жаргонизмов и жаргонных по происхождению слов и выражений, а также об актуальности фундаментальных исследований, посвященных описанию формирования и развития социальных диалектов русского языка последних трех веков.

После доклада развернулась дискуссия по вопросам современной русистики, в которой приняли участие В.Е. Гольдин (Саратов), Л.К. Граудина (Москва), Г.А. Золотова (Москва),

В.Н. Немченко (Нижний Новгород), А.Я. Шайкевич (Москва), Б.С. Шварцкопф (Москва).

В.Е. Гольдин говорил о тревожном положении, складывающемся в русской деревне, где исчезают не только местные диалекты, но и черты самобытной культуры, обычаи и нравы.

Выступление Г.А. Золотовой было посвящено оценке познавательной ценности грамматических квалификаций. Характеризуя развитие грамматической модели в XX в., Г.А. Золотова отметила в ней движение к осознанию языка как целого, реализуемого в текстах, в речевой деятельности, в его коммуникативно-общественной предназначенности, в его неотделимости от порождающего язык и речь человека. С этой точки зрения становится очевиднее расстояние между грамматическим устройством языка и грамматическими описаниями, недостаточность извлекаемой из материала лингвистической информации.

С 20 по 22 октября 1992 г. в Институте лингвистических исследований РАН (С.-Петербург) состоялось четвертое заседание ежегодной школы-семинара по функциональной грамматике. Первое заседание проходило в Арбавере (Эстония) в 1989 г., второе — в Отепя (Эстония) в 1990 г., третье — в Кяэрику (Эстония) в 1991 г. Тема семинара 1992 г. — "Функции грамматических единиц в высказывании". С докладами выступили ученые из России, Эстонии и Финляндии.

В докладе А.В. Бондарко (С.-Петербург) рассматривалось соотношение категориальных значений видовых форм и их функций в связи с признаком "возникновение новой ситуации". Был поставлен вопрос о характеристике функций грамматических единиц с точки зрения понятия интенциональности. Видо-временная система глагола была центральной темой нескольких докладов. Х.Томмолла (Хельсинки) говорил о типологии выражения будущего времени (на материале финно-угорских, германских и славянских языков). Он затронул, в частности, вопрос о степени грамматикализации футуральных конструкций в разных языках. Е.Е. Корди

В.Н. Немченко говорил о настоятельной необходимости изучения разных вариантных форм слова с учетом их функционирования в живой современной речи. Он иллюстрировал этот тезис примерами акцентных вариантов слов, которые в современных словарях не всегда получают адекватные характеристики.

Выступления Л.К. Граудиной, А.Я. Шайкевича и Б.С. Шварцкопфа были посвящены вопросам культуры речи, эффективности речевого общения и его узуальным нормам.

В заключение Н.Ю. Шведова отметила, что деятельность членов Научного совета "Русский язык: история и современное состояние" при Отделении литературы и языка Российской академии наук призвана содействовать активизации лингвистических исследований.

Агафонова Л.Л., Иорданиди С.И.
(Москва)

(С.-Петербург) сопоставила русский и французский языки в области функционирования сослагательного наклонения и субжонктива. Эти наклонения в независимом предложении в обоих языках выражают волеизъявление. Докладчица продемонстрировала черты типологического сходства и различия между русским и французским языками в этой области. В докладе П.А. Эслон (Таллинн) сравнивались семантические функции русских глагольных форм настоящего и будущего времени и формы настоящего времени эстонского глагола. Было подтверждено положение о том, что в системно нейтральной позиции грамматические формы сохраняют свои первичные, в частности модельные, значения. И.П. Кюльмоя (Тарту) остановилась на закономерностях функционирования вида глагола в полипредикативном высказывании. Подробно рассматривались такие факторы, как временная локализованность/нелокализованность, таксисные отношения между глаголами внутри конструкции, влияние временных союзов. В докладе Л.П. Кожениковой (С.-Петербург) демонстрировался один из возможных вариантов комбинаций частных видовых значений в рамках высказы-

вания была предложена классификация глаголов в зрелом-процессной ситуации со значением "процесс-факт". Е. П. Соколова (С-Петербург) проанализировала особенности системы частных значений несовершенного вида в рамках сослагательного наклонения М. Д. Воейкова (С-Петербург) предложила классификацию русских перформативных высказываний в зависимости от их персональной ориентированности и внутренней временной соотношенности Е. А. Мельникова (С-Петербург) обратилась к проблеме создания классификации глаголов речи английского языка, отражающей возможность/невозможность перформативного употребления глаголов той или иной группы Г. И. Панова (Абакан) раскрыла специфику формального выражения словоизменительных и классификационных грамматических категорий слова на разных уровнях грамматической системы, определила различия в способах выражения того и другого типа категорий

В докладе В. М. Павлова (С-Петербург) "Функция обобщенно-денотативного предметно-соотносительного атрибута" излагались положения об атрибутивной функции особого рода, представляющей собой выражение предметных отношений, содержательное разнообразие которых формально не дифференцируется и в которых атрибутивный компонент фиксирован в обобщенно-денотативном ракурсе значения, что позволяет представить обозначаемое в типизированном виде. В языках действует тенденция к образованию формы, специализированных на данной функции, в которых существительное-атрибут утрачивает некоторые свои частеречные свойства, частично и в разной мере десубстантивизируется

Типологическое направление лингвистических исследований было представлено на семинаре несколькими сообщениями В. С. Храковский (С-Петербург) рассмотрел репертуар условных конструкций и предпринял попытку показать, что функционирование прототипических условных конструкций (типа *Если будет хорошая погода, мы поедем за город. Придерживаясь этой теории вы не решите ни одной проблемы*) детерминирована их семантикой Н. А. Козинцева (С-Петербург) на материале разнострук-

турных языков анализировала средства выражения, семантические подтипы эвиденциальности, соотношение семантики эвиденциальности и эпистемической модальности, императива, условного наклонения, времени, лица Н. М. Спатарь (С-Петербург) на материале кхмерского языка затронула функционирование союза "если" в условных конструкциях различных семантических типов

На семинаре рассматривались также проблемы диахронического изучения языков Л. С. Ериолаева (С-Петербург), исходя из гипотезы о происхождении окончания и -е номинатива из постпозитивного определения артикля, остановилась на содержательных особенностях морфологических категорий падежа, залога, определенности/неопределенности в слабых и сильных формах прилагательного в современном немецком языке Ю. С. Кудрявцев (Тарту) предпринял попытку истолковать отношения русск. *весь—оба* как супплетивизм с реликтовым сохранением категории двойственного числа

Проблема адаптации русских заимствованных именных лексем в словоизменительной системе говоров карельских языковых островков был посвящен доклад Я. Ыйспуу (Таллинн) На большом языковом материале было показано, что при заимствовании русской лексики карельский язык берет только основу слова, словоизменительная система карельских говоров языковых островков сохранила свои прибалтийско-финские черты практически в чистом виде. С точки зрения карельского словоизменения определяющими факторами являются чередование ступеней и гласный основы. Большинство заимствованных из русского языка лексем склоняется в карельских говорах по словоизменительным типам, имеющим основу на -а

Доклад Л. И. Подольской (Таллинн) был посвящен сопоставительному анализу составного именного сказуемого в английском, эстонском и русском языках. Автор отметила, что одним из основных дистриктивных признаков предикатива следует считать его референтную соотношенность с подлежащим. Было показано, что во всех трех исследуемых языках предикатив может употребляться как с полузнаменательными (связочными) глаголами, так и с

полнозначными. Этот именной компонент несет основную смысловую нагрузку, хотя и является структурно факультативным. В эстонском языке предикативом считается лишь именной компонент в номинативе или партитиве, в остальных падежах он является обстоятельством.

Все доклады сопровождались оживленными, содержательными дискуссиями. На заключительном заседании школы-семинара его участники высоко оценили уровень докладов и выступлений.

Войкова М.Д., Мельникова Е.А.
(С.-Петербург)

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
"ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ" В 1993 г.**

СТАТЬИ

А к и м о в а Т.Г. Значение совершенного вида в отрицательных предложениях в русском языке	1
А л п а т о в В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку	3
А п р е с я н В.Ю., А п р е с я н Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций	3
А с т а х о в а Л.И. О сложносочиненном предложении	1
Б е л о в а А.Г. К вопросу о реконструкции семитского корневого вокализма ..	6
Б е л я е в Д.Д. Славянские задненёбные после падения редуцированных.....	6
Б и р н б а у м Х. Генетические и типологические методы внешнего сравнения языков	4
Б о м х а р д А.Р. Развитие личных показателей атематических глаголов в праиндоевропейском	2
Д о б р о в о л ь с к и й Д.О., К а р а у л о в Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности	2
Ж у р а в л е в А.Ф. Праславянский словник древненовгородского диалекта с точки зрения лексикостатистики	4
З а в ь я л о в а О.И. Диалекты китайского языка: состояние исследований и классификационные принципы	5
И в а н о в а С.А., К а з е н и н К.И. О коммуникативных ограничениях на взаимодействие значений лексем	5
К а л а к у ц к а я Л.П. Имена собственные в Орфографическом словаре русского языка и других лингвистических словарях	3
К а л е н ч у к М.Л., К а с а т к и н а Р.Ф. Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровнях	4
К а н т е р Л.А. К проблеме систематизации интонационного фонда языка	2
К а р а у л о в Ю.Н., К о р о б о в а М.М. Индивидуальный ассоциативный словарь	5
К и т а й г о р о д с к а я М.В., Р о з а н о в а Н.Н. Творчество Владимира Высоцкого в зеркале устной речи	1
К л и м о в Г.А. Еще одно свидетельство пребывания арийцев в Передней Азии	4
К о н е ц к а я В.П. Семантические типы слов (На материале английского языка)	6
К р ы с ь к о В.Б. Новые материалы к истории древненовгородского номинатива на -e.....	6
К с е м и д е с я т и л е т и ю а к а д е м и к а Н.И. Т о л с т о г о	3
К у б р я к о в а Е.С. Возвращаясь к определению знака	4
Л и б е р м а н А.С. Мягкие и твердые согласные в истории германских языков (К постановке вопроса)	4
Л у к и н В.А. Концепт истины и слово <i>истина</i> в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке)	4

Мароевич Р Неопределенно-личные предложения в русском языке и их сербские эквиваленты (О соотношении сопоставительной лингвистики и теории перевода)	2
Матвеев А К Субстрат и заимствование в топонимии	3
Мельчук И Согласование, управление, конгруэнтность	5
Михайлова Т А О понятии "правый" и лингвоментальной эволюции	1
Моисеев А И Из истории русской лингвистической терминологии (<i>навза—пауза</i>)	1
Мухелишвили Н Л, Шрейдер Ю А Семантика и ритм молитвы	1
Николаева Т М Просодическая схема слова и ударение Ударение как факт фонологизации	2
Оглоблин А К Система яванских гласных гармония по подъему	6
Падучева Е В Результативные значения несовершенного вида в русском языке общефактическое и акциональное	1
Падучева Е В, Розина Р И Семантический класс глаголов полного охвата толкование и лексико-синтаксические свойства	6
Пайк К Л, Саймонс Г Ф К исторической реконструкции типов матриц в морфологии	1
Перельмутер И А Функционально-семантическая эволюция индоевропейского медия	2
Потапов В В Языковая специфика структурно-компонентной актуализации ритма речи	5
Розен Х Возможен ли сравнительный индоевропейский синтаксис?	1
Рузин И Г Природные звуки в семантике языка (когнитивные стратегии именования)	6
Соколовская К А Прагматическая интерпретация аспектуальной характеристики высказываний	5
Тарасова И П Структура личности коммуниканта и речевое воздействие	5
Тарланов З К Тенденции в динамике глагольных наклонений в восточно-лезгинских языках	3
Татаринцев Б И Заимствования или исконная лексика? (К проблеме древних слов иноязычного происхождения в тюркских языках)	1, 2
Телегин Д Я Иранские гидронимы на Левобережье Днепра и археологические культуры	2
Хегер К От стеммы к актантной модели	3
Ходорковская Б Б К предистории системы времен инфекта/перфекта в латинском и оскско-умбрском языках (Становление системы перфекта)	2
Хэмп Э К методике анализа историко-фонетических аномалий Индра, его лук и виноградная гроздь	2
Шатуновский И Б Семантическая структура предложения, "связка" и нереферентные слова	3
Шмидт К Х Картвельский и армянский	3
Юрченко В С Реальное время и структура языка (К философии языкознания)	3
Яковлева Е С О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира	4

- В е ж б и ц к а А Антитоталитарный язык в Польше механизмы языковой самообороны 4

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- В а й с г е р б е р Й Л Язык и философия 2
 Ж и ж о в Э Б К истокам учения о русской деловой речи О книге М Л Магницкого "Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу" (М, 1835) 1
 Р а д ч е н к о О А Лингвофилософский неоромантизм Й Л Вайсгербера 2
 Т а т а р и н о в В А Из истории отечественного терминоведения Эрнест Карлович Дрезен 3

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

- А л и н е и М Лингвистический атлас Европы первые двадцать два года 3
 К а б а к о в а Г И Французская этнолингвистика проблематика и методология 6
 О р л о в Г А Новейшие исследования английской литературно-разговорной речи (По материалам англоязычной лингвистической литературы) 5
 П и о т р о в с к и й Р Г, П о л е с к у л А Н, С о в п е л ь И В Как строится и работает лингвистический автомат 2
 Х а н т Д Вычислительная лингвистика в Летнем Институте лингвистики 6

Рецензии

- А л е к с е е в А А К о в т у н Л С Азбукovníки XVI—XVII вв старшая разновидность *Birgegård U Johan Gabriel Sparwenfeld and lexicon Slavonicum Sparwenfeld J G Lexicon Slavonicum* 1
 А н д р ю щ е н к о В М Г р я з н у х и н а Г А, Д а р ч у к И П, К л и м е н к о Н Ф и др Использование ЭВМ в лингвистических исследованиях 4
 В а в ш е н к е р А Н, Е р е м и н А Н, П е т р и ч е н к о М А Тихонов А Н, П а р д а е в А С Роль гнезд однокоренных слов в системной организации лексики Отраженная синонимия Отраженная омонимия Отраженная антонимия 4
 В е р е т е н н и к о в А А Р у б и н ч и к Ю А Лексикография персидского языка 2
 Г а к В Г Словарь современного русского литературного языка 1
 Г а к В Г Б а р а н о в Л П, К а р а у л о в Ю П Русская политическая метафора (материалы к словарю) 3
 Д е н и с о в П Н Фразеография в Машинном фонде русского языка 5
 Д о м а ш н е в А И *Stellmacher D Niederdeutsche Sprache Eine Einfuhrung* 2
 Ж у р а в л е в А Ф В о й т е н к о А Ф Пексический атлас Московской области 5
 З о г р а ф Г А *Masica C P The Indo-Aryan languages* 2
 К а р а у л о в Ю Н М а к о в с к и й М М Лингвистическая генетика 1
 К л и м о в Г А Ф е н р и х Х, С а р д ж в е л а д з е З А Этимологический словарь картвельских языков 2
 К л и м о в Г А *The Non-Slavic languages of the USSR Linguistic studies, The Non-Slavic languages of the USSR New series* 6
 К о р н и л а е в а И А *Berger T Wortbildung und Akzent im Russischen* 4

Красухин КГ <i>Lamberterie Ch de Les adjectifs grecs en vç Semantique et compraison</i>	2
Крысько ВБ <i>Демьянов ВГ Фонетико морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века</i>	1
Маковский ММ <i>Puhvel J Hittite etymological dictionary 1—3</i>	4
Маковский ММ <i>Karulis K Latviesu etimologijas vardnica 1—II</i>	6
Милославский ИГ <i>Ферм Л Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке К вопросу префиксально-предложного детерминизма</i>	4
Мокиенко ВМ <i>Worterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre Onomasologie</i>	1
Нарумов БП <i>Hispanica Posnaniensia</i>	3
Насилов ДМ <i>Козинцева НА Временная локализованность действия и ее связь с аспектуальными модальными и таксисными значениями</i>	3
Николаева ТМ <i>Новые издания</i>	3
Никulichева ДБ <i>Bradean Ebinger N Sprachkontakte und Zweisprachigkeit in Fennoskandinavien Soziolinguistische Aspekte der Zweisprachigkeit im nordlichen Areal</i>	5
Подлеская ВИ <i>Рахилина ЕВ Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке)</i>	6
Попов ИА <i>Войтенко АФ Лексический атлас Московской области</i>	5
Портнов АН <i>Genesis of language</i>	3
Потапов ВВ <i>Ladefoged P Representing phonetic structure</i>	3
Челышева ИИ <i>Ruzzi E Italiane Regionale e variazione sociale L'italiano di Bologna</i>	5
Чернов ВИ <i>Грамматические исследования Функционально стилистический аспект Морфология Словообразование Синтаксис</i>	6

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Пиотровский РГ <i>Конференции, посвященные компьютерной (инженерной) лингвистике</i>	3
Хроникальные заметки	4—6

Технический редактор *Н И Салюк*

Сдано в набор 29 08 93	Подписано к печати 25 10 93	Формат бумаги 70 × 100 1/16
Офсетная печать	Усл печл 13 0	Усл кр отг 31,6 тыс
Тираж 2385 экз	Зак 472	Уч издл 15,5
		Бум л 5 0
		Цена 20 р

Адрес редакции 121019, Москва Г 19, ул Волхонка, 18/2 Институт русского языка,
телефон 201 74 42

Московская типография № 2 ВО 'Наука', 121099, Москва, I 99, Шубинский пер., 6